P 72/300

Р 72/300
301-91
4/089-7

УСТАВНЫЯ ЗЕМСКІЯ ГРАМОТЫ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КАНДИДАТА ПРАВЪ

Михаила Ясинскаго,

удостоенное Юридическимъ факультетомъ Университета св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И Пирогова.

Кіевъ.
Въ университетской типографіи (В. І. Завадзкаго).
1889.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

P 72/300

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. V—VI

Отдѣлъ первый.

Исторія уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства . . . . . 1—98

I. Мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства 1

II. Число и происхожденіе извѣстныхъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства 37

III. Система, содержаніе и изданія извѣстныхъ намъ уставныхъ земскихъ грамотъ 73

Отдѣлъ второй.

Систематическій сводъ уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства. . . . . 99—200

Оглавленіе рубрикъ и статей систематическаго свода. 201—207

Таблица къ систематическому своду.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе, вызванное темою, предложенною Юридическимъ факультетомъ Университета св. Владиміра, нынѣ выходитъ въ свѣтъ не вполнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено въ факультетъ въ ноябрѣ прошлаго года. Прежде всего измѣненія коснулись объема работы: по независящимъ отъ насъ, чисто-внѣшнимъ обстоятельствамъ мы принуждены были ограничиться печатаніемъ двухъ первыхъ отдѣловъ нашего труда, т. е. исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ и систематическаго свода ихъ, опустивъ третій, посвященный изложенію и объясненію содержанія этихъ памятниковъ. Затѣмъ произошли нѣкоторыя измѣненія и въ тѣхъ частяхъ работы, которыя нынѣ напечатаны,—измѣненія, вызванныя частью вторичнымъ просмотромъ всей работы, частью же указаннымъ выше сокращеніемъ объема ея. Къ числу такихъ измѣненій, и при томъ болѣе существенныхъ, принадлежатъ тѣ, которыя были произведены во 2-ой главѣ перваго отдѣла съ цѣлью нагляднѣе опредѣлить время происхожденія первоначальныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ. Кромѣ того, опуская послѣднюю часть нашей работы, мы должны были позаботиться о приданіи бо́льшей жизни сведенному тексту грамотъ, а всей работѣ (въ нынѣшнемъ ея объемѣ) бо́льшей полноты и законченности. Съ этою цѣлью сдѣланъ нами во второмъ отдѣлѣ рядъ подстрочныхъ примѣчаній, явившихся посильнымъ результатомъ внимательнаго изученія прежде всего источниковъ, т. е. устав. земскихъ грамотъ и др. законодательныхъ памятниковъ до-статутоваго періода, а затѣмъ и существующихъ немногочисленныхъ и далеко не всегда согласныхъ между собою пособій.

Посвящая свой первый трудъ тому отдѣлу исторіи русскаго права, который до сихъ поръ весьма мало обработанъ въ ученой литературѣ, мы считаемъ нашу цѣль достигнутою, если намъ удалось внести хотя нѣсколько лучей свѣта въ заброшенную и мало извѣстную область литовско-русскаго права, а себя лично вполнѣ вознагражденными за потраченное нами время, если компетентные люди найдутъ, что наше изслѣдованіе, несмотря на всѣ его недостатки, можетъ служить пособіемъ при изученіи исторіи русскаго права, въ составъ которой, безъ сомнѣнія, должна входить исторія права обѣихъ половинъ— не только восточной, но и западной—одного великаго цѣлаго—Россіи.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ своимъ выразить нашу глубокую благодарность профессору Михаилу Флегонтовичу Владимірскому-Буданову за тѣ совѣты и указанія, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго труда.

М. Я.

Кіевъ.
Декабрь, 1888 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ИСТОРІЯ
УСТАВНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ ГРАМОТЪ
ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства.

Съ половины XIII в. различныя русскія земли стали входить въ составъ молодаго и воинственнаго государства Литовскаго, частью покоренныя Литовскими князьями, частью подчинившіяся имъ почти добровольно [1]). При Гедиминѣ почти окончательно сформировалось сильное своей военной организаціей и страшное для сосѣдей Литовско-Русское государство, прочно соединившее подъ однимъ государственнымъ знаменемъ, безъ всякаго ущерба другъ другу и на равныхъ правахъ, двѣ совершенно различныя народности, религіи и цивилизаціи. Бѣдная, мало цивилизованная, но храбрая и воинственная горсть Литовцевъ подчинила своей власти обширную, многолюдную [2]), щедро надѣленную природою и весьма, сравнительно съ Лит-

---

[1]) Первымъ пріобрѣтеніемъ Литовцевъ на Руси, еще въ первой половинѣ XIII ст., была такъ называема Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ и Волковыскомъ; остальныя русскія земли входили въ составъ Литовскаго государства въ такомъ порядкѣ: около половины XIII ст.—Полоцкая земля, около начала XIV ст.—княжества Пинское и Туровское, вначалѣ XIV ст. (около 1320 г.)—земля Витебская, затѣмъ около 1340 г., съ прекращеніемъ рода Галицко-Владимірскихъ князей, земля Волынская и, наконецъ, въ 1362 г. присоединяются къ Литвѣ Кіевская и Подольская земли; вскорѣ послѣ этого Литовскіе князья овладѣваютъ и Смоленскомъ (см. „Монографіи“ В. Б. Антоновича, стр. 44—46 и 229).

[2]) Русскія земли составляли болѣе $^{9}/_{10}$ всего пространства Литовско-Русскаго государства (см. „Монографіи“, стр. 229).

вою, цивилизованную, хотя и несплоченную единою политическою властью и тѣснимую Татарами, Русь. При такихъ условіяхъ Литва не могла, конечно, навязать Руси свои порядки и обычаи, не могла обезличить ее, но, наоборотъ, въ свою очередь подчинилась мирному оружію Руси, ея цивилизаціи: русская образованность, русскіе порядки, русскіе языкъ и письменность становятся господствующими въ ново-образовавшемся государствѣ; Литовскіе князья охотно усвояютъ все русское, удерживаютъ въ присоединенныхъ земляхъ древне-русскіе порядки, сохраняютъ вѣчевое устройство городовъ [1]), терпимо относятся къ православной вѣрѣ и даже сами принимаютъ крещеніе по обряду православной церкви [2]).

Русская цивилизація, вліяя на всѣ элементы литовской жизни, не могла не вліять въ то-же время на юридическую жизнь Литовско-Русскаго государства, тѣмъ болѣе, что раньше половины XIII ст. въ Литвѣ не существовало никакихъ письменныхъ памятниковъ юридической и политической жизни, а туземные литовскіе обычаи подъ напоромъ болѣе совершенныхъ обычаевъ и порядковъ русскихъ, понятно, должны были или совершенно исчезнуть, или ассимилироваться съ этими послѣдними.

Обозрѣвая памятники литовско-русскаго права, мы всюду находимъ указанія на существованіе и господство въ теченіе XIV—XV вв. русскаго обычнаго права. Таковы, напримѣръ, выраженія еврейскаго привилея отъ 1388 г.: „....ижъ бы, *подлугъ обычая нашое земли*, правъ нашихъ, былъ каранъ....“; „*водлугъ обычая земского* маетъ заплатити вину.... которая *здавна* уложона“ (Ак. З. Р. I, № 9). Въ послушной грамотѣ жителямъ г. Брянска отъ 1450 г. говорится: „а суды *судити по старынѣ*, какъ у васъ *издавно пошло*, а своихъ новыхъ судовъ, а никоторыхъ *пошлинъ новыхъ не вводити*....“ (Ак. З. Р. I, № 52). „Нехай то будетъ по тому, какъ *здавна бывало*.... бо *мы старины не рухаемъ*, а новины не уводимъ“, говоритъ грамота 1486 г. (Ак. З. Р. I, № 90).

---

[1]) См. напр. Ак. З. Р. I, № 60, откуда видно, что вѣче въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ городахъ, подвластныхъ Литвѣ, существовало еще въ XV в.

[2]) Такъ Гедиминъ, оставаясь язычникомъ, не препятствовалъ однако своимъ сыновьямъ и дочерямъ (при ихъ замужествѣ) принимать крещеніе.

Подобныя же ссылки на древніе обычаи, пошлины и вообще на старину *„звѣчную* и *стародавную“* встрѣчаются во множествѣ и въ другихъ литовско-русскихъ памятникахъ [1]). Изъ этихъ же памятниковъ узнаемъ, что обычаи эти и пошлины издавна назывались *русскими*. Такъ, указаніе на господство въ Литвѣ русскаго обычнаго права мы встрѣчаемъ еще въ договорѣ Ольгерда съ Польскимъ королемъ Казиміромъ и съ князьями Бельзской и Подольской земли (отъ 1366 г.), гдѣ между прочимъ сказано, что поляки должны судиться по польскому, а русины (т. е. жители Литвы и Руси) по *русскому праву* [2]). Такія же указанія находимъ и во всѣхъ привилеяхъ на магдебургское право: „тое мѣсто нашо съ *права* Литовского и *Руского*..... въ право Нѣмецкое Майдеборское перемѣняемъ... отдаляючи тамъ же *вси права, уставы и обычаи перьво держаные*“ (Ак. З. Р. I, № 159) [3]).

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ [4]) упоминаются также права: витебское, полоцкое, смоленское, кіевское и т. д., что указываетъ на развитіе и господство въ каждой землѣ своихъ мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, а также на отсутствіе общаго для цѣлаго государства законодательства.

Всѣ приведенныя, а равно и многія другія, не приведенныя здѣсь, но весьма часто встрѣчающіяся, ссылки памятниковъ на *„здавна-уложенные“* *„обычаи* и *права земскіе“*, пошлину и старину несомнѣнно указываютъ на господство обычнаго права въ первый періодъ существованія Литовско-Русскаго государства. Господство обычая простиралось не только на сферу частныхъ гражданскихъ отношеній, уголовнаго права и процесса, но даже различныя стороны публичной, государственной жизни (каковы, напримѣръ, административныя, сословныя и финансовыя отношенія) часто не были изъяты государствомъ отъ вліянія пошлины, старины, обычая, и здѣсь, т. е. въ

---

[1]) См. напр. Ак. З. Р. I, №№ 120, 147, 174, 175 и др.; II, № 203 и др. А. Ю. и З Р. I, № 4 и др.

[2]) Skarbiec diplomatów I, стр. 210—211 (№ 432).

[3]) См. также Ак. З. Р. I, № 165; II, №№ 13, 61, 71 и др.

[4]) Ак. З. Р. I, №№ 204, 213; II, №№ 70, 30 и др. См. также „Русско-Ливонскіе Акты“, №№ CLIII (отъ 1405 г.), CLXIV, CLXV (1407 г.): „Аже Полочанинъ извинился у Ризе, ино его послати у Польтескь; и тамо его свои и казнять *по своеи правде*“; „ино его тамъ *Полочане* осудятъ *по своему праву*“.

сферѣ чисто публичной, весьма многое было предоставлено автономіи общинъ и регламентаціи путемъ обычнаго права. Государственная власть всюду и всегда ссылается не на законъ, а на пошлину, старину, обычай, какъ на источникъ права, освящаетъ ихъ своимъ авторитетомъ, облекаетъ часто въ форму закона и ревниво охраняетъ отъ всякихъ нововведеній: *„нехай то будетъ по тому, какъ здавна было.... бы мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ....“*; „бо мы никому повины не велимъ вводити, а старины рухати....“ (Ак. З. Р. I, №№ 90, 120, 127 и др.).

Такое господство обычаевъ, какъ главнаго и почти единственнаго въ продолженіе двухъ столѣтій источника права, обусловливается между прочимъ также отсутствіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ до конца XV в. какой-бы то ни было кодификаціонной дѣятельности въ области законодательства: лишь въ концѣ XV в., а именно въ 1468 г. былъ изданъ первый законодательный сборникъ Литовско-Русскаго государства—Судебникъ Казиміра.

Но и съ появленіемъ Судебника (1468 г) и нѣсколько позже—Литовскаго Статута (въ 1529 г.) законы писанные не подавляютъ живучести обычнаго права, не исключаютъ его изъ области дѣйствующаго права, такъ какъ, издавая Судебникъ и Статутъ, законодательная власть съ одной стороны стремится между прочимъ узаконить обычай (обычаи были однимъ изъ главныхъ источниковъ не только Судебника, но и Литовскаго Статута), а съ другой—оставляетъ за обычаемъ, пошлиной значеніе дополнительнаго источника дѣйствующаго права во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законодательныя (писанныя) нормы на практикѣ окажутся недостаточными, когда по данному случаю не будетъ подходящихъ „артыкуловъ“ [1]).

Одновременно съ развитіемъ и господствомъ обычнаго права не бездѣйствуетъ и княжеская власть. Не довольствуясь однимъ пассивнымъ отношеніемъ къ народному обычаю, какъ господствующему источнику права, и почти молчаливымъ признаніемъ его ненарушимости и авторитета, князья уже съ конца XIV в. выступаютъ съ первыми попытками законодательной регламентаціи различныхъ част-

---

[1]) Лит. Статутъ 1529 г., Р. VI, ар. I (in fine): „А которыхъ бы артыкулов не было еще в тых правах вышей писано, тогды тое право мает сужоно быти водле старого обычая“.... См. также ар. 37 того же раздѣла.

ныхъ и публичныхъ отношеній. Впрочемъ, вся законодательная дѣятельность князей сводится въ это время преимущественно лишь къ узаконенію господствующаго обычая; внѣшнимъ же образомъ она выражается въ огромномъ количествѣ различнаго рода грамотъ, данныхъ на отдѣльные частные случаи. Вызванные частнымъ случаемъ, иногда личной милостью князя, несвязанные между собою одной какой-либо опредѣленной законодательной идеей, акты эти отличаются сепаративнымъ, случайнымъ характеромъ отдѣльныхъ опредѣленій и отсутствіемъ общихъ руководящихъ положеній. При такихъ отличительныхъ чертахъ первыхъ письменныхъ формъ закона неписанное обычное право успѣшно конкуррировало съ ними и попрежнему широко примѣнялось въ жизни.

До нашего времени дошло большое количество грамотъ, изданныхъ вел. князьями Литовскими по различнымъ поводамъ, а вслѣдствіе этого чрезвычайно разнообразныхъ по своему содержанію и назначенію. Въ сборникахъ литовско-русскихъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею [1]), напечатано болѣе 20 видовъ этихъ грамотъ: договорныя, различныхъ родовъ жалованныя, уставныя, таможенныя, судныя, послушныя, вотчинныя, льготныя, правыя, присяжныя, поручныя, позывныя, охранныя, окружныя, вкладныя и мн. др. Конечно, многія изъ дошедшихъ до насъ грамотъ не имѣютъ почти никакого значенія въ исторіи источниковъ права, но въ общей массѣ грамотъ мы встрѣчаемъ и такіе виды ихъ, которые имѣютъ несомнѣнно законодательный характеръ и представляютъ для историка права цѣнный матеріалъ, уясняющій ходъ дальнѣйшаго развитія литовско-русскаго права и характеръ этого развитія.

Грамоты, имѣвшія несомнѣнно законодательный характеръ, обыкновенно назывались въ Литовско-Русскомъ государствѣ *„листами“* и *„привилеями“*. Привилей, или привилегія, былъ главною формою развитія литовско-русскаго права до тѣхъ поръ, пока содержаніе различныхъ привилегій не обратилось въ общій законъ. При томъ эта форма закона имѣла весьма широкое примѣненіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ: въ формѣ привилея издавались не одни только законы партикулярные, но и вообще различные роды жалованныхъ

---

[1]) „Акты относящіеся къ исторіи Западной Россіи“ и „Акты относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи“.

грамотъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Про законодательную же дѣятельность в. князей Литовскихъ въ періодъ цѣлаго столѣтія, начиная съ конца XIV в., можно сказать, что она исключительно выражалась лишь въ этой формѣ: въ привилеяхъ князья санкціонировали и тѣ начала, которыя существовали уже въ силу обычая, въ привилеяхъ они устанавливали по мѣрѣ надобности и нормы произвольныя, въ нихъ же, наконецъ, выражали они и свое благоволеніе и свои личныя милости. До чего привилейная форма была обычной и обыкновенной формой для всѣхъ законодательныхъ актовъ, можно судить уже изъ того, что даже законы общіе, не подходящіе ни въ коемъ случаѣ подъ понятіе жалованной грамоты, назывались въ текстѣ листами и привилеями: припомнимъ, напримѣръ, начало Судебника 1468 года, гдѣ этотъ сборникъ общихъ нормъ названъ „листомъ", и гдѣ употреблена обычная въ привилегіяхъ формула [1]).

Привилеи давались великими князьями Литовскими съ XIV в., сначала въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, а потомъ все чаще и чаще. Уже въ XV ст. эпоха привилегій достигаетъ своего апогея: привилеи даются и всему государству въ лицѣ высшихъ сословій (это такъ называемые „земскіе привилеи") и отдѣльнымъ провинціямъ или областямъ государства („областные привилеи"), и отдѣльнымъ городамъ (преимущественно на магдебургское право), и учрежденіямъ (церквамъ, монастырямъ), и отдѣльнымъ классамъ населенія (духовенству, мѣщанамъ, господарскимъ людямъ), и отдѣльнымъ группамъ лицъ (евреямъ, татарамъ) и, наконецъ, различнымъ частнымъ лицамъ. Словомъ сказать, всѣмъ даются привилеи, всѣ и каждый, кто только можетъ, стремятся обезпечить привилеями свои права или преимущества, всякій домогается получить въ свою пользу исключеніе изъ общаго правила.

Происходитъ интересное и замѣчательное явленіе въ исторіи законодательства Литовско-Русскаго государства: *привилегія стремится исключить общій законъ.*

Раньше другихъ и особенный успѣхъ въ пріобрѣтеніи всякихъ льготъ и преимуществъ имѣла шляхта, которая, начиная съ конца XIV в., стремится, по примѣру шляхты польской, совершенно выдѣ-

---

[1]) „.... Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на нь посмотрить или чтучи услышить, нжь мы.... и т. д." (Ак. З. Р. I, № 67).

литься изъ общей массы населенія, пріобрѣсти особенныя, исключительныя права и привилегіи и получить руководящее вліяніе даже на дѣла государственныя. Всего этого она достигаетъ въ такъ называемыхъ земскихъ привилеяхъ, или жалованныхъ шляхетскихъ грамотахъ, созданныхъ по образцу привилегій польской шляхты и имѣвшихъ большое вліяніе на характеръ развитія литовско-русскаго права: привилегіи эти внесли въ сферу общаго права сословный элементъ и придали всему послѣдующему законодательству сословную окраску.

Всѣ прочія сословія, группы лицъ, наконецъ, города и отдѣльныя провинціи государства стремятся въ свою очередь заручиться особыми привилеями; при этомъ одни хлопочутъ о полученіи различныхъ льготъ и преимуществъ, другіе же лишь объ охранѣ своихъ законныхъ правъ. Отсюда такое изобиліе привилеевъ и чрезвычайное разнообразіе ихъ по своему содержанію и значенію въ ряду источниковъ права. Ниже мы займемся болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ литовско-русскихъ привилеевъ, ихъ классификаціей и опредѣленіемъ характера и значенія отдѣльныхъ видовъ этихъ привилегій съ цѣлью выдѣлить изъ общей массы ихъ тѣ грамоты, которыя жаловались различнымъ землямъ, или областямъ Литовско-Русскаго государства, и которыя составляютъ предметъ настоящаго труда; теперь же продолжимъ общій обзоръ движенія законодательства въ Литовско-Русскомъ государствѣ до начала XVI в., т. е. до изданія Литовскаго Статута 1529 г.

Нѣсколько позже привилеевъ являются законы общаго характера, регламентирующіе различныя стороны юридической жизни, преимущественно въ тѣхъ сферахъ ея, гдѣ интересы государства сталкиваются съ интересами частныхъ лицъ; является такимъ образомъ Судебникъ, издаются уставы и ухвалы.

Литовскій Судебникъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Судебника короля Казиміра*, былъ изданъ, какъ мы уже сказали, во второй половинѣ XV ст., а именно въ 1468 году. Этотъ судебникъ, явившійся результатомъ первыхъ попытокъ кодификаціонной дѣятельности въ Литовско-Русскомъ государствѣ и замѣчательный, какъ первый литовско-русскій обще-законодательный сборникъ, далеко впрочемъ не обнимаетъ всѣхъ правовыхъ нормъ, бывшихъ уже тогда въ юридическомъ оборотѣ, и такимъ образомъ оставляетъ попрежнему широкое поле для господства обычнаго права, а на ряду съ этимъ послѣднимъ

и всякаго рода привилегій: онъ касается только нѣкоторыхъ сторонъ уголовнаго и процессуальнаго права, при чемъ главное вниманіе обращено въ немъ на татьбу и процессъ по татебнымъ дѣламъ [1]).

Подъ именемъ *„уставъ“* и *„ухвалъ“* издаются съ начала XVI в. спеціальные законы, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права или же касавшіеся различныхъ сторонъ государственнаго благоустройства, административныхъ и финансовыхъ отношеній и пр. Вся разница между уставами и ухвалами основана на томъ обстоятельствѣ, отъ какого органа эти законодательные акты исходили,—отъ великаго князя или сейма; въ первомъ случаѣ они обыкновенно назывались уставами, а во второмъ ухвалами [2]).

Наконецъ, какъ результатъ всей юридической жизни Литовско-Русскаго государства съ XIII в. по первую четверть XVI в. включительно, какъ итогъ всего того, что выработано было юридическою жизнью народа въ формѣ обычая и законодательною властью въ

---

[1]) Изъ 25 статей, на которыя дѣлится Судебникъ 1468 г., 16 статей (а именно ст. 1—8 и 12—19) трактуютъ о татьбѣ; остальныя статьи распредѣляются такъ:

3 статьи о вотчинномъ судѣ (ст. 9—11)
3 „ о тяжбахъ по „земнымъ“ дѣламъ, порубкамъ и наѣздамъ (ст. 20—22)
1 статья о находкѣ (ст. 23)
1 „ о уводѣ чужаго человѣка (ст. 24)
1 „ о мостовой повинности (ст. 25).

(Нумерація статей Судебника цитирована здѣсь по „Христоматіи Русскаго Права“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова; вып. 2, стр. 35—45).

[2]) Вотъ перечень нѣкоторыхъ извѣстныхъ „уставъ“ и „ухвалъ“:

1) Устава 1507 г. о [illegible]родной переписи и военной службѣ (А. З. Р. II, № 12).
2) Листъ 1507 г. [illegible]енный“ на сеймѣ) о податяхъ на содержаніе войска (о сборѣ [illegible]зны) (Ак. З. Р. II, № 17).
3) Устава 1507 г. о предѣлахъ власти и правахъ гетманскихъ (А. З. Р. II, № 25).
4) Постановленіе 1507 г. о давности (Skarbiec II, 276, № 2185).
5) Устава 1508 г. о вводѣ польск. монеты въ Литву (Ак. З. Р. II, № 31).
6) Устава 1509 г. о конфискаціи имѣній измѣнниковъ (А. З. Р. II, № 50).
7) Устава 1509 г. о пересудахъ (Ак. З. Р. II, № 52).
8) Устава 1528 г. о земской оборонѣ (А. З. Р. II, № 152 и допол. № 161).
9) Ухвала 1507 г. о доказательствахъ шляхетства (Skarbiec, II, 277, № 2192).
10) Ухвала 1509 г. о вѣнѣ (Skarbiec II, 279, № 2207).

Содержаніе этихъ уставъ и ухвалъ изложено въ соч. Чарнецкаго—„Исторія Литовскаго Статута“ (Ун. Изв. 1867, № 7, стр. 22—34) и въ „Русской Исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина (т. II, вып. 1, стр. 69—73).

формѣ различныхъ „привилеевъ“, „уставъ“, „ухвалъ“ и Судебника, является въ 1529 г. общій для всего государства кодексъ или, точнѣе, сводъ земскаго права—*Литовскій Статутъ.*

Таковъ въ краткихъ чертахъ былъ общій ходъ развитія права въ Литовско-Русскомъ государствѣ: сначала во всѣхъ сферахъ юридической жизни народа замѣчается господство обычнаго права и отсутствіе письменныхъ формъ закона, затѣмъ являются привилегіи, или жалованныя грамоты всякаго типа, при распространеніи которыхъ обычное право общаго характера, хотя и продолжаетъ конкуррировать съ частными формами закона, но постепенно (особенно со времени вліянія Польши) туда, т. е. въ сферу общаго обычнаго права, вторгается элементъ сословный, и, наконецъ, издаются Судебникъ и др. законодательные акты общаго характера; все же это завершается созданіемъ Литовскаго Статута, этого, по удачному выраженію *Ѳ. И. Леонтовича*[1]), свода шляхетскихъ привилеевъ съ „стародавними“ русскими обычаями.

Обратимся теперь снова къ эпохѣ привилеевъ, т. е. къ тому періоду исторіи литовско-русскаго права, когда юридическая жизнь народа регламентировалась нормами обычнаго права, законы общіе отсутствовали, а единственной письменной формой закона были различнаго рода жалованныя грамоты, изданныя въ формѣ привилегій, и постараемся изъ общей массы ихъ выдѣлить тотъ видъ грамотъ, который составляетъ предметъ настоящаго труда. Съ этой цѣлью попытаемся огромное количество дошедшихъ до насъ литовско-русскихъ привилеевъ привести въ извѣстную систему, т. е. произвести группировку этихъ актовъ по ихъ характеру и содержанію. При этомъ надѣемся мы уяснить сущность каждаго вида грамотъ, изданныхъ въ формѣ привилегій, и опредѣлить его значеніе въ ряду источниковъ права. Кромѣ того подобная классификація представляется намъ необходимой въ виду широкаго смысла самаго термина „привилей“, употреблявшагося въ Литовско-Русскомъ государствѣ для всѣхъ родовъ жалованныхъ грамотъ, а равно и вслѣдствіе не вполнѣ твердой и не всегда правильной терминологіи, принятой редакціями тѣхъ

---

[1]) „Русская Правда и Литовскій Статутъ“. Ун. Изв. 1865 г., № 2, стр. 13.

сборниковъ, въ которыхъ напечатаны нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ литовско-русскаго законодательства.

Мы уже упоминали раньше, что привилей былъ господствующей формой развитія права въ Литовско-Русскомъ государствѣ, что въ этой формѣ выразилась почти вся законодательная дѣятельность великихъ князей Литовскихъ, и что подъ названіемъ *привилей* дошли до насъ совершенно различные акты правительственной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ привилеи давались и областямъ, и городамъ, и учрежденіямъ, и сословіямъ, и корпораціямъ, и даже отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, то не очевидно ли уже изъ одного только перечня юридическихъ и физическихъ лицъ, получавшихъ особые привилеи, что подъ общимъ и, такъ сказать, излюбленнымъ терминомъ *привилей* скрываются самые разнообразные и по содержанію и по значенію законодательные акты.

Дѣйствительно, изучая различнаго рода привилеи, сравнивая между собою и классифицируя ихъ, наблюдая ихъ силу и отношеніе къ обычному праву, можно замѣтить, что подъ названіемъ „привилей“ разумѣется *три рода совершенно различныхъ по характеру и предмету содержанія актовъ правительственной дѣятельности,* а именно: 1) жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ, 2) грамоты льготныя, или привилегіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. частные законы, заключающіе въ себѣ изъятіе изъ общихъ нормъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ, сословій, различныхъ мѣстностей государства и т. д. и 3) жалованныя грамоты охранительнаго характера.

Спѣшимъ къ этому прибавить, что мы намѣтили лишь, такъ сказать, главные или общіе разряды литовско-русскихъ привилеевъ, и что, конечно, всѣ три, а особенно два послѣдніе изъ этихъ разрядовъ, въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ на это обстоятельство и отмѣтимъ главнѣйшіе виды, теперь же обратимся къ непосредственному разсмотрѣнію 3-хъ указанныхъ выше разрядовъ привилеевъ, или литовско-русскихъ жалованныхъ грамотъ; при этомъ мы будемъ обращать вниманіе на характеръ содержанія, степень обязательной силы и отношеніе къ обычному праву отдѣльныхъ видовъ указанныхъ грамотъ.

I. Къ жалованнымъ грамотамъ въ тѣсномъ смыслѣ[1]) надо отнести всѣ грамоты, 1) заключающія въ себѣ пожалованіе частнымъ лицамъ и учрежденіямъ различныхъ недвижимыхъ имуществъ, угодьевъ, промысловъ, десятинъ (въ пользу монастырей и церквей[2]) или 2) укрѣпляющія сдѣлку, по которой одно лицо пріобрѣтаетъ недвижимое имущество у другого[3]); къ этому же типу грамотъ принадлежатъ, наконецъ, 3) и тѣ, въ которыхъ великіе князья жалуютъ кому-либо различные титулы, шляхетское или рыцарское достоинство и т. под.[4]).

Всѣ грамоты этого рода облечены въ привилегіарную форму, и часто сами себя называютъ „листами“ и „привилеями“[5]). При ближайшемъ однако разсмотрѣніи ихъ становится очевиднымъ, что, являясь преимущественно простыми дарственными (со стороны великихъ князей) актами на имущества, угодья и проч., грамоты эти не устанавливаютъ никакихъ общихъ нормъ, не заключаютъ въ себѣ также никакихъ льготъ, или изъятій изъ этихъ нормъ[6]), а потому не имѣютъ почти никакого значенія въ смыслѣ источниковъ права.

---

[1]) Грамоты этого типа явились, надо думать, раньше прочихъ родовъ жалованныхъ грамотъ, по крайней мѣрѣ древнѣйшая изъ грамотъ, дошедшихъ до насъ,—это жалованная грамота Ольгерда на село и земли, данная въ 1337 г. дворянину Тункелю. См. Skarbiec diplomatów, t. I, 176, № 352.

[2]) Ак. З. Р. т. I, №№ 6, 13, 15, 22, 36, 45, 54 и мн. др.; Archivum Sanguszków, t. I, №№ XII (отъ 1390 г.), XXIV, XXVI, XXVIII, XXX, XLIV, XLVII, CXXVIII и др. Грамоты, заключающія въ себѣ пожалованіе недвиж. имущ., угодьевъ и пр., принято обыкновенно называть *вотчинными*. Очень часто вмѣстѣ съ пожалованіемъ имѣній опредѣляются въ этихъ грамотахъ и размѣры службы вотчинника: „А панъ Петръ съ того имѣнья имасть служити намъ двѣма копьи“ (Ак. З. Р. I, № 36); или: „....а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема на заволаную войну, яко иніи земляне служатъ“ (Ак. З. Р. I, № 45).

[3]) Примѣромъ могутъ служить: жалов. грам. митрополиту Кіевскому Іосифу, утверждающая за этимъ послѣднимъ купленное имъ у кн. Соломорецкаго село Прилѣпы (Ак. З. Р. II, № 78); а также грамота Казиміра, разрѣшающая вдовѣ Олиз. Шиловича на случай смерти сдѣлать запись на имѣніе въ пользу своей падчерицы (Arch. Sang., № XCI. См. также Ак. З. Р. I, № 198 и др.; Arch. Sang., №№ XVIII, XCV, CIV, и др.). Всѣмъ подобнымъ грамотамъ можно присвоить наименованіе *дозволительныхъ* или *дозволительно-укрѣпительныхъ*.

[4]) Примѣромъ могутъ служить: жалов. гр. В. К. Свидригайлы выходцу Т. Богушу о причисленіи его къ сословію рыцарей и дарованіи ему правъ „хоругвной“ шляхты (Ак. З. Р. I, № 37); жалован. гр. кн. К. Острожскому о дозволеніи ему и его дѣтямъ печатать фамильные свои акты краснымъ воскомъ (Ак. З. Р. II, № 115) и т. п.

[5]) См. напр. Ак. З. Р. I, №№ 125, 129 и др,; Arch. Sang., №№ XXVI, XXVIII и др.

[6]) Для примѣра возьмемъ первую грамоту этого рода изъ помѣщенныхъ въ Ак. З.

II. Грамоты льготныя или привилегіи въ собственномъ смыслѣ, т. е. частные законы, заключающіе въ себѣ изъятіе изъ общихъ нормъ, исключеніе изъ общаго нормальнаго порядка въ пользу физическихъ или юридическихъ лицъ, имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе, нежели грамоты жалованныя въ тѣсномъ смыслѣ: онѣ занимаютъ видное мѣсто въ ряду источниковъ литовско-русскаго права, и въ нихъ главнымъ образомъ выразилась законодательная дѣятельность великихъ князей Литовскихъ.

Актовъ этого рода дошло до насъ чрезвычайно много, но не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе. Въ массѣ ихъ можно различить *два* главныхъ вида привилегій: 1) привилегіи съ болѣе случайнымъ и частнымъ характеромъ, заключающія въ себѣ лишь *одну или нѣсколько однородныхъ льготъ*; онѣ жалуются преимущественно частнымъ лицамъ, хотя даются иногда и отдѣльнымъ учрежденіямъ, городамъ и пр.; самое изданіе ихъ обусловливается обыкновенно личною милостью государя; и 2) привилегіи съ болѣе общимъ, публичнымъ характеромъ и сложнымъ содержаніемъ, заключающія въ себѣ *совокупность разнородныхъ льготъ и преимуществъ;* привилегіи эти жалуются лишь лицамъ юридическимъ, каковы—сословіе, городъ, провинція и пр., являются законами, изданными въ интересахъ крупныхъ

Р., а именно жалов. гр. В. К. Витовта Василію Карачевскому, въ которой жалуется ему пустошь и дозволяется устроить новое село. Послѣ обычнаго въ привилеяхъ вступленія („Милостію Божею... вѣдомо чинимъ каждому доброму, кто коли на сесь листъ позрить“....) и дозволенія „Василеви Карачовскому, слузѣ нашому“ „садити село Княжую Луку“ на пожалованной пустоши говорится: „а дали есмо ему зо всими лѣсы и зъ дубровами, и съ полями и зъ сѣножатми и зъ лугами и зо всими пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ на вѣки вѣчные; то есмо учинили, съ паны радами нашими, за его вѣрныи послуги, и на лѣпшую вѣдомость печать нашу казали есмо привѣсити“. (Ак. З. Р. I, № 6 отъ 1383 г.). См. также Ак. З. Р. I, №№ 13, 15, 22 и др., указан. выше. Такимъ образомъ въ грам. этого вида пожалованіе какого-либо имущества, земли, угодьевъ и пр. обыкновенно не сопровождалось освобожденіемъ грамотчика отъ податей и повинностей, лежащихъ на пожалованномъ ему имѣніи. Иное дѣло, если вмѣстѣ съ пожалованіемъ имѣнія даровались вотчиннику и какія-либо льготы по суду и отбыванію повинностей (грамоты *вотчинно-льготныя*); или если вмѣстѣ съ дозволеніемъ купить какое-либо недвижимое имущество новому владѣльцу его разрѣшалось пользоваться такими льготами, какими прежній владѣлецъ не пользовался (см. напр. Arch. Sang., № LXXXII),—во всѣхъ такихъ случаяхъ мы будемъ имѣть предъ собою уже не простое пожалованіе, не простую вотчинную или дозволительную грамоту, а грам. льготную, или привилегію, а о такихъ грамотахъ рѣчь будетъ ниже.

единицъ государственнаго организма; самое же изданіе такихъ привилегій становится нерѣдко обязанностью государя.

Къ первому виду привилегій относятся льготныя, или *иммунитетныя* грамоты, данныя частнымъ лицамъ или отдѣльнымъ учрежденіямъ (напр. монастырямъ, церквамъ) съ цѣлью освободить ихъ отъ тягостей суда и податей, а сверхъ того предоставить имъ болѣе или менѣе обширную юрисдикцію на всемъ пространствѣ земли, которымъ они владѣютъ по частному праву.

До насъ дошла масса грамотъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ земли и независимо отъ такого пожалованія предоставляются грамотчику льготы судебныя и податныя. Для примѣра приведемъ часть грамоты, данной въ 1443 г. Онуфріевскому монастырю [1]): „....и тыхъ людей монастырскихъ нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и всимъ нашимъ заказникомъ не судить, а ни рядить, ни дѣтскихъ не посылать; а на наше дѣло ни накоторое не ходить, ни съ сохою, ни съ серпомъ, ни съ топоромъ, и ни подводъ у тыхъ людей не имать; а дачъ на насъ у нихъ никоторыхъ не имать, ни серебщизны, ни ямщины..... Судить ему (т. е. архимандриту) и рядить тые люди самому, а вси тые дани и дачи и пошлины имать на нихъ .....Митрополиту того архимандрита Онофрѣйского не судить.... Владыцѣ того архимандрита Онофрѣйского не судить.... Ино намъ самымъ того архимандрита Онофрѣйскаго судить“ (Ак. З. Р. I, № 43) [2]).

Иногда въ такихъ иммунитетныхъ грамотахъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ въ вотчину извѣстнаго участка земли, селъ и даже цѣлыхъ волостей и городовъ землевладѣльцу предоставляется вся сумма правъ, которою обладаетъ самъ великій князь: вотчиннику отдаются права на подати и повинности, которыя должны бы слѣдовать самому вел. князю съ данной земли, волости или города; ему же предоставляется и судъ надъ лицами, живущими въ его имѣніи, какъ свободными, такъ и несвободными; сверхъ того всѣ мелкіе вотчинники, земли которыхъ входятъ въ составъ территоріи, пожалованной крупному вотчиннику, поставляются въ такія же служебныя и иныя отношенія къ

---

[1]) Грамота эта дана Мстиславскимъ кн. Юріемъ (внукомъ Ольгерда) и подтверждена почти 200 лѣтъ спустя (въ 1633 г.) королемъ Владиславомъ IV (см. примѣч. 39 къ 1 т. Ак. З. Р.).

[2]) См. также Ак. З. Р. I, №№ 82, 91, 92, 118, 121, 144, 171, 177 и др. Arch. Sang.» № LXXXII.

грамотчику, въ какихъ находится этотъ послѣдній къ великому князю. Примѣромъ можетъ служить жалованная грамота, данная кн. Мих. Ив. Жеславскому: „....хотѣчи его мѣти охотнѣйшого и пилнѣйшого напотомъ къ намъ, яко-то къ пану его дѣдичному пожаловали есмо его и дали ему городъ Мстиславль и городъ Мглинъ, со всими дворы.... зъ дворцы.... челядью невольною.... и со всими пашнями и со *всими людми* и зъ ихъ землями пашными и бортными, и *зъ даньми* грошовыми и медовыми.... и со всими пожитки и *доходы* и *платы*, и зъ мыты и зъ явками и зъ каньщинами, и *со всими бояры и зъ ихъ имѣньи* и зъ слугами путными и даньники, *со всимъ правомъ и паньствомъ, ничего на насъ не оставляючи* и наши наслѣдники.... А дали то есмо ему у вотчину, вѣчно, на вѣки вѣчныи и его кнегини, и ихъ дѣтемъ.... А которымъ бояромъ.... подавали имѣня.... тыи мають имѣнья свои дерьжати, и съ тыхъ имѣней *ему мають служити, и во всемъ его мають послушни быти*“ (Ак. З. Р. I, № 172 отъ 1499 г.)[1]).

Кромѣ того, до насъ дошло не мало простыхъ льготныхъ грамотъ, данныхъ городамъ или, точнѣе выражаясь, населенію (мѣстичамъ) различныхъ городовъ[2]). Грамоты эти давались преимущественно въ экстраординарныхъ случаяхъ, напр. послѣ голода (Ак. З. Р. I, № 124), набѣга татаръ (ibid. №№ 149, 201, 203), и заключали въ себѣ освобожденіе жителей отъ различныхъ повинностей и пошлинъ: подводной повинности и ратной, серебщизны, ордынщины, мыта и проч. Такъ, напримѣръ, въ 1432 г. привилеемъ Сигизмунда освобождены были Виленскіе мѣстичи отъ платежа мыта и всякихъ торговыхъ пошлинъ по всему государству Литовскому (Собр. др. гр. I, 2), а 16 лѣтъ спустя и по всему королевству Польскому (Skarbiec II, 190). Обыкновенно эти податныя льготы давались временно, на срокъ: „но мы впамятавши ихъ (т. е. Смоленск. мѣстичей) намъ вѣрную службу, въ томъ имъ ласку и жалованье нашо вчинили, мыто нашо есмо имъ отпустили на 15 годовъ, въ тыи 15 лѣтъ не надобѣ имъ

---

[1]) См. также Ак. З. Р. I, №№ 139, 158, 167, 171, 202 и мн. др. Arch. Sang. t. 1, №№ XIX, CXVII, CXXII. Въ одной изъ этихъ грам. (Arch. Sang., № XIX) Ягелло, жалуя различн. замки на Подольѣ (Каменецъ, Смотричъ и др.) съ повѣтами Спыткови изъ Мельштина, предоставляетъ ихъ ему во владѣніе cum „*pleno jure ducali*, quo ceteri nostri duces Lithuanie et Russie frui soliti sunt“.

[2]) См. Собран. древ. гр. Вильно, Ковно... т. 1, стр. 2, 6—7, 11—12, 16—17, 18—20 и др. и Ак. Зап. Рос. т. 1, №№ 124, 149, 153, 182, 199, 207 и мн. др.

мыта давати" (Ак. З. Р. I № 182); или: „ино мы, для таковоѣ ихъ сказы (т. е. по случаю разоренія Смоленск. мѣстич. королевскими жолнерами), на ихъ челомъбитье то вчинили, и волю есмо имъ дали на шесть лѣтъ, штожъ имъ въ тую шесть лѣтъ не надобѣ серебщины и ордынщины и иныхъ нашихъ поплатковъ намъ давати" (Ак. З. Р. I, № 199).

Вмѣстѣ съ податными льготами жители городовъ—мѣстичи иногда получали также нѣкоторыя льготы по суду; такъ, напримѣръ, въ льготной грамотѣ Кіевскимъ мѣщанамъ (1503 г.), вслѣдъ за освобожденіемъ ихъ отъ доставки подводъ и стацей посламъ и гонцамъ, предоставляется имъ также и свобода отъ тіунскаго суда: „....и тежъ тивуну не надобѣ съ нихъ никоторыхъ пошлинъ брати, и судити ихъ, и рядити" (Ак. З. Р. I, № 207).

Такія же льготныя грамоты, освобождающія населеніе отъ различныхъ податей, давались нерѣдко цѣлымъ провинціямъ государства; такъ, напримѣръ, въ 1503 году пожалована была льготная грамота жителямъ Волынской области съ цѣлью освободить ихъ, по случаю разоренія Татарами, отъ воловщины на 14 лѣтъ (Ак. З. Р. I, № 201).

Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать оцѣнку простыхъ льготныхъ, или иммунитетныхъ грамотъ съ точки зрѣнія значенія ихъ, какъ источниковъ права. Цѣль грамотъ этого рода, какъ мы видѣли, заключается въ предоставленіи извѣстному лицу, учрежденію или отдѣльной мѣстности государства какихъ-либо льготъ—обыкновенно льготъ судебныхъ и податныхъ—, не присущихъ имъ при общемъ нормальномъ порядкѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Заключая въ себѣ изъятіе изъ общаго правила, обычнаго порядка, грамоты эти не имѣли бы значенія для исторіи права, если бы этимъ самымъ не указывали тѣ общія начала и нормы, не объясняли того обычнаго порядка, отъ которыхъ и отъ котораго онѣ освобождаютъ грамотчиковъ: все, отъ чего освобождается извѣстное лицо или учрежденіе, стало быть, было общимъ правиломъ, нормальнымъ порядкомъ, обязательнымъ для всѣхъ остальныхъ.

Кромѣ простыхъ льготныхъ грамотъ съ болѣе или менѣе случайнымъ и временнымъ характеромъ и съ бѣднымъ сравнительно содержаніемъ въ числѣ памятниковъ литовско-русскаго права дошли до насъ, какъ мы сказали выше, и такія привилегіи, которыя, заключая въ себѣ цѣлую серію разнородныхъ льготъ, жалуются крупнымъ

единицамъ государственнаго организма, отличаются при этомъ болѣе твердымъ и постояннымъ характеромъ и нерѣдко становятся даже неотмѣняемыми. Таковы—привилегіи, данныя отдѣльнымъ классамъ населенія, народностямъ и мѣстностямъ государства. Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло уже не съ constitutiones personales, каковыми являются обыкновенно иммунитетныя грамоты, пожалованныя частнымъ лицамъ или учрежденіямъ, а съ настоящими иногда конституціонными хартіями, въ которыхъ вел. князья Литовскіе вступаютъ въ договоръ съ отдѣльными частями государства для опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей. Заключая въ себѣ совокупность разнородныхъ льготъ, пожалованныхъ отдѣльнымъ классамъ населенія, народностямъ и мѣстностямъ государства съ цѣлью оградить возможно большее количество личныхъ и имущественныхъ правъ грамотчиковъ, опредѣляя иногда на ряду съ правами и обязанности ихъ, регламентируя, наконецъ, многія юридическія отношенія, привилегіи эти являются важными законодательными актами, занимающими видное мѣсто въ ряду источниковъ литовско-русскаго права. Значеніе ихъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многимъ изъ нихъ суждено было сдѣлаться важнѣйшими источниками свода обще-земскаго права—Литовскаго Статута. Кромѣ того акты эти наглядно показываютъ, какъ изъ частныхъ привилегій выросли сословныя права, какъ исключеніе стало общимъ правиломъ, исключительный порядокъ—нормальнымъ.

Изъ массы грамотъ этого рода, пожалованныхъ шляхтѣ, духовенству, евреямъ, татарамъ, городамъ и проч., мы остановимся лишь на привилегіяхъ, данныхъ шляхтѣ, городамъ на магдебургское право и евреямъ, такъ какъ въ нихъ наиболѣе сказалось вліяніе Польши съ ея государственнымъ и общественнымъ строемъ, шляхетскими вольностями, магдебургскимъ правомъ и пр.

И по древности, и по содержанію, и по значенію самое видное мѣсто среди этихъ привилегій принадлежитъ, несомнѣнно, актамъ о шляхетскихъ правахъ, или *шляхетскимъ грамотамъ*, извѣстнымъ также подъ именемъ „земскихъ привилеевъ". Изданіе ихъ началось тотчасъ послѣ соединенія (въ лицѣ Ягелла) Литвы съ Польшей, гдѣ къ тому времени шляхта уже успѣла пріобрѣсть особенныя права и преимущества и достигнуть привилегированнаго положенія въ государствѣ. Подъ вліяніемъ польской шляхты и католическаго духовенства Ягелло

уже въ *1387* г. издаетъ *первую* для Литвы шляхетскую грамоту съ цѣлью достигнуть скорѣйшаго сближенія государственнаго и бытоваго строя Литвы съ польскимъ и побудить литовскую аристократію къ принятію католичества.

Въ грамотѣ этой, состоящей изъ 6 статей (см. Działyński—Zbiór praw litewsk., стр. 1—2), Ягелло даруетъ литовской шляхтѣ (armigeris sive bojaris)—подъ условіемъ однако принятія католичества —слѣдующія права и вольности (libertates et jura): a) предоставляетъ ей тѣ же права владѣнія (habendi, tenendi, possidendi) и распоряженія (vendendi, permutandi, dandi etc.) вотчинами, какими пользуется уже шляхта польская; b) позволяетъ дѣвицамъ и вдовамъ боярскимъ свободно вступать въ браки, а по смерти мужей свободно владѣть имуществомъ умершаго мужа до вступленія въ новый бракъ и c) освобождаетъ бояръ отъ господарскаго тягла (labores), кромѣ исправленія замковъ [1]).

Привилегія эта послужила фундаментомъ шляхетскихъ правъ, получившихъ дальнѣйшее развитіе въ пяти послѣдующихъ шляхетскихъ грамотахъ, обнимающихъ періодъ съ конца XIV до начала XV в. (1387—1522 гг.) [2]). Изъ нихъ особенный интересъ представляютъ слѣдующія три привилегіи: Городельская 1413 г., Казиміра 1457 г. и Александра 1492 года.

Не останавливаясь на подробномъ изложеніи тотчасъ указанныхъ шляхетскихъ грамотъ [3]), отмѣтимъ содержаніе ихъ лишь въ общихъ чертахъ, насколько это необходимо для того, чтобы уяснить харак-

---

[1]) Кромѣ того 2-ой ст. этой привилегіи вводится раздѣленіе Литвы на кастеляніи и повѣты.

[2]) Шляхетскія привилегіи были изданы въ слѣдующ. порядкѣ: Ягелло издалъ 2,— въ 1387 и 1413 г. (обѣ помѣщены у Дзялынскаго — Zbiór praw. lit., стр. 1—2, 7—20); Казиміръ — 1 въ 1457 г. (Ак. З. Р. I, № 61; „Христоматія“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вып. 2, стр. 23—34; Zb. pr., 28—35); Александръ—1 въ 1492 г. (Zb. pr., 38—66); Сигизмундъ—2,—въ 1506 и 1522 гг. (Zb. pr., 95—99, 124 — 126). Обѣ послѣднія привилегіи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и состоятъ лишь изъ подтвержденія всѣхъ предыдущихъ привилегій. Нѣкоторые (впрочемъ неосновательно) причисляютъ къ числу шляхетск. прив. еще и договоры о соединеніи Литвы съ Польшей (1401 и 1501 гг.).

[3]) Содержаніе этихъ, а равно и остальныхъ шляхетскихъ грамотъ довольно обстоятельно изложено въ соч. г. Чарнецкаго „Исторія Литовскаго Статута“ (Кіев. Унив. Изв. 1867 г., №№ 1, 5—10), а также въ „Русской Исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина (т. II, вып. 1, стр. 61—73).

теръ и значеніе этой группы памятниковъ въ исторіи литовско-русскаго права.

Непосредственнымъ продолженіемъ привилегіи 1387 года была шляхетская гр. *1413 г.*, извѣстная болѣе подъ именемъ *Городельской*. Сущность содержанія этой грамоты заключается въ распространеніи на литовскую шляхту всѣхъ правъ (имущественныхъ и личныхъ) шляхты польской, подъ тѣмъ однако условіемъ, что правами этими могутъ пользоваться лишь тѣ изъ литовской шляхты (barones et nobiles), которые примутъ католичество и получатъ польскіе шляхетскіе гербы; въ частности же: a) вотчины и выслуги литовской шляхты сравниваются,—и тѣ и другія становятся имуществами потомственными (т. е. свободно переходятъ къ законнымъ наслѣдникамъ), тѣми и другими владѣльцы пользуются и распоряжаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и польская шляхта; b) дочери и сестры шляхтичей литовскихъ свободно выдаются замужъ, но только за лицъ католическаго исповѣданія; c) литовская шляхта католическаго обряда получаетъ право составленія сеймовъ и собраній (conventiones et parlamenta) и право на занятіе высшихъ должностей и урядовъ, которые учреждаются по образцу существующихъ уже въ королевствѣ Польскомъ и проч.

Въ шляхетской грам. Казиміра (*1457 г.*) излагаются тѣ же права, что и въ обѣихъ грамотахъ Ягелла, только съ большею подробностію. Важное отличіе этой грам. отъ двухъ предыдущихъ заключается въ распространеніи всѣхъ этихъ правъ и на лицъ не католическаго обряда; другими словами, грамота Казиміра не дѣлаетъ никакого различія между католиками и православными. Подтверждая и развивая въ своей грамотѣ права и привилегіи шляхты, данныя ей Ягелломъ, Казиміръ прибавляетъ къ нимъ еще нѣсколько новыхъ существенныхъ правъ: a) имѣнія землевладѣльцевъ освобождаются отъ прямыхъ налоговъ и всякихъ натуральныхъ повинностей („отъ всего даніа и заплаты, собранья и пр.“), b) воспрещается свободный переходъ владѣльческихъ крестьянъ съ господарскихъ имѣній на частныя и наоборотъ и c) землевладѣльцамъ предоставляется право суда надъ своими крестьянами и право полученія съ нихъ судебныхъ штрафовъ. Кромѣ того въ грамотѣ Казиміра замѣтны уже ясные слѣды договорнаго начала между великимъ княземъ и шляхтой, которая ко времени Казиміра, очевидно, достигла значенія господству-

ющаго сословія въ государствѣ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду двѣ послѣднія статьи упомянутой шляхетской грамоты: въ одной изъ нихъ великій князь обязуется сохранять государство въ прежнихъ границахъ и обѣщаетъ по мѣрѣ силъ увеличивать предѣлы его, а въ другой обѣщаетъ не давать чужеземцамъ должностей („нѣкоторыи вряды"), не жаловать имъ почестей („а любо чьти"), а также не предоставлять имъ въ управленіе („у володѣніе и въ дерьжаніе") земель, замковъ и городовъ.

Еще болѣе важныхъ политич. правъ и бо́льшаго вліянія на государственныя дѣла достигаетъ литовская шляхта въ слѣдующей привилегіи („*privilegium jurium et libertatum magni ducatus Lituaniae*"), изданной по требованію литовскихъ вельможъ В. К. Александромъ при вступленіи его на литовскій престолъ *(въ 1492 г.)*. Привилегія эта, состоящая изъ 40 статей [1]), распадается на двѣ главныя части: первая изъ нихъ гарантируетъ личныя и имущественныя права шляхты и представляетъ собою не что иное, какъ буквальное повтореніе привилегіи Казиміра, вторая же предоставляетъ литовскимъ вельможамъ огромное вліяніе на дѣла государства и сильно ограничиваетъ верховную власть вел. князя. На основаніи этой шляхетской привилегіи великій князь, напримѣръ, не могъ безъ согласія пановъ—рады имѣть сношенія съ иностранными государствами, издавать и измѣнять законы, давать и отбирать уряды, распоряжаться доходами и расходами и проч.; даже мнѣнія (относящ. къ дѣламъ государственнымъ) радныхъ пановъ, хотя бы и не угодныя великому князю, обязательны для этого послѣдняго. Словомъ сказать, эта привилегія навсегда упрочиваетъ шляхетскія права и дѣлаетъ вел. князя и его верховную власть лишь исполнительнымъ орудіемъ въ рукахъ литовскихъ вельможъ.

Преемникъ Александра Сигизмундъ тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ издалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, новую шляхетскую грамоту *(въ 1506 г.)*, въ которой вновь подтверждаетъ всѣ права и вольности шляхетскія, а равно и всякія др. привилегіи предыдущихъ велик. князей кому бы онѣ ни были даны, обязуясь подъ присягой и своимъ княжескимъ словомъ охранять и соблюдать ихъ [2]).

---

[1]) См. Zbiór praw., стр. 58—66.

[2]) „In verbo nostro ducali et sub juramento nostro corporali, ad sancta Dei Evangelia.... tenere et observare promissimus". Zb. pr., 99.

Новое общее подтвержденіе всѣхъ вообще привилегій и въ томъ числѣ шляхетскихъ правъ и вольностей дано было Сигизмундомъ въ *1522* году [1]).

Такимъ образомъ особыя льготы и преимущества, данныя вначалѣ (Ягелломъ) лишь незначительному кружку лицъ, принявшихъ католичество, постепенно, расширяясь въ своемъ объемѣ, дѣлаются при Казимірѣ достояніемъ всего шляхетства; подтвержденіе данныхъ прежними князьями шляхетскихъ привилегій становится какъ бы обязанностью всякаго новаго вел. князя, при чемъ (т. е. при каждомъ новомъ подтвержденіи) шляхта домогается все бо́льшихъ и бо́льшихъ правъ, не ограничиваясь уже одной гарантіей своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, но стремясь, по примѣру польской шляхты, къ полученію политическихъ правъ и вліянія на дѣла государства. Изъ обыкновенныхъ жалованныхъ шляхетскихъ грамотъ, или привилегій, вырабатывается вскорѣ нѣчто въ родѣ конституціонныхъ хартій или польскихъ *pacta conventa*, издаваемыхъ по требованію литовскихъ вельможъ каждымъ вел. княземъ при вступленіи его на престолъ.

Такъ, въ теченіе ста съ небольшимъ лѣтъ литовской шляхтѣ, или военному сословію государства, удается совершенно выдѣлиться изъ общины, образовать изъ себя высшее, господствующее въ государствѣ сословіе, обособленное отъ всѣхъ прочихъ классовъ населенія, и получить особенныя сословныя права и преимущества. Вскорѣ, а именно семь лѣтъ спустя послѣ изданія послѣдней шляхетской грамоты, права и преимущества эти были навсегда ограждены законодательнымъ путемъ, а именно были включены въ обще-земскій кодексъ—Литовскій Статутъ. Такимъ образомъ частныя привилегіи постепенно обратились въ обще-сословное (шляхетское) право, а съ изданіемъ Литовскаго Статута и въ общій законъ.

Шляхетскія грамоты, преслѣдующія, какъ мы видѣли, исключительно сословные интересы, вообще чрезвычайно мало заключаютъ въ себѣ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права [2]), но за то прекрасно иллюстрируютъ государственное устройство Литвы и отношенія между различными классами общества. Вообще, не смотря на то,

---

[1]) Zb. pr., 124—126.

[2]) Такъ, шляхетскія грам. почти вовсе не касаются уголовнаго права, судоустройства и судопроизводства.

что грамоты эти имѣли по пространству дѣйствія значеніе законовъ, изданныхъ для всего государства, ихъ однако нельзя отнести къ памятникамъ общаго законодательства: и по типу, и по характеру, и по содержанію своему грамоты эти являются *сословными привилегіями*, пожалованными лишь незначительной части населенія, и поэтому вовсе не заслуживаютъ своего обычнаго эпитета—„земскія" (въ смыслѣ обще-государственныя); если же шляхетскимъ грамотамъ и присваивалось названіе „земскихъ", то это объясняется лишь сословнымъ строемъ Литовско-Русскаго государства, при которомъ одни только высшія сословія и считались государствомъ.

Обратимся теперь къ многочисленной группѣ грамотъ, посредствомъ которыхъ вводилось въ литовско-русскіе города нѣмецкое, или магдебургское право. Грамоты эти, занимающія видное мѣсто среди памятниковъ Литовско-Русскаго государства, являются и по формѣ и по содержанію привилегіями, заключающими въ себѣ совокупность различныхъ крупныхъ льготъ въ пользу того или другого города, получающаго такую привилегію.

Грамоты на магдебургское право, въ которомъ видѣли могущественное средство для поднятія благосостоянія того или др. города, давались или по просьбѣ различныхъ городовъ, или независимо отъ такой просьбы самими великими князьями въ видѣ особенной милости.

Разсматривая нѣсколько жалованныхъ грамотъ на магдебургское право, данныхъ различнымъ городамъ, можно замѣтить, что онѣ вообще чрезвычайно похожи другъ на друга по формѣ и содержанію; существенное же отличіе заключается въ бо́льшихъ или меньшихъ подробностяхъ вообще и въ частности относительно городскихъ доходовъ и государственныхъ податей. Обыкновенно грамоты эти содержатъ въ себѣ слѣдующія права и привилегіи:

1) Городъ совершенно освобождается отъ дѣйствія общихъ законовъ и вся законодательная регламентація внутри города предоставляется ему самому: „тое мѣсто наше съ права Литовского и Руского и которое коли будетъ тамъ перьво держано въ право Нѣмецкое Майдеборское перемѣняемъ на вѣчныи часы...." (Ак. З. Р. I, №№ 159, 165 и др.).

2) Городъ освобождается отъ суда и управленія великокняжескихъ чиновниковъ и получаетъ права самоуправленія по судебнымъ и административнымъ дѣламъ: „вѣчнѣ вызволяемъ всихъ того мѣста

людей отъ судовъ и отъ моцей всихъ воеводъ и пановъ и старостъ, намѣстниковъ, судей и всихъ врядниковъ всего великого князьства...“ (ibid. №№ 165, 159 и др.).

3) Городу предоставляются права на поземельную собственность внутри и вокругъ города: „Полецаемъ такожъ войту и бурмистромъ, на тотъ часъ будучимъ, вси мѣстца пустыи въ мѣстѣ и вкругъ мѣста, къ осаженью и размноженью людей. Мають тежъ бояре домы, которые жъ отъ мѣщанъ по тые часы кгвалтовнѣ покупили, ино тыежъ домы мають мѣщаномъ вернути взявши свои пѣнези“ (ibid. №№ 159, 165 и др.).

4) Жители города кромѣ того получаютъ нѣкоторыя преимущества и льготы въ торговлѣ и ремеслахъ, право въѣзда въ великокняжескіе и частные лѣса для удовлетворенія своихъ нуждъ въ дровяномъ и строительномъ матеріалѣ и пр. (ibid.).

5) Наконецъ, населеніе города освобождается нерѣдко отъ различныхъ повинностей и пошлинъ, напр. отъ подводной и сторожевой повинности, отъ мыта и пр. (ibid.).

Мы не будемъ, конечно, касаться вопроса, послужили ли къ благу городовъ только что указанныя права и льготы, предоставленныя имъ грамотами на магдебургское право, и осуществлялись ли они во всей своей полнотѣ на самомъ дѣлѣ [1]),—для насъ достаточно лишь констатировать льготный характеръ этихъ грамотъ. Прибавимъ еще, что порядки, выработанные магдебургскимъ правомъ на чужой почвѣ и введенные этими грамотами въ литовско-русскіе города, во многомъ должны были противорѣчить преданіямъ обычнаго права и такимъ образомъ или совершенно отмѣнить, или, въ лучшемъ случаѣ, отодвинуть на задній планъ нормы обычнаго права и ихъ примѣненіе.

Слѣдуетъ кромѣ того замѣтить, что хотя путемъ этихъ грамотъ всѣ жители городовъ (кромѣ шляхты) были сгруппированы въ одинъ классъ мѣщанъ (что между прочимъ не мало способствовало сплоченію всѣхъ землевладѣльческихъ классовъ въ одно шляхетское сословіе), тѣмъ не менѣе мѣщане отдѣльныхъ городовъ не могли составить въ силу своихъ привилегій одно тѣло, образовать изъ себя одно го-

---

[1]) Этому между прочимъ вопросу посвящено изслѣдованіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (Ж. М. Н. Пр., 1868 г., №№ 8—12). См. также „Изслѣдованіе о городахъ Юго-Запад. края“ В. Б. Антоновича (Монографіи, т. 1, 1885 г.).

сударственное сословіе, подобно шляхтѣ, и такимъ образомъ успѣшнѣе отстаивать свои сословныя права и вести борьбу противъ преобладанія въ государствѣ шляхетскаго сословія; причина же этого кроется между прочимъ въ неоднородности самихъ привилегій на магдебургское право, которое жаловалось различнымъ городамъ въ различномъ объемѣ, т. е. съ бо́льшими или меньшими ограниченіями [1]).

Кромѣ шляхты и жителей отдѣльныхъ городовъ каждый вообще разрядъ людей или группы лицъ, связанныя единствомъ вѣры или народности, стремясь заручиться въ свою пользу различными льготами и особенными правами, хлопотали о привилегіяхъ и получали ихъ. Такъ явились привилегіи въ пользу духовенства [2]), татаръ [3]) и евреевъ [4]).

Не имѣя въ виду подвергнуть разсмотрѣнію всѣ виды жалованныхъ грамотъ льготнаго характера, мы остановимся только еще на *еврейскихъ привилегіяхъ* съ цѣлью показать, какъ правительственная власть въ видахъ предоставленія кому-либо особенныхъ льготъ и преимуществъ прибѣгала иногда даже къ созданію совершенно произвольныхъ нормъ, не имѣющихъ никакой преемственной связи съ историческимъ прошлымъ народа и результатомъ его юридической жизни—обычаемъ.

Съ этой точки зрѣнія особенный интересъ представляетъ древнѣйшая изъ еврейскихъ привилегій, пожалованная Витовтомъ въ 1388 году [5]). Заключая въ себѣ массу чрезвычайно важныхъ льготъ, грамота эта богата нормами совершенно произвольными, созданными искусственно въ видахъ предоставленія евреямъ особенныхъ льготъ и преимуществъ, часто въ ущербъ прочему населенію. Примѣромъ

---

[1]) В. Б. Антоновичъ: „Монографіи", стр. 166.

[2]) Всему православному духовенству дано было два привилея: Александромъ въ 1499 г. (Ак. З. Р. I, № 166) и Сигизмундомъ въ 1511 г. (ibid., II, № 65); кромѣ того дано множество привилеевъ различн. епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ, священникамъ и монастырямъ (многіе изъ нихъ помѣщены въ Ак. З. Р., т. 1 и 2).

[3]) Татарамъ дано два привилея (Ак. З. Р. I, № 203 и II, № 113).

[4]) Евреямъ—семь; первый изъ нихъ данъ былъ Витовтомъ въ 1388 г. (Ак. З. Р. I, № 9).

[5]) Ак. З. Р. I, № 9. Дзялынскій (Zbiór praw, 102), а за нимъ и Археографическая Коммиссія полагали, что эта грамота дана была евреямъ всего Литовскаго государства, упуская изъ виду то обстоятельство, что въ это время (около 1388 года) Витовтъ еще не былъ великимъ княземъ всего Литовско-Русскаго государства. Теперь достовѣрно извѣстно, что прив. 1388 г. дана была лишь однимъ Трокскимъ евреямъ (см. Codex epistol. Vitoldi, издан. въ 1882 г. г. Прохаской; стр. 15, докум. № XLII).

такихъ искусственно-созданныхъ нормъ могутъ служить слѣдующія два постановленія упомянутаго еврейскаго привилея: 1) на призывъ еврея о помощи въ ночное время должны прибѣгать всѣ сосѣди подъ угрозою штрафа въ 30 шеляговъ [1]); 2) запрещается принуждать еврея къ возвращенію заложенной ему вещи въ еврейскій праздникъ подъ страхомъ такого же наказанія, какому подлежитъ грабитель государевой казны [2]). Сверхъ того во многихъ случаяхъ привилегія эта ставитъ евреевъ въ такое же привилегированное положеніе, какимъ пользовалась одна лишь шляхта, напр. за нанесеніе еврею христіаниномъ ранъ послѣдній платитъ пеню и удовлетворяетъ раненаго еврея, какъ шляхтича [3]).

Мы разсмотрѣли только главнѣйшіе виды привилегій, имѣвшихъ силу и значеніе законовъ для крупныхъ единицъ государственнаго организма. Но и этого, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какое значеніе въ исторіи литовско-русскаго права имѣетъ тотъ родъ литовско-русскихъ привилеевъ, или жалованныхъ грамотъ, которыя мы отнесли къ разряду льготныхъ, или привилегій въ собственномъ смыслѣ.

При огромномъ количествѣ ихъ исключеніе постепенно обращается въ общее правило, получаетъ силу и значеніе закона, льготнаго для лицъ, учрежденій и сословій привилегированныхъ и нерѣдко тягостнаго для всѣхъ прочихъ, непривилегированныхъ; привилегіи стремятся исключить общіе законы, общія нормы, стѣсняютъ и подавляютъ то, что въ теченіе многихъ вѣковъ вырабатывала юридическая жизнь народа въ формѣ обычнаго права, вносятъ въ жизнь порядки, заимствованные у другихъ народовъ, чуждые, иногда даже противные народному духу, и налагаютъ, наконецъ, на все послѣдующее законодательство общаго характера сословный отпечатокъ.

---

[1]) „Тежъ, естли бы жидъ нѣкоторый, припужоный великою потребизною, часу ночного волалъ бы, а естли бы хрестьяне, ему ко поможенью, не прибѣгли къ воланью: всякій сусѣдъ, и тежъ жидъ, 30 шеляговъ маетъ заплатити“ (Ак. З. Р. т. I, стр. 25, стб. 2 in fine).

[2]) „И тежъ, естли бы хто жида къ заплатѣ заставы его въ день святый припудилъ, або кгвалтъ въ дому бы его вчинилъ: яко ростравца скарбу нашого, окрутнѣ маетъ быти каранъ (ibid., стр. 25, стб. 1—2).

[3]) Ак. Зап. Рос. I, стр. 24, стб. 1 in fine: „И тежъ, естли бы хрестьянинъ жида вдарилъ такъ, яко бы крови не розлилъ: маетъ на немъ вина быти, водлугъ обычая нашое земли, а вдареному и ображоному маетъ досыть вчинити, яко шляхтичу“.

III. Жалованныя грамоты охранительнаго характера. Въ то время какъ шляхта, духовенство, различные разряды людей и частныя лица, города и цѣлыя области домогались различныхъ льготъ и преимуществъ, стремились гарантировать полученныя привилегіи особенными грамотами и стать такимъ образомъ въ привилегированное положеніе,—въ то же самое время многіе другіе разряды людей, города и даже цѣлыя области государства Литовскаго отстаивали лишь свои старинные права и обычаи, хлопотали только объ ихъ неприкосновенности и защитѣ и получали для этой цѣли жалованныя грамоты, которыя также обыкновенно назывались „привилеями“.

Сущность содержанія этихъ грамотъ заключается не въ пожалованіи какихъ-либо льготъ и преимуществъ, а въ *подтвержденіи всего существующаго уже искони въ силу обычая или пожалованія;* получающіе же такія грамоты домогаются не новыхъ милостей и льготъ, а просятъ лишь о подтвержденіи того, что имѣютъ,—своихъ законныхъ правъ и существующихъ обычаевъ съ цѣлью оградить ихъ неприкосновенность отъ чьего бы то ни было посягательства. Отсюда *охранительный, консервативный* характеръ такихъ грамотъ, отсюда постоянныя въ нихъ ссылки на старину и запреты нарушать ее: „бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“ и „бо мы никому новины не велимъ уводити, а старины рухати“ [1]).

Такимъ образомъ въ охранительныхъ привилеяхъ мы не найдемъ ни пожалованія землями и угодьями, ни пожалованія судомъ и свободой отъ податей, ни предоставленія какихъ-либо другихъ особенныхъ льготъ и исключительныхъ правъ, но за то они заключаютъ въ себѣ очень часто руководящія положенія, подтвержденіе или общей правовой нормы, существующей въ силу обычая, или существующаго искони порядка.

Такое подтвержденіе общей нормы нерѣдко давалось по частному поводу, иными словами, та или другая общая норма, существующая уже въ юридическомъ оборотѣ, вновь подтверждается въ примѣненіи къ частному случаю и субъекту. Такъ, въ жалованной грамотѣ кн. Ѳедоровичу, данной на имя Черкасскаго намѣстника, подтверждается за кн. Ѳедоровичемъ право самому судить своихъ слугъ и людей; но

---

[1]) См. Ак. Зап. Рос. I, №№ 90, 120, 127 и др.

изъ этой же грамоты мы узнаемъ, что это право уже раньше было пожаловано всѣмъ вотчинникамъ Кіевской земли, слѣд. по частному случаю и въ примѣненіи къ извѣстному лицу подтверждается общее право, общая для данной земли норма[1]). Другой примѣръ: въ грамотѣ, данной на имя Полоцкаго намѣстника и его преемниковъ („и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто потомъ будетъ отъ насъ Полтескъ держати") вслѣдствіе жалобы мѣстнаго населенія на притѣсненія, чинимыя по дѣламъ и тяжбамъ, возникавшимъ изъ-за охоты и бобровыхъ промысловъ, подтверждается за грамотчиками законное право каждаго—нести наказаніе лишь за вину, доказанную на судѣ: „и мы имъ, потомужъ, то отложили: про то штобы есте безъ доводу и права въ такихъ дѣлѣхъ винъ на нихъ не брали и продажи имъ не чинили; а на кого бы таковое дѣло повели, и вы бы судъ и право дѣлали съ доводомъ, подлугъ обычая и уставы земьскоѣ" (Ак. З. Р. I, № 147, отъ 1497 г.).

Чаще всего охранительныя грамоты[2]) или привилеи были вызываемы притѣсненіями и самоуправствомъ намѣстниковъ и др. правителей по отношенію къ частнымъ лицамъ или по отношенію ко всему вообще населенію того или др. города, той или другой волости или области. Въ такихъ случаяхъ грамоты эти воспрещали различныя злоупотребленія со стороны намѣстниковъ и прочихъ управителей, отмѣняли всякія нововведенія и подтверждали старые порядки и существующіе искони обычаи[3]). Нерѣдко такія запретительно-охранительныя грамоты присылались на имя самихъ же намѣстниковъ или другихъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ[4]).

Опытъ показалъ однако, что приходится слишкомъ часто по жалобѣ населенія отмѣнять различныя нововведенія, подтверждать ста-

---

[1]) См. Ак. З. Р. I, № 130 (отъ 1495 г.).

[2]) Къ числу охранительныхъ грамотъ, данныхъ частнымъ лицамъ, можно отнести и такъ называемыя *правыя* грамоты, или судебные приговоры вел. князей: въ нихъ по частному случаю или дѣлу подтверждаются общія нормы. Такихъ правыхъ грамотъ дошло до насъ не мало; многія изъ нихъ помѣщены въ Ак. З. Рос., Arch. Sang. и др. сбор.

[3]) Ак. Зап. Рос. I, №№ 90, 120, 127, 130, 147, 213 и др.; II, №№ 30, 54 и др.

[4]) См., напр., Ак. З. Р. I, №№ 90, 130, 147 и др. Въ Arch. Sangusz. также находимъ подобную грамоту, данную (по жалобѣ земянъ, мѣщанъ и людей волостныхъ) на имя намѣстника Брацлавскаго; въ ней запрещается требовать новыхъ службъ и налоговъ: „и ты бы и нынѣ имъ кривды не чинил и новины не уводил; держал бы еси их по тому, какъ было за князя Михаила и за князя Константина конечно, а инак бы еси того не вчинил" (Arch. Sang., стр. 146).

рину и воспрещать различныя злоупотребленія; поэтому, чтобы предотвратить поводы къ жалобамъ на притѣсненія и охранить интересы населенія, великіе князья Литовскіе нерѣдко даютъ *наказы*, или инструкціи своимъ чиновникамъ, въ которыхъ опредѣляются ихъ обязанности, права и доходы и воспрещаются всякія злоупотребленія [1]).

Но болѣе постоянной, нежели запретительно-охранительныя грамоты по частному случаю, и болѣе надежной, нежели всякіе наказы тому или другому чиновнику, гарантіей и защитой интересовъ населенія служили тѣ охранительные привилеи, или жалованныя грамоты, которыя давались различнымъ мѣстностямъ государства, и въ которыхъ разъ навсегда подтверждались старые права и обычаи извѣстной мѣстности и опредѣлялись отношенія между мѣстными властями и населеніемъ.

Обращенная ко всему населенію опредѣленной мѣстности, данная для защиты этого населенія отъ всякихъ злоупотребленій со стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, заключая, наконецъ, въ себѣ руководящія положенія, регламентацію различныхъ отношеній, такая охранительная грамота является уже не резолюціей вел. князя на жалобу населенія и не инструкціей, данной тому или другому чиновнику, а *уставной грамотой*, пожалованной всему населенію города, волости или земли.

Примѣромъ охранительныхъ жалованныхъ грамотъ этого типа, т. е. грамотъ, принадлежащихъ къ типу уставныхъ, можетъ служить грамота, данная въ 1514 г. „боярамъ, мѣщанамъ, старцамъ и волостнымъ людямъ Могилевской волости“ (Ак. З. Р. II, № 86) или грамота, данная въ томъ же году „князьямъ, панамъ, боярамъ, дворянамъ, войту, мѣщанамъ, тіунамъ, сотникамъ и людямъ путнымъ и тяглымъ дворовъ Городенскихъ“ (Ак. З. Р. II, № 87). Обѣ эти грамоты даны всему населенію волости, обѣ заключаютъ въ себѣ опредѣленія отно-

---

[1]) Примѣромъ такой инструкціи, данной мѣстнымъ чиновникамъ въ охраненіе интересовъ населенія, можетъ служить наказъ державцамъ и тіунамъ Жмудскихъ королевск. волостей (см. Ак. Зап. Рос. II, № 149); здѣсь между прочимъ упоминается о „кривдахъ и непомѣрныхъ тяжкостяхъ“, чинимыхъ населенію волостей тамошними чиновниками, и предписывается, подъ страхомъ наказанія, всѣмъ державцамъ и тіунамъ впредь сообразовывать свою дѣятельность съ данной инструкціей, не вводить новины, не чинить притѣсненій и пр.

сительно суда и податей[1]) (судъ и подати—двѣ области, гдѣ преимущественно происходило столкновеніе интересовъ населенія съ интересами государства и его мѣстныхъ органовъ) и обѣ, наконецъ, оканчиваются запрещеніемъ вводить новины и въ чемъ-либо нарушать данную уставную грамоту: „а мимо тую нашу *уставу*, пану Юрью новинъ волости нашой никоторыхъ не прибавляти: маетъ ся справовати и рядити во всемъ, по тому какъ въ семъ нашомъ листѣ выписано“ (Ак. З. Р. II, № 86).

Нѣсколько выше мы назвали уставными грамотами тѣ изъ охранительныхъ привилеевъ, которые давались *всему населенію* какой-нибудь волости или провинціи государства для защиты его отъ превышенія власти и злоупотребленій со стороны мѣстныхъ правителей. Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что грамоты такія иногда сами называютъ себя *уставами*[2]), т. е. законодательными актами, устанавляющими извѣстный порядокъ, опредѣляющими извѣстныя отношенія, грамоты эти кромѣ того вполнѣ удовлетворяютъ существеннѣйшимъ условіямъ, требуемымъ наукой отъ всякой уставной грамоты, т. е. содержатъ въ себѣ опредѣленіе отношеній населенія данной мѣстности къ государству и его мѣстнымъ органамъ, а также регламентацію различныхъ сторонъ мѣстнаго управленія.

Съ этой точки зрѣнія уставная грамота можетъ быть дана не только всему населенію какой-нибудь волости, но также и *одному какому-нибудь классу населенія* опредѣленной мѣстности, напр. мѣщанамъ извѣстнаго города, крестьянамъ извѣстной волости и пр. До насъ дошло нѣсколько подобныхъ уставныхъ грамотъ; таковы, напримѣръ, уставная грамота Кіевскимъ мѣщанамъ 1494 года (А. З. Р. I, № 120) и уставн. грам. королевскимъ даннымъ людямъ Поднѣпровскихъ и Задвинскихъ волостей (ibid. II, № 75).

Кромѣ того къ числу уставныхъ слѣдуетъ отнести также и тѣ грамоты, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія между различными классами населенія извѣстной мѣстности и *порядокъ мѣстнаго самоуправленія*. Примѣромъ уставныхъ грамотъ этого вида можетъ

---

[1]) А именно въ нихъ заключаются слѣдующія опредѣленія: о податяхъ и повинностяхъ въ пользу вел. князя, державцы или старосты, о старостинскомъ судѣ, пересудѣ, дѣцкованьѣ и проч. Подробнѣе см. Ак. З. Р. II, №№ 86 и 87.

[2]) См. Ак. Зап. Рос. II, стр. 113, стб. 2 и стр. 114, стб. 2.

служить „декретъ“ [1]), данный Казиміромъ жителямъ г. Полоцка въ 1456 г. (Ак. З. Р. I, № 60). Въ грамотѣ этой опредѣляются отношенія между земскими классами (боярами, мѣщанами, городскими дворянами и черными людьми) по совмѣстной уплатѣ государственныхъ податей и храненію общественныхъ суммъ, а также порядокъ составленія вѣча и рѣшенія на немъ общественныхъ дѣлъ.

Къ этому же важнѣйшему виду охранительныхъ грамотъ, т. е. къ числу уставныхъ, принадлежатъ и весьма многіе изъ „областныхъ привилеевъ“. Такъ обыкновенно называются [2]) различнаго рода жалованныя грамоты, данныя отдѣльнымъ областямъ или „землямъ“ Литовско-Русскаго государства.

Такихъ привилеевъ, пожалованныхъ различнымъ провинціямъ Литовско-Русскаго государства съ конца XIV в. до изданія перваго Литовскаго Статута, дошло до насъ и напечатано въ различныхъ сборникахъ довольно много (нѣкоторые насчитываютъ ихъ до двадцати) [3]), но не всѣ они отличаются охранительнымъ характеромъ и не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе. Нѣкоторые изъ такихъ привилеевъ представляютъ собою не что иное, какъ простыя льготныя грамоты, иногда съ сословнымъ характеромъ; другіе же, не имѣя вовсе въ виду пожалованія какихъ-либо исключительныхъ правъ, вообще слишкомъ ничтожны по своему содержанію и не имѣютъ никакого значенія въ исторіи источниковъ права. Какъ на примѣръ первыхъ— можно указать грамоту, данную въ 1503 г. Волынской землѣ съ цѣлью освободить жителей ея отъ платежа „воловщины“ въ теченіе 14 лѣтъ (Ак. З. Р. I, № 201), или грамоту, пожалованную въ 1507 году „Русскимъ землямъ“ съ цѣлью распространить на эти земли дѣйствіе Польскаго статута короля Альберта, а на мѣстную шляхту— польскихъ правъ и преимуществъ (Vol. leg. I, pag. 166 по Спб. изд.; Skarbiec, t. II, № 2191); образцомъ же вторыхъ—можетъ служить

---

[1]) Такъ названъ этотъ законодательный актъ въ Литовской Метрикѣ (см. Ак. З. Р. I, стр. 73, стб. I, in fine).

[2]) Ѳ. И. Леонтовичъ: „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ (Унив. Изв. 1865 г., № 2, стр. 6—7); Чарнецкій: „Исторія Литовскаго Статута“ (Унив. Изв. 1867 г.); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Русская Исторія“ (т. II, вып. 1, стр. 73—87).

[3]) Чарнецкій: „Исторія Литовскаго Статута“ (Унив. Изв. 1867 г., № 9, стр. 40—41); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Русская Исторія“ (т. II, вып. 1, стр. 61, примѣч. 33).

грамота, подтверждающая права Жмудской земли на звѣроловство и рыболовство (Skarbiec, t II, № 2286)

Но на ряду съ этими—въ числѣ областныхъ привилеевъ дошли до насъ и такіе, которымъ несомнѣнно принадлежитъ видное мѣсто въ ряду источниковъ литовско-русскаго права: въ нихъ заключаются не отдѣльныя льготы, не подтвержденіе какого-либо отдѣльнаго права, но подробное опредѣленіе отношенія данной земли или провинціи ко всему государству.

Отдѣльныя земли, преимущественно древне-русскія, входящія въ составъ Литовскаго государства, безспорно имѣли свои исконныя земскія права, свои обычаи и мѣстныя особенности, начало возникновенія которыхъ теряется во временахъ доисторическихъ. Это можно утверждать не только a priori, но также и на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ и самаго текста упомянутыхъ грамотъ. Дѣйствительно, если мы припомнимъ, что многія древне-русскія земли послѣ продолжительной и полной самобытности и политической независимости присоединились къ Литвѣ добровольно, что и затѣмъ онѣ не сразу обратились въ простыя провинціи, но еще долго (иногда болѣе столѣтія послѣ своего присоединенія) оставались удѣльными, почти самостоятельными княжествами [1]), то станетъ совершенно понятно, что въ XIV--XV вв.—а содержаніе разсматриваемыхъ нами грамотъ относится именно къ этому періоду [2])—отдѣльныя земли не могли еще утратить сознаніе своей отдѣльности и цѣльности, забыть свои права и обычаи и все еще полны были силъ и энергіи отстаивать свои земскіе права и интересы. Кромѣ того во всѣхъ почти подобныхъ привилеяхъ или грамотахъ, дошедшихъ до насъ, можно встрѣтить ссылки на обычаи и порядки, существовавшіе въ той или иной землѣ еще при Витовтѣ, и на древнѣйшія грамоты, охранявшія неприкосновенность этихъ обычаевъ и порядковъ, что̀ также подтверждаетъ высказанную мысль о несомнѣнномъ существованіи въ каждой землѣ своихъ древнихъ земскихъ правъ.

---

[1]) Князья такихъ удѣльныхъ княжествъ были обязаны въ пользу Литвы лишь данью и военной помощью. См. „Рус. Ист.“ К. Н. Бестужева-Рюмина (т. II, вып. 1, стр. 54).

[2]) Всѣ дошедшіе до насъ областные привилеи этого вида (т. е. тѣ, которые опредѣляютъ отношенія области къ государству) суть копіи древнѣйшихъ, данныхъ въ XIV и XV вв. Объ этомъ подробнѣе см. ниже.

Вотъ о подтвержденіи этихъ именно земскихъ правъ, съ цѣлью гарантировать ихъ неприкосновенность отъ посягательства со стороны центральныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, и хлопочутъ отдѣльныя земли или провинціи государства Литовскаго, бьютъ челомъ вел. князю о пожалованіи особой грамоты, охраняющей эти права во всей ихъ полнотѣ, или о новомъ подтвержденіи таковой грамоты, пожалованной уже раньше. Этимъ и объясняется въ данномъ случаѣ привилегіарная форма такихъ грамотъ, форма впрочемъ, какъ мы уже неоднократно видѣли, весьма обычная въ Литовско-Русскомъ государствѣ для многихъ законодательныхъ актовъ.

Просьба о подтвержденіи земскихъ правъ шла не отъ одного какого-либо класса населенія, но отъ всего населенія земли: бьютъ челомъ всѣ сословія отъ владыки, князей и бояръ до черныхъ людей включительно [1]); все свободное населеніе земли во всей своей совокупности является однимъ юридическимъ лицомъ—„землею", имѣющею свои общеземскія права. Отсюда *всесословный*, *общеземскій* характеръ такихъ грамотъ.

Существенное содержаніе этихъ грамотъ—подтвержденіе общеземскихъ правъ, или, какъ они называются въ самомъ текстѣ разсматриваемыхъ актовъ, — „правъ добровольныхъ хрестіянскихъ [2])". Изъ самаго содержанія такихъ грамотъ мы узнаемъ, что подъ терминомъ „права добровольныя хрестіянскія" разумѣются не только личныя и имущественныя права населенія, но также и мѣстные обычаи и порядки, которые также нуждались въ защитѣ отъ посягательства, особенно со стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Желаніемъ же защитить населеніе отъ злоупотребленій мѣстныхъ управителей объясняется и ближайшее опредѣленіе въ этихъ грамотахъ нѣкоторыхъ отношеній между населеніемъ и мѣстными властями. Этимъ же, а равно и отсутствіемъ общихъ для всего государства законодательныхъ сборниковъ, вызваны, надо полагать, и тѣ нормы

---

[1]) Вотъ примѣръ: „Били намъ чоломъ владыка Смоленскій Іосифъ и окольничіи Смоленскіи, и вси князи, и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные люди и все поспольство мѣста и земли Смоленскоѣ...." (Ак. З. Р. т. I, стр. 360, стб. 1). См. также второй отдѣлъ этого труда—„Систематич. сводъ устав. земск. гр.", ст. II.

[2]) Ак. З. Р. II, стр. 33, стб. 2; стр. 87, стб. 1 („права вольная добрая хрестіянская"); стр. 207, стб. 2. См. также ниже „Систем. сводъ", ст. III.

гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права, которыя содержатся въ грамотахъ, пожалованныхъ различнымъ землямъ.

Такимъ образомъ грамоты эти, хотя и облечены въ привилегіарную форму, вовсе не заключаютъ въ себѣ исключеній изъ общихъ нормъ и потому не могутъ быть названы привилегіями въ собственномъ смыслѣ; тѣмъ болѣе не могутъ быть названы онѣ привилегіями сословными, подобно, напр., шляхетскимъ грамотамъ, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ льготъ въ пользу однихъ, но въ ущербъ другихъ классовъ населенія. Грамоты эти не могутъ быть названы также и наказами, опредѣляющими предѣлы власти правителей, такъ какъ даны не для инструкціи мѣстнымъ чиновникамъ, а пожалованы всему населенію земли для подтвержданія его правъ и обычаевъ.

Данные по просьбѣ населенія, заключенные при томъ въ привилегіарную форму, акты эти съ внѣшней, формальной стороны носятъ характеръ привилегій, или частныхъ законовъ, по своему же содержанію и назначенію они вѣрнѣе всего могутъ быть названы *мѣстными законами*, ибо содержатъ въ себѣ общія нормы, только съ мѣстнымъ примѣненіемъ, ограниченнымъ предѣлами опредѣленной территоріи (въ данномъ случаѣ предѣлами извѣстной земли или провинціи государства).

Такимъ образомъ областные привилеи разсматриваемаго вида по типу своему принадлежатъ къ разряду *уставныхъ грамотъ*, т. е. къ тому же типу законодательныхъ актовъ, къ которому между прочимъ относятся уставныя грамоты Московскаго государства, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Въ отличіе же отъ другихъ видовъ уставныхъ грамотъ, пожалованныхъ отдѣльнымъ волостямъ, городамъ и корпораціямъ, уставнымъ грамотамъ различныхъ земель Литовско-Русскаго государства должно быть присвоено наименованіе *уставныхъ земскихъ грамотъ*.

Свѣдѣніями объ уставныхъ земскихъ грамотахъ мы заканчиваемъ нашъ обзоръ различнаго рода привилеевъ, или жалованныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства.

Приведя въ систему всю массу дошедшихъ до насъ литовско-русскихъ жалованныхъ грамотъ, разсмотрѣвъ ихъ по родамъ и видамъ, выдѣливъ изъ общей массы ихъ уставныя грамоты и указавъ, наконецъ, различные виды этихъ послѣднихъ, мы выяснили такимъ образомъ въ предшествовавшемъ очеркѣ мѣсто занимаемое уставными

земскими грамотами, какъ въ ряду всѣхъ вообще литовско-русскихъ грамотъ, такъ равно и въ ряду однородныхъ имъ видовъ грамотъ.

Для бо́льшей полноты настоящей главы намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о значеніи уставныхъ земскихъ грамотъ, какъ одного изъ источниковъ Литовскаго Статута 1529 года.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы видѣли, какой пестрый матеріалъ представляютъ собою различныя жалованныя грамоты, изданныя до появленія перваго Литовскаго Статута. Въ то время, какъ однѣ изъ нихъ вызывались государственной необходимостью, опредѣляли отношенія сословій, корпорацій, городовъ, волостей и цѣлыхъ провинцій къ государству и его органамъ, многія другія были лишь актами личной милости великихъ князей, пожалованными различнымъ частнымъ лицамъ; въ то время, какъ однѣ изъ нихъ вводили въ дѣйствіе нормы произвольныя, искусственно-созданныя, водворяли чужеземные порядки или дѣлали изъятія, исключенія изъ общихъ нормъ въ пользу физическихъ и юридическихъ лицъ, во многихъ другихъ лишь подтверждалась и охранялась старина, пошлина, т. е. древніе порядки, права и обычаи. При всемъ томъ не трудно было замѣтить, что особенно важное значеніе и глубокій интересъ имѣютъ преимущественно два вида литовско-русскихъ грамотъ, — это шляхетскія и уставныя грамоты. Посредствомъ первыхъ вводились польскіе порядки, преобразовывались по польскому образцу государственное устройство Литвы и отношенія между различными классами общества; посредствомъ же вторыхъ охранялись древне-русскіе порядки и общія нормы обычнаго права, и такимъ образомъ, путемъ мѣстныхъ законовъ, хотя отчасти, восполнялся недостатокъ общаго законодательства. Въ частности, значеніе уставныхъ грамотъ и особенно уставныхъ земскихъ грамотъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ Судебника (1468 г.) и нѣкоторыхъ спеціальныхъ законовъ (уставъ и ухвалъ), онѣ были почти единственными до изданія Литовскаго Статута памятниками, куда включены въ изобиліи нормы гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права,—нормы, которыми во многихъ соотвѣтствующихъ случаяхъ уставныя земскія грамоты значительно богаче Судебника [1]).

---

[1]) Судебникъ 1468 г., какъ мы уже это видѣли, посвященъ почти исключительно уголовному праву и судопроизводству (при чемъ останавливается главнымъ образомъ на татьбѣ и процессѣ по татебнымъ дѣламъ), между тѣмъ уставныя земскія грамоты касаются не только различныхъ отраслей права публичнаго, но также и частнаго; слѣдо-

При такомъ значеніи шляхетскихъ и уставныхъ земскихъ грамотъ не удивительно, что тѣ и другія на ряду съ Судебникомъ Казиміра и нѣкоторыми уставами и ухвалами были важнѣйшими источниками Литовскаго Статута, названнаго (Ѳ. И. Леонтовичемъ) совершенно справедливо сводомъ земскихъ (шляхетскихъ) привилегій съ стародавними русскими обычаями.

Дѣйствительно, Литовскій Статутъ—это кодифицированная шляхетская грамота [1]), пополненная нормами гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права, почерпнутыми между прочимъ и изъ уставныхъ земскихъ грамотъ, въ основу содержанія которыхъ, какъ мы уже знаемъ, были положены древніе обычаи и порядки. Въ сказанномъ легко убѣдиться даже при бѣгломъ просмотрѣ Литовскаго Статута, который вездѣ говоритъ только о шляхтѣ и лишь въ самомъ концѣ, какъ бы спохватившись, упоминаетъ и о другихъ (низшихъ) классахъ населенія [2]); при сравненіи же нѣкоторыхъ постановленій устав-

---

вательно сравнивать Судебникъ съ устав. земск. грам. можно лишь относительно полноты и обстоятельности нормъ, относящихся къ уголовному праву и процессу. Обращаясь же къ такому сравненію, въ уставн. земск. грамотахъ мы находимъ болѣе подробныя и обстоятельныя опредѣленія о вотчинномъ судѣ, сокахъ, дѣтскихъ, винахъ, зарукахъ и грабежѣ, а равно и такія постановленія (также изъ области уголовн. права и процесса), которыхъ вовсе не содержится въ Судебникѣ, каковы, напр., постановленія о государственной измѣнѣ, убійствѣ и др. преступленіяхъ, о судѣ воеводъ и старостъ, о нарокѣ, свидѣтельск. показаніяхъ, еднаньи или мирщинѣ и т. п.

[1]) Первый Литовскій Статутъ самъ себя обыкновенно называетъ *„правами писанными“* и *„книгами правъ писанныхъ“* (см. р. I, ар. 1; р. VI, ар. 1, 6, 37 и др.); современниками же онъ иногда назывался: *„правами и вольностями“* (Ак. Ю. и З. Р. I, стр. 87, стб. 2; стр. 98, стб. 1), *„правами и статутомъ всего панства великого князства Литовскаго“* (ibid., стр. 90, стб. 2) и просто *„статутомъ земскимъ“* (ibid., стр. 98 и 99).

Въ эдиктѣ (1522 г.) Сигизмунда о дарованіи писанныхъ законовъ (Edictum Sigismundi I regis, ut incolae magni ducatus Lithvaniae, tam spirituales quam seculares, uno iure iudicentur), предшествовавшемъ изданію Статута, говорится между прочимъ, что писанное право (jus scriptum) будетъ основано *на привилегіяхъ и уставахъ*, уже раньше изданныхъ (sub constitutionibus et statutis certis in scripta redactis), и что будущій Статутъ предназначается для пользованія всѣмъ епископамъ, духовнымъ, радным панамъ, князьямъ, баронамъ, боярамъ, панамъ и всей вообще шляхтѣ, безъ различія знатности, состоянія (бѣдн. и богат.) и пола; о другихъ же классахъ населенія эдиктъ не упоминаетъ. См. Zbiór praw lit., 121—123.

[2]) Литовскій Статутъ 1529 г. (онъ помѣщенъ во Временникѣ Импер. Москов. Общ. исторіи и древн. россійск., кн. 18, 1854 г.) состоитъ изъ 13 раздѣловъ; изъ нихъ 1-й (безъ заголовка) трактуетъ о правахъ верховной власти (впрочемъ, въ этомъ раздѣлѣ

ныхъ земскихъ грамотъ съ таковыми же Литовскаго Статута не трудно замѣтить ихъ иногда буквальное сходство.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ литовско-русскихъ грамотъ до-статутоваго періода особеннаго вниманія и изученія заслуживаютъ шляхетскія и уставныя земскія грамоты: изучать ихъ—значитъ изучать главнѣйшіе и непосредственные источники Литовскаго Статута.

Предметъ настоящаго труда—Уставныя Земскія Грамоты, т. е. тѣ законодательные акты, *которые давались отдѣльнымъ землямъ, входившимъ въ составъ государства Литовскаго, въ лицѣ всего ихъ населенія, съ цѣлью подтвердить древнія общія права каждой Земли,*

встрѣчаются и положенія, относящіяся къ гражданскому праву: арт. 18, 19, 24 и 27); раздѣлъ II, озаглавленный--*О оборонѣ земской,* говоритъ о воинской повинности и военной службѣ; разд. III, носящій заглавіе—*О свободахъ шляхты и о размноженью великого княжества Литовскаго,* посвященъ изложенію личныхъ, имущественныхъ и политическихъ правъ шляхты; разд. IV, V, VIII, IX и X посвящены гражданскому праву, VI—процессу, VII—уголовному праву. Въ только что перечисленныхъ раздѣлахъ (рр. IV—X) всѣ положенія матеріальнаго и процессуальнаго права носятъ на себѣ сословную окраску,—всюду рѣчь идетъ о шляхтѣ, какъ единственномъ субъектѣ личныхъ и имущественныхъ правъ, и большинство артикуловъ начинается такъ: „естли бы шляхтичъ...", „а естли бы хто шляхтича", „тежъ уставуем естли бы которые князи, панове..." и т. п. Вотъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ примѣровъ: р. IV, ар. 18: „Кнегинь паней вдовъ девокъ не мают ни за кого кгвалтомъ давати" (таковъ заголовокъ указ. арт.); р. VI, ар. 4 начинается такъ: „Тежъ уставуем, естли бы до которого князя або до пана або до шляхтича с шляхтичов было некоторое дело..."; р. VIII, ар. 1 нач. такъ: „Тежъ уставуем, если бы которые бискупове и духовные закону яко Рымского так Греческого и князи и панове и пани вдовы и земяне мели именія..."; р. VIII, ар. 8—„А естли бы который земенинъ мел право з державцею або с паном..."; р. VIII, ар. 10—„Пакли бы шляхтичъ шляхтичу границу сказил..."; р. IX, ар. 19—„Хто бы шляхтичу сад покралъ...". Кромѣ того цѣлый VII разд. (состоитъ изъ 31 арт.), относящійся къ уголовному праву, озаглавленъ такимъ образомъ: *О кгвалтех земских о боех о головщинах шляхетскихъ* (Срав. это съ заглавіемъ др. трактующаго о томъ же раздѣла XI: *О головъщины людей поутныхъ и мужицкіе и паробоцкія*).

Въ то же время о мѣщанахъ и крестьянахъ на протяженіи 10-ти первыхъ раздѣловъ Статута почти вовсе не упоминается (исключеніе составляютъ слѣд. артик.: р. I ар. 1 и 22, р. II ар. 1, р. III ар. 9 и 14, р. VI ар. 10 и 23, р VII ар. 26 и 27, р. IX ар. 18 и 19, р. X ар. 3 и, можетъ быть, немногіе другіе), если же и упоминается, то какъ бы случайно и мимоходомъ. Лишь въ трехъ послѣднихъ раздѣлахъ Статута (рр. XI: *О головъщины людей поутныхъ и мужицкіе и паробоцкія,* XII: *О грабежи и навезки,* XIII: *О злодействе*) на ряду съ шляхтой рѣчь обыкновенно идетъ и о низшихъ классахъ населенія.

Еще бо́льшую сословную окраску носятъ Лит. Стат 1566 г. и особенно Л. С. 1588 года; о послѣднемъ см. ст. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Отношенія между Литовск. Стат. и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича" (Сборн. госуд. знаній, 1877 г., т. IV).

опредѣлить отношенія ея къ государству и его мѣстнымъ органамъ и регламентировать различныя стороны мѣстной общественной жизни, преимущественно на основаніи мѣстныхъ же обычаевъ.

Указавъ на предметъ нашего труда, мы переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ уставныхъ земскихъ грамотъ, каковы—число дошедшихъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ земскихъ грамотъ, причины и время происхожденія ихъ и, наконецъ, содержаніе и печатныя изданія этихъ грамотъ.

II.

Число и происхожденіе извѣстныхъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства.

Неоднократно уже указывалось на родственную связь восточно-русскаго права съ западно или литовско-русскимъ и на необходимость включить это послѣднее въ кругъ исторіи русскаго права [1]). Высказанная впервые болѣе 45 лѣтъ тому назадъ [2]) и съ тѣхъ поръ неоднократно подтверждаемая и развиваемая, мысль эта нынѣ едва ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ своей справедливости и основательности. Между тѣмъ и донынѣ литература исторіи русскаго права весьма бѣдна изслѣдованіями въ области литовско-русскаго права, и многіе западно-русскіе законодательные памятники, предшествующіе появленію Литовскаго Статута, доселѣ не подверглись научной обработкѣ. Правда, въ литературѣ нашей существуетъ опытъ

---

[1]) Даниловичъ: „Взглядъ на Литовское законодательство" (Юридич. Записки Рѣдкина, т. I, М. 1841 г.); Бѣляевъ: „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія", М. 1858 г.; Ѳ. И. Леонтовичъ: „Русская Правда и Литовск. Статутъ" (Ун. Изв. 1865 г., №№ 2—4); М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Отношенія между Литов. Стат. и Уложен. царя Ал. Мих." (Сборн. госуд. знаній, т. IV, 1877 г.) и „Отчетъ о годичной командировкѣ 1880—1881 г." (Унив. Изв. 1881 г., №№ 11—12) и др.

[2]) Любопытны слѣдующія слова Даниловича, сказанныя имъ въ 1841 г. въ упомянутой выше (см. предыдущ. примѣч.) статьѣ: „Чувствуя, что въ Стат. Литов. находится много славянскаго истинно русскаго, я однако же, при всемъ моемъ желаніи, не въ состояніи опредѣлить, что̀ именно и въ какой мѣрѣ" (Юридич. Зап. Рѣдк., т. 1, стр. 46).

исторіи этихъ именно памятниковъ — трудъ г. Чарнецкаго „Исторія Литовскаго Статута“ [1]), но, къ сожалѣнію, въ своемъ трудѣ г. Чарнецкій ограничился однимъ лишь переложеніемъ содержанія различныхъ законодательныхъ актовъ и нѣкоторой весьма неопредѣленной и не всегда правильной классификаціей ихъ [2]).

Въ частности, относительно занимающаго насъ вида грамотъ, а именно уставныхъ земскихъ грамотъ, мы должны сказать, что до послѣдняго почти времени онѣ не обратили на себя должнаго вниманія, и въ литературѣ нашей не существуетъ изслѣдованія, спеціально посвященнаго этому важнѣйшему виду западно-русскихъ грамотъ. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1879 г.) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, издавая въ своей „Христоматіи по исторіи русскаго права“ нѣкоторыя изъ уставныхъ земскихъ грамотъ, указалъ на значеніе и глубокій интересъ содержанія этихъ законодательныхъ памятниковъ, опредѣлилъ типъ и отмѣтилъ характеристическія черты этого вида литовско-русскихъ грамотъ и снабдилъ, наконецъ, необходимыми и цѣнными примѣчаніями тѣ изъ нихъ, которыя помѣщены въ „Христоматіи“ [3]).

Что же касается немногихъ предшествующихъ трудовъ въ области литовско-русскаго права, то, говоря объ уставныхъ земскихъ грамотахъ лишь, такъ сказать, мимоходомъ, а вслѣдствіе того ограничиваясь лишь немногими замѣчаніями о содержаніи этихъ памятниковъ или краткимъ изложеніемъ его, они не только не уясняютъ существа уставныхъ грамотъ, но даже вовсе не различаютъ эту самостоятельную группу актовъ среди прочихъ литовско-русскихъ законодательныхъ памятниковъ. Такъ, *Ѳ. И. Леонтовичъ* въ своемъ изслѣдованіи „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ указалъ на сходство нѣкоторыхъ институтовъ устав. земск. грамотъ съ таковыми же—Русской Правды, а г. *Чарнецкій* въ своей „Исторіи Литовскаго Статута“

---

[1]) Унив. Извѣст. 1866 г., № 9 и 1867 г., №№ 1, 5—10.

[2]) Въ указан. трудѣ г. Чарнецкаго содержаніе различныхъ законодат. актовъ излагается въ той же послѣдовательности, какая существуетъ въ самомъ текстѣ этихъ актовъ; различные же литовско-русскіе привилеи или грамоты сгруппированы по субъектамъ, въ пользу которыхъ онѣ даны (области, города, духовенство и проч.), вслѣдствіе чего въ одну и ту же группу попали и акты, несомнѣнно имѣющіе значеніе источниковъ права, и акты, такого значенія не имѣющіе.

[3]) См. „Христом. по исторіи рус. права“, вып. 2, изд. 2, 1879 г., стр. 46 и слѣд.

излагаетъ содержаніе каждой изъ дошедшихъ до насъ уставн. земск. грамотъ; но при этомъ и тотъ и другой разсматриваютъ эти грамоты со стороны содержанія въ массѣ такъ называемыхъ областныхъ привилеевъ, вовсе не различая въ ней различныхъ видовъ областныхъ привилеевъ, важнѣйшій изъ которыхъ — уставныя земскія грамоты.

Мы уже имѣли случай указать выше (см. стр. 29—30), что не всѣ областные привилеи одинаковы по своему значенію, и что далеко не всѣ они могутъ быть названы уставными грамотами, ибо среди областныхъ привилеевъ встрѣчаются и такія грамоты, которыя и по характеру, и по содержанію, и даже по формѣ никакъ не могутъ быть отнесены къ уставнымъ. Здѣсь же, при разрѣшеніи вопроса о числѣ дошедшихъ до нашего времени уставныхъ земскихъ грамотъ, необходимо показать болѣе наглядно, какіе изъ областныхъ привилеевъ по содержанію и назначенію своему дѣйствительно принадлежатъ къ разряду уставныхъ, и какіе ни въ коемъ случаѣ сюда не могутъ быть отнесены. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы покажемъ, что не было и нѣтъ никакого основанія сплачивать въ одну группу различные виды литовско-русскихъ грамотъ, руководствуясь однимъ лишь внѣшнимъ признакомъ, а съ другой (что для насъ еще важнѣе), выдѣлимъ изъ общей массы такъ называемыхъ областныхъ привилеевъ тѣ изъ нихъ, которые несомнѣнно по формѣ, содержанію и назначенію своему принадлежатъ къ разряду уставныхъ земскихъ грамотъ.

Съ этой цѣлью разсмотримъ предварительно тѣ изъ дошедшихъ до насъ областныхъ привилеевъ [1]), которые, по нашему мнѣнію, вовсе не удовлетворяютъ условіямъ, необходимымъ для понятія уставныхъ грамотъ, и потому отнюдь не могутъ относиться къ числу этихъ послѣднихъ.

Таковы прежде всего областные привилеи, содержащіе въ себѣ освобожденіе населенія отъ государственнаго тягла или какія-либо

---

[1]) Г. Чарнецкій въ вышеуказанномъ трудѣ, а также и К. П. Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“ насчитываютъ *двадцать* областныхъ привилеевъ, данныхъ 11 отдѣльнымъ провинціямъ или областямъ, между которыми они распредѣляются такъ: „Русскимъ землямъ“, Волынской и Дрогичинской землѣ дано было по 3 привилея; Жмудской, Витебской и Кіевской—по 2; Полоцкой, Смоленской, Луцкой, Брацлавской и Бѣльской—по 1. См. подробный перечень областныхъ привилеевъ у Чарнецкаго (Унив. Извѣст. 1867 г., № 9, стр. 40—41) и у Бестужева-Рюмина (Рус. Ист., т. 2, вып. 1, стр. 61, примѣч. 33).

другія льготы или, наконецъ, пожалованіе угодьевъ и промысловъ жителямъ той или иной области. Сюда относятся грамоты, пожалованныя 1) Волынской землѣ въ 1503 г., 2) „Русскимъ Землямъ" въ 1507 г., 3) Брацлавской землѣ въ 1507 г. и 4) Жмудской—въ 1522 г.

Первая изъ нихъ (Ак. З. Р. I, № 201), данная въ 1503 г. Александромъ по просьбѣ владыки Луцкаго, князей, пановъ и земянъ Волынской земли, освобождаетъ челобитчиковъ, по случаю татарскихъ опустошеній, отъ воловщины на 14 лѣтъ.

Вторая (Vol. leg. I, pag. 166 по Спб. изд.), данная „Русскимъ землямъ" [1]) Сигизмундомъ въ 1507 г., представляетъ собою льготную грамоту съ сословнымъ характеромъ и содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ освобожденіе шляхты этихъ земель отъ торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ, а равно подтверждаетъ за мѣстной шляхтой прочія шляхетскія привилегіи, существующія въ другихъ земляхъ королевства Польскаго [2]).

Третья, пожалованная Брацлавской землѣ (или точнѣе—земянамъ этой земли), дана на имя Брацлавскаго намѣстника и заключаетъ въ себѣ лишь освобожденіе владѣльческихъ людей отъ господарской подымщины (Ак. З. Р. II, № 26).

Наконецъ, четвертая и послѣдняя изъ указанныхъ грамотъ, данная въ 1522 г. Жмудской землѣ, представляетъ собою не что иное, какъ жалованную грамоту въ тѣсномъ смыслѣ, ибо содержитъ въ

Къ указаннымъ выше 20 области. привилеямъ мы, съ своей стороны, можемъ прибавить еще *одинъ*, данный въ 1392 г. Луцкой землѣ и впервые напечатанный въ вышедшемъ во Львовѣ въ теченіе 1887 г. „Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków" (см. стр. 12—13, № XIII).

[1]) Подъ именемъ *Русскихъ Земель* разумѣется здѣсь та часть Червонной Руси, которая составляла *русское воеводство*; сюда входили слѣд. земли: Холмская, Галицкая, Львовская, Перемышльская и Саноцкая. Червонная Русь, въ составъ которой, кромѣ земель воеводства русскаго, вошли впослѣдствіи еще земли Бельзкая и Подольская, была присоединена къ королевству Польскому уже во 2-й половинѣ XIV в. См. Bobrzyński: „Dzieje Polski" (изд. 1887 г.), t. I, str. 362—363.

[2]) Грамота эта, составляющая одно изъ постановленій, данныхъ на генеральномъ сеймѣ въ Краковѣ, въ день коронаціи Сигизмунда I, и извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Statuta Sigismundi primi in conventione generali Cracoviensi", собственно говоря, не принадлежитъ къ числу литовско-русскихъ грамотъ, потому что въ это время такъ называемыя „Русскія Земли" входили уже въ составъ королевства Польскаго.—Это послѣднее замѣчаніе въ равной мѣрѣ относится, конечно, и къ прочимъ разсматр. ниже грамотамъ, пожалованнымъ Русскимъ Землямъ.

себѣ лишь пожалованіе всѣмъ Жмудинамъ права угодій въ господарскихъ лѣсахъ и рѣкахъ (Skarbiec, II, стр. 295, № 2286).

Затѣмъ не могутъ быть отнесены къ уставнымъ не только по содержанію, но и по формѣ слѣдующія грамоты, пожалованныя отдѣльнымъ областямъ государства Литовскаго, а вслѣдствіе этого обыкновенно также причисляемыя къ категоріи такъ называемыхъ областныхъ привилеевъ: 1) привилегія Ягелла, данная Русскимъ Землямъ въ 1433 г. [1]), 2) „Члонки" о старостинскомъ судѣ, изданные для Дрогичинской земли Сигизмундомъ въ 1511 г. и 3) грамота Сигизмунда, данная той же землѣ въ 1523 г.

Что касается перваго изъ только-что указанныхъ областныхъ привилеевъ, то это собственно не отдѣльная грамота, а лишь часть Едлинской привилегіи 1430 или 1433 года [2]) о шляхетскихъ вольностяхъ, относящаяся къ Русскимъ Землямъ; въ ней шляхта этихъ земель уравнивается въ правахъ съ шляхтой польской, т. е. распространяется на нее дѣйствіе польскаго земскаго права, впрочемъ, съ изъятіемъ относительно овсовой дани, которая должна уплачиваться до смерти Ягелла (Vol. leg., I, pag. 42) [3]).

Остальныя указанныя грамоты, относятся, какъ ужъ сказано было, къ Дрогичинской землѣ. Первая изъ нихъ, или „Члонки, которые маетъ судити староста въ земли Дорогицкой" [4]), по формѣ своей и назначенію является наказомъ, даннымъ Дрогичинскому старостѣ (въ 1511 г.) о предѣлахъ его судебной власти, по содержанію же своему актъ этотъ можетъ быть названъ также судной грамотой, ибо содержитъ въ себѣ опредѣленіе порядка суда по дѣламъ, какъ уголовнымъ, такъ равно и гражданскимъ (Ак. З. Р. II, № 64) [5]). Другая же грамота, данная Сигизмундомъ Дрогичинской землѣ (въ 1523 г.), вызвана жалобой намѣстника Литавора на Дрогичанъ, которые не

---

[1]) См. предыдущее примѣч.

[2]) Бандкте въ своемъ сборникѣ „Jus Polonicum" (Varsovie, 1831 a.) на стр. 224 (примѣч. 1) утверждаетъ, что Едлинск. привилегія дана была въ 1430 г. и ссылается при этомъ на Длугоша и Догеля. Въ Vol. leg. (Спб. изд. t. I, pag. 40--42) эта же привилегія отнесена къ 1433 г.

[3]) См. также „Jus Polonicum", стр. 231 и Skarbiec dipl., t. II, стр. 148, № 1652.

[4]) Таковъ заголовокъ этой грамоты въ Литовской Метрикѣ. См. Ак. З. Р., т. II, стр. 81.

[5]) См. также Zbiór praw lit., 117—118. Въ Ак. З. Р. грамота эта названа Археографич. Коммиссіею *наказомъ* (Ак. З. Р. II, стр. 80, № 64).

хотѣли подчиняться изданнымъ для нихъ привилеямъ; все содержаніе этого акта — краткая королевская резолюція на эту жалобу: Дрогичане впредь должны во всемъ руководствоваться привилеями, пожалованными имъ Казиміромъ и Александромъ (Skarbiec, II, 296, № 2293).

Наконецъ, нельзя отнести къ уставнымъ грамотамъ и древнѣйшій изъ областныхъ привилеевъ, пожалованный Ягелломъ въ 1392 г. Луцкой землѣ или, точнѣе, шляхтѣ и боярамъ этой земли, въ награду за ихъ вѣрность ему и военныя заслуги. Грамота эта (Arch. Sang., № XIII) содержитъ въ себѣ лишь пожалованіе шляхтѣ Луцкой земли тѣхъ же правъ и привилегій, какими пользовались уже земяне земли Львовской, при чемъ вовсе не поясняетъ, въ чемъ именно заключаются эти права и привилегіи [1]). Ясно однако, что по характеру и содержанію своему разсматриваемый актъ не имѣетъ ничего общаго съ грамотой уставной и представляетъ собою лишь сословную привилегію.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнные нами восемь областныхъ привилеевъ, касающихся такъ или иначе различныхъ областей, представляя собою акты различнаго характера и достоинства, отнюдь однако не могутъ быть отнесены по назначенію и содержанію своему, а иногда даже и по формѣ, къ числу уставныхъ грамотъ.

Кромѣ этихъ восьми актовъ, обыкновенно относимыхъ къ числу такъ называемыхъ областныхъ привилеевъ [2]), остальныя извѣстныя намъ 13 грамотъ, пожалованныхъ отдѣльнымъ провинціямъ, опредѣляютъ отношенія этихъ провинцій къ государству и его мѣстнымъ органамъ, регламентируютъ различныя стороны внутренней общественной жизни той или другой области и такимъ образомъ принадлежатъ по содержанію и назначенію своему къ числу актовъ, называемыхъ уставными грамотами.

---

[1]) Сущность содержанія этой грамоты заключается въ слѣдующихъ словахъ ея: „Cupientesque terre nostre lucensi ex eo fieri meliorem [statum], eisdem baronibus, militibus, boiarinis, nobilibus et clientibus ipsius terre lucensis, *omnia ea iura, modos et consvetudines iurium universos, quibus terrigene terre nostre lemburgensis fruuntur*, damus, conferimus, apropriamus, incorporamus et donamus...“ (Arch. Sang., t. I, str. 13).—Въ чемъ однако состояли эти „jura, modi et consvetudines iurium“, или, переводя дословно, права, порядки и обычаи земянъ земли Лембергской, или Львовской, это—не вполнѣ ясно. Рѣчь идетъ, повидимому, о шляхетскихъ правахъ и вольностяхъ и при томъ польскаго происхожденія, ибо Львовская З. уже съ 1340 г. входила въ составъ Польши и успѣла къ концу XIV в. въ значительной степени ополячиться.

[2]) См. примѣчаніе на стр. 39 –40, гдѣ приведенъ перечень этихъ привилеевъ.

Древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ грамотъ этого типа пожалована была Ягелломъ около 1427 (?) года [1]) землѣ Луцкой. Къ сожалѣнію, полный текстъ этой грамоты не сохранился, извѣстно же только краткое извлеченіе изъ ея содержанія (Skarbiec, t. II, 92, № 1429) [2]), состоящее изъ слѣдующихъ 4 пунктовъ: 1) подтверждаются права всѣхъ жителей (католиковъ, русиновъ греческаго обряда и евреевъ) Луцкой земли; 2) владѣльческіе люди освобождаются отъ всякихъ платежей, за исключеніемъ цла (cel); 3) шляхта обязана доставлять стаціи лишь одному королю во время его пребыванія въ Луцкой землѣ и 4) церкви православныя не будутъ уничтожены, а равно никто не будетъ насильно обращенъ въ католичество. Въ виду невозможности пользоваться подлиннымъ и полнымъ текстомъ этой грамоты, мы принуждены исключить ее изъ числа подлежащимъ нашему разсмотрѣнію уставныхъ земскихъ грамотъ.

Кромѣ этой, подлежатъ такому же исключенію еще двѣ другихъ уставныхъ грамоты, а именно грамота, пожалованная въ 1456 г. Русскимъ Землямъ Казиміромъ Ягеллончикомъ, и грамота, данная Сигизмундомъ въ 1516 г. Дрогичинской землѣ.

Первая изъ нихъ (Jus Polonicum, 292), данная Русскимъ Землямъ, т. е. провинціи, входящей уже со временъ Казиміра В. въ составъ Польскаго королевства и надѣленной еще въ 1433 г. польскимъ земскимъ правомъ (см. выше), носитъ на себѣ черты польскаго права и польскихъ порядковъ [3]). Въ виду этого, а равно и того, что дана

---

[1]) См. слѣдующее примѣч.

[2]) У Даниловича (Skarbiec II, 92) указанъ и источникъ, откуда онъ заимствовалъ содержаніе этой грамоты — Inwentarz Warszewickiego, но намъ не удалось достать этого изданія; неизвѣстно поэтому, напечатанъ ли у Warszewickiego полный текстъ указан. грам. или также одно лишь содержаніе ея, заимствованное изъ какой-либо лѣтописи; вѣроятнѣй—послѣднее. У Даниловича же находимъ слѣд. примѣч. относительно этого акта: „Bez daty, w inwentarzu Warszewickiego, pod wyrasem Russia około r. 1427“.—Что касается указанной здѣсь даты (1427 г.), то мы въ правѣ сомнѣваться въ вѣрности ея, ибо Витовтъ 1) съ 1392 по 1430 г. княжилъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ вполнѣ независимо и полновластно, а 2) не переставалъ во все это время владѣть Луцкомъ, который, кромѣ того, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ любимыхъ его мѣстопребываній. Правдоподобнѣй поэтому предположить, что грамота эта была пожалована Ягелломъ *послѣ 1430 г.*, т. е. уже послѣ смерти Витовта († 27/x 1430 г.). Не объ этой ли самой грамотѣ упоминаетъ Густинская лѣтопись подъ 1432 г.?

[3]) Особенно характеренъ въ этой грамотѣ тотъ пунктъ, въ которомъ король обязуется ничего не постановлять въ дѣлахъ, касающихся Русскихъ Земель и Подоліи, безъ

была она провинціи, включенной въ число польскихъ коронныхъ земель, названную грамоту нельзя присоединить къ числу уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства; между тѣмъ только таковыя и подлежатъ нашему разсмотрѣнію [1]).

На томъ же почти основаніи мы оставляемъ въ сторонѣ и уставную грамоту, пожалованную Сигизмундомъ землѣ Дрогичинской [2]) въ 1516 г. (Zbiór praw lit., 118 — 121; Vol. leg. I, 174). Грамота эта (озаглавленная у Дзялынскаго — *Terra Drohiciensis juri Polonico adscribitur* [3])) не только вводитъ во всей полнотѣ польское право, изложенное въ коронныхъ статутахъ [4]), и рекомендуетъ, впредь до изданія общаго для всѣхъ коронныхъ земель сборника процессуальныхъ обычаевъ (consuetudines iudiciariae), руководствоваться при судопроизводствѣ соотвѣтствующими обычаями земли Краковской (moribus et consuetudinibus terrae Cracoviensis), но и уничтожаетъ послѣдніе остатки древне-русскихъ порядковъ (напр. должность дѣтскихъ) [5]) и, такимъ образомъ, служитъ подготовительнымъ актомъ присоединенія этой древне-русской, но ополяченной земли къ королевству Польскому.

Итакъ, за вычетомъ указанныхъ трехъ актовъ, общее число всѣхъ извѣстныхъ и изданныхъ до настоящаго времени уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства, опредѣляющихъ отношенія провинцій къ государству и служащихъ для нихъ мѣстными законами, доходитъ *до десяти* [6]).

согласія мѣстныхъ радъ: „In primis, quod in rebus et negotiis, quae concernunt et tangunt terras Russiae, nihil faciemus, nisi consiliariorum earundem terrarum consilio communicato et accepto...“ (Jus Polonicum, 293).

[1]) Содержаніе этой и слѣдующей грамотъ изложено у Чарнецкаго (Унив. Изв. 1867, №№ 1 и 8) и у К. П. Бестужева-Рюмина (Рус. Ист., т. II, вып. 1, стр. 73 и 87); впрочемъ, содержаніе первой изъ нихъ изложено весьма неполно и лишь на основаніи краткаго содержанія этой грамоты, помѣщеннаго у Даниловича (Skarbiec, II, № 1943).

[2]) Дрогичинская земля входила въ составъ Берестейской области, занимавшей территорію такъ называемой Подляхіи.

[3]) Zbiór praw, 118.

[4]) „...Jus Polonicum... duximus, damusque et conferimus, in omnibus punctis, articulis, et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur....“ (Zb. pr., str. 118—119).

[5]) Какъ пріятны и удобны оказались для Дрогичанъ эти польскіе права и порядки (смѣнившіе—русскіе), и какъ дорожили они этими правами, это отлично иллюстрируетъ грамота 1523 г., данная Дрогичанамъ вслѣдствіе жалобы намѣстника Литавора (Skarbiec II, 2293). Объ этомъ см. выше стр. 41.

[6]) Мы разсматриваемъ лишь устави. земск. грамоты, пожалованныя до появленія Литовскаго Статута 1529 г.; послѣ же изданія его были выданы и имѣются напечатанными

Грамоты эти даны на русскомъ языкѣ [1]) различнымъ, преимущественно, древне-русскимъ землямъ, входившимъ въ составъ Литовскаго государства, и распредѣляются между ними такъ: 2 даны *Витебской землѣ* (въ *1503* и *1509* гг.), 2—*Кіевской* (въ *1507* и *1529* гг.), 2—*Волынской* (въ *1501* и *1509* гг.), 1—*Полоцкой* (въ *1511* г.), 1—*Смоленской* (въ *1505* г.), 1 — *Жмудской* (въ *1492* г.) и 1—Бѣльской землѣ или, правильнѣе, *Бѣльскому повѣту* (въ *1501* г.).

Къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ грамотъ не дошла до насъ въ подлинникѣ, или оригиналѣ, сохранились же только оффиціальныя копіи съ подлинныхъ грамотъ, внесенныя одновременно съ пожалованіемъ этихъ послѣднихъ въ такъ называемую *Литовскую Метрику* [2]). Отсюда въ текущемъ столѣтіи, а именно въ первой половинѣ его, онѣ, на ряду съ другими актами, были извлечены для напечатанія въ различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ сборникахъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ Западной и Южной Россіи [3]), преимущественно же въ сборникахъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею [4]).

еще 2 грамоты (впрочемъ, буквально повторяющія предыдущія гр.), — это именно устав. гр. Полоцкой земли 1547 г. (Ак. З. Р. III, № 5) и Жмудской—1574 г. (ibid., № 59).

[1]) Двѣ изъ нихъ — Жмудская и Бѣльская устав. земск. гр. — были даны, кромѣ русскаго, также и на латинскомъ языкѣ.

[2]) Литовская Метрика, или Acta Magni Ducatus Lithvaniae, откуда почерпнуты многіе весьма важные акты, представляетъ собою десятки рукописныхъ фоліантовъ, куда съ половинѣ XV в. вносились различные акты, издаваемые для великаго княжества Литовскаго.—Оригиналъ Литовск. Метрики до послѣдняго времени хранился при Правительств. Сенатѣ, въ Петербургѣ, а копія въ Варшавѣ; въ концѣ же 1887 г. значительная часть Литовской Метрики перевезена въ Москву.

Подробныя свѣдѣнія объ исторіи и составѣ Литовской Метрики можно найти въ недавно вышедшей книгѣ г. Пташицкаго: „Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики", Спб. 1887 г.

[3]) Ниже, при обозрѣніи содержанія уставныхъ земск. грамотъ будетъ указано, гдѣ, кѣмъ и когда напечатана каждая изъ дошедшихъ до насъ устав. земск. грамотъ.

[4]) Сборники эти—„Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи", Спб. 1846—1853 гг. и „Акты, относящ. къ исторіи Южной и Запад. Россіи", Спб. 1860—1868 гг.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что Археографич. Коммиссія, преслѣдуя въ своихъ изданіяхъ болѣе интересы политич. исторіи Западной Россіи, нежели исторіи правовой, допустила при напечатаніи многихъ актовъ неточности и ошибки въ ихъ заголовкахъ, такъ что нерѣдко содержаніе акта и его названіе не соотвѣтствуютъ другъ другу,—обстоятельство, весьма затрудняющее правильное пользованіе изданными литовско-русскими грамотами, и безъ того съ трудомъ поддающимися болѣе или менѣе правильной

Обращаемся теперь къ выясненію причинъ и времени происхожденія уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства.

Изъ сдѣланнаго нѣсколько выше перечисленія дошедшихъ до насъ грамотъ этого типа видно, что всѣ онѣ пожалованы или Александромъ, или Сигизмундомъ и обнимаютъ собою періодъ съ 1492 по 1529 г. При разсмотрѣніи, однако, самаго текста этихъ грамотъ оказывается, что почти въ каждой изъ нихъ [1]) находится прямое указаніе на то, что она представляетъ собою лишь болѣе или менѣе буквальное подтвержденіе таковой же грамоты, пожалованной предыдущимъ или предыдущими вел. князьями [2]). Отсюда само собою вытекаетъ, что до насъ не дошли древнѣйшія, первоначально данныя отдѣльнымъ землямъ уставныя грамоты, сохранились же только повторительныя, или подтвердительныя, грамоты.

Фактъ утраты первоначальныхъ и оригинальныхъ (выше было указано, что дошедшія до насъ подтвердит. грам. не сохранились въ подлинникахъ) уставныхъ земск. грамотъ возлагаетъ на насъ обязанность заняться изысканіемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ могла быть дана впервые та или иная изъ грамотъ, легшихъ въ основаніе грамотъ, дошедшихъ до насъ и составляющихъ предметъ нашего изслѣдованія. Такое изысканіе вызывается не простою любознательностью, а настоятельною необходимостью опредѣлить, къ какой именно эпохѣ слѣдуетъ пріурочить нормы мѣстнаго обычнаго права, содержащіяся въ уставныхъ грамотахъ, ибо несомнѣнно, что дошедшія до насъ подтверди-

---

классификаціи. Ближайшимъ примѣромъ такихъ неточностей, допущенныхъ Археогр. Коммис., можетъ служить неустойчивость въ опредѣленіи содержанія разсматриваемыхъ нами грамотъ; такъ, напримѣръ, въ то время, какъ грамоты, данныя Витебской, Бѣльской, Волынской и др. землямъ, названы уставными, такія же грамоты, данныя Смоленской и Жмудской землямъ, названы просто жалованными.

[1]) Исключеніе представляетъ лишь одна Бѣльская устав. гр.

[2]) a) „...И копію того привилья передъ нами клали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ нашъ листъ привилей потомужъ дали. Ино мы... дали имъ нашъ листъ, *потомужъ, какъ отецъ нашъ* король его милость *имъ далъ былъ*“. (Витебск. у. гр. Ак. З. Р. I, стр. 351, стб. 2, № 204).

b) „...И вказывали передъ нами листы доброѣ памяти отца нашого, короля Казимира его милости, и брата нашого, короля Александра, што имъ дали право доброволное хрестіянское, и просили насъ абыхмо то имъ нашимъ листомъ потвердили. И мы... дали есмо имъ право доброволное хрестіянское, *по тому какъ отецъ и братъ нашъ дали было имъ...*“ (Кіевск. у. гр. Ак. З. Р. II, стр. 33, стб. 2, № 30). — Подобныя же указанія въ другихъ грамотахъ см. ниже въ „Систематич. сводѣ“, ст. III и IV.

тельныя грамоты отражаютъ въ себѣ обычаи и порядки, относящіеся не къ началу XVI в., когда преимущественно онѣ были даны, а къ эпохѣ болѣе ранней [1]); къ какой именно — это, надѣемся, выяснитъ нижеслѣдующій очеркъ исторіи происхожденія уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства.

Прежде чѣмъ приступимъ къ посильному рѣшенію намѣченныхъ нами вопросовъ относительно каждой изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общихъ причинахъ и времени происхожденія всѣхъ вообще уставныхъ грамотъ, составляющихъ предметъ нашего изслѣдованія.

Пока земли, входившія въ составъ Литовско-Русскаго государства, составляли, каждая въ отдѣльности, самостоятельное цѣлое, т. е имѣли своихъ удѣльныхъ князей, находившихся лишь въ полу-зависимыхъ, вассальныхъ отношеніяхъ къ великому князю Литовскому, свое вѣче, которое попрежнему, какъ то было и раньше, въ земскій періодъ, судило и рядило во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ, своихъ выборныхъ чиновниковъ и проч., не было, конечно, никакой надобности въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, опредѣляющихъ, какъ извѣстно, отношенія области къ государству и порядокъ мѣстнаго управленія. Иное положеніе дѣлъ возникало съ уничтоженіемъ удѣльной системы и централизаціей всѣхъ функцій верховной власти въ лицѣ великаго князя: каждая изъ литовско-русскихъ областей, лишаясь своихъ удѣльныхъ князей, а съ ними и значительной доли своей самостоятельности, нуждалась въ гарантіяхъ того, что̀ не противорѣчило единодержавному строю государства, а въ то же время было

---

[1]) Въ этомъ, помимо указанныхъ ссылокъ подвердит. грамотъ на древнѣйшія, съ коихъ онѣ списывались, легко убѣждаетъ даже бѣглое чтеніе нашихъ грамотъ: въ нихъ можно встрѣтить много такого, что̀ въ началѣ XVI в. несомнѣнно было уже анахронизмомъ, напр. право потерпѣвшаго расправляться съ воромъ по своему усмотрѣнію (право, на которое указываетъ Витебск. устав. гр.) и т. под. — Вообще, при сличеніи двухъ устави. грам., пожалованныхъ одной какой либо землѣ въ различное время (до насъ дошли нѣкоторыя грамоты въ двухъ подтвержденіяхъ), не трудно замѣтить, что онѣ обыкновенно повторялись, или переписывались, почти буквально даже и тогда, когда содержаніе такихъ устави. грамотъ во многомъ уже не соотвѣтствовало современному имъ положенію дѣлъ. Такъ, напр., въ 1511 г. Полоцкой землѣ выдается подтвердит. устави. гр., которая во многихъ случаяхъ идетъ въ разрѣзъ съ грам. на магдебург. право, введенное въ Полоцкѣ въ 1498 г. и подтвержденное вновь въ 1510 г. (Ср. Ак. З. Р. II, № 70 съ Ак. З. Р. I, № 159 и II, № 61).

дорого населенію, какъ его старина, его пошлина, и съ этою цѣлью ходатайствовало передъ верховною властью о подтвержденіи и признаніи своихъ важнѣйшихъ ископныхъ земскихъ правъ и порядковъ. Съ другой стороны, само центральное правительство, не обладая ни средствами, ни надлежащей подготовкой къ тому, чтобы реформировать на новыхъ, сообразно съ новымъ строемъ государства, началахъ земскіе порядки, слагавшіеся цѣлыми вѣками, и вынужденное, такимъ образомъ, сохранить въ присоединенныхъ областяхъ весьма многое in statu quo, хорошо въ то же время понимало, что путемъ подтвержденія многихъ существующихъ ископи земскихъ порядковъ и земскихъ правъ населенія оно сдѣлаетъ переходъ отъ стараго порядка къ новому менѣе замѣтнымъ и этимъ не только устранитъ поводы къ ропоту и волненію населенія въ ново-присоединенныхъ областяхъ, но еще крѣпче сплотитъ бывшія удѣльныя княжества съ остальнымъ государствомъ. Всѣ эти соображенія, которыми, по всей вѣроятности, руководилось центральное правительство, сохраняя земскую старину, а также и соотвѣтствующія ходатайства областей были для него уже достаточно сильными мотивами для пожалованія отдѣльнымъ землямъ уставныхъ грамотъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ подтвержденіемъ земскихъ правъ и обычаевъ оговаривались также извѣстныя права и прерогативы верховной власти, и, такимъ образомъ, довольно подробно опредѣлялись взаимныя отношенія области и государства. Кромѣ того, съ устраненіемъ удѣльныхъ князей и замѣной ихъ намѣстниками и воеводами, присланными центральнымъ правительствомъ, явилась необходимость опредѣлить также взаимныя отношенія между населеніемъ и мѣстными правительственными органами, чтобы, съ одной стороны, охранить интересы перваго отъ произвола послѣднихъ, а съ другой, разграничить сферы мѣстнаго правительственнаго управленія и мѣстнаго самоуправленія. Эта двойная цѣль, преслѣдуемая центральнымъ правительствомъ, а именно стремленіе опредѣлить отношенія области къ государству и желаніе регламентировать взаимныя отношенія между населеніемъ области и мѣстными правительственными органами, и была главной причиной происхожденія литовско-русскихъ уставныхъ земскихъ грамотъ.

Таковы были внутреннія причины, вызвавшія появленіе первыхъ уставныхъ земскихъ грамотъ; внѣшнимъ же поводомъ, такъ сказать, толчкомъ для этого послужило, какъ мы уже сказали, уничтоженіе

удѣльной системы, съ эпохой котораго совпадаетъ и время происхожденія нашихъ грамотъ.

Обращаясь къ исторіи Литовско-Русскаго государства, мы видимъ, что оно уже въ концѣ XIV в. вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія: происходитъ внутреннее объединеніе отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ этого государства, путемъ постепеннаго уничтоженія удѣльной системы. Первые и важнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы Витовтомъ, котораго совершенно справедливо называютъ иногда установителемъ единодержавія въ Литвѣ. Онъ не только пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для объединенія Литовско-Русскаго государства и присоединилъ такимъ образомъ къ своимъ владѣніямъ многіе удѣлы (Сѣверскій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій и др.), но, кромѣ того, строгимъ и властнымъ своимъ обращеніемъ съ князьями уцѣлѣвшихъ еще удѣловъ сумѣлъ подготовить почву къ окончательному уничтоженію въ Литовскомъ государствѣ прежней удѣльной системы. Дѣло Витовта, нѣсколько замедленное наступившими вслѣдъ за его смертью неурядицами и усобицами, было успѣшно закончено Казиміромъ, при которомъ, со смертью послѣднихъ удѣльныхъ князей Волынской и Кіевской земель, окончательно пала удѣльная система въ Литовской Руси [1]). Такимъ образомъ, эпоха постепеннаго паденія въ Литовско-Русскомъ государствѣ удѣльной системы, а слѣдовательно и совпадающее съ этой эпохой время происхожденія уставныхъ земскихъ грамотъ относятся къ великокняженію Витовта и Казиміра, обнимающему собою, какъ извѣстно, съ небольшимъ перерывомъ цѣлое столѣтіе (гг. 1392—1430 и 1440—1492).

Если затѣмъ, для подкрѣпленія нашихъ соображеній относительно времени появленія первыхъ уставныхъ земскихъ грамотъ, мы обратимся снова къ тексту дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ, то увидимъ, что онѣ, не довольствуясь ссылкой на ближайшія по времени предыдущія грамоты, нерѣдко ссылаются также и на болѣе древнія, пожалованныя Казиміромъ, Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ,

---

[1]) Правда, оставались еще въ своихъ мелкихъ удѣлахъ князья Слуцкіе, Кобринскіе, Бѣлевскіе и нѣкотор. др., но ихъ можно не принимать въ расчетъ, ибо, снизойдя на степень служебныхъ князей, охотно принимавшихъ отъ великаго князя различные уряды, они не играли уже никакой политической роли.

Свидригелломъ и Витовтомъ, а равно и на порядки, существовавшіе еще при этихъ князьяхъ и ими санкціонированные [1]). Подобнаго же рода ссылки, подтверждая сказанное нами, указываютъ въ свою очередь, что пожалованіе первоначальныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ происходило въ эпоху Витовта и Казиміра, т. е. въ концѣ XIV и въ теченіе первой (бо́льшей) половины XV вѣка, когда въ земляхъ еще сохранялись во всей цѣлости древне-русскія особенности, мѣстные обычаи и порядки, отразившіеся, какъ въ зеркалѣ, и въ дошедшихъ до насъ уставныхъ земскихъ грамотахъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній объ общихъ причинахъ и времени происхожденія всѣхъ вообще законодательныхъ актовъ разсматриваемаго нами типа, попытаемся теперь, насколько это возможно съ помощью тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, представить исторію первоначальнаго происхожденія и послѣдующихъ подтвержденій каждой изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ земскихъ грамотъ, т. е. постараемся выяснить, когда и при какихъ обстоятельствахъ она была пожалована впервые и затѣмъ вновь подтверждалась. Не скрываемъ при этомъ отъ себя и читателя, что, при скудости источниковъ и при малочисленности вполнѣ подходящихъ пособій [2]), наши хронологическіе выводы не могутъ отличаться желательною точностью,—они могутъ быть лишь приблизительными и весьма вѣроятными, а этого, впрочемъ, для насъ вполнѣ достаточно.

Для достиженія намѣченной нами только-что цѣли необходимо по имѣющимся у насъ источникамъ и пособіямъ представить, хотя въ краткихъ чертахъ, историческія судьбы каждой земли (конечно, изъ числа тѣхъ, которымъ были даны извѣстныя намъ уставныя грамоты) съ момента включенія ея въ составъ Литовско-Русскаго государства до прекращенія ея удѣльнаго характера, а затѣмъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) и дальше, до конца XV вѣка [3]).

---

[1]) См. ниже „Систематич. сводъ устави. земск. гр.“, ст. III и IV.

[2]) Какъ извѣстно, до насъ не дошли западно-русскія областныя лѣтописи, которыя несомнѣнно велись въ каждой болѣе значительной землѣ или области. Что же касается пособій, то историческая литература наша еще и донынѣ весьма бѣдна монографіями, посвященными исторіи отдѣльныхъ западно и южно-русскихъ областей; въ виду этого приходится пользоваться трудами общаго содержанія, посвященными вполнѣ или только отчасти исторіи Литовско-Русскаго государства.

[3]) Пособіями при составленіи нижеслѣдующихъ историческихъ очерковъ служили труды В. Б. Антоновича, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. Бобржинскаго, Бѣляева, М Ф.

Дошедшія до насъ уставныя грамоты даны были слѣдующимъ *семи* землямъ: Полоцкой, Витебской, Смоленской, Жмудской, Кіевской, Волынской и Бѣльской (вѣрнѣе—Бѣльскому повѣту). Мы начнемъ съ историческаго очерка Полоцкой земли и смежной съ ней Витебской и будемъ переходить отъ одной земли къ другой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ у насъ сейчасъ перечислены.

1. *Полоцкая земля*, раньше другихъ русскихъ земель сдѣлавшаяся независимою и самостоятельною, занимала обширную территорію, простиравшуюся на сѣверъ къ верховьямъ р. Великой, на востокъ до р. Днѣпра и на югъ до рр. Березины и Шары. Но уже въ XII вѣкѣ, послѣ продолжительной борьбы Полоцкаго вѣча съ своими князьями за верховную власть, а затѣмъ главнаго города Полоцка съ нѣкоторыми важнѣйшими своими пригородами за первенство, обширная территорія эта раздробилась на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ. Послѣднее обстоятельство, ослабивъ Полоцкую землю, дало возможность Литовскимъ князьямъ, безъ особеннаго труда, овладѣть ею въ половинѣ XIII вѣка (послѣдній Полоцкій князь изъ Рюриковичей упоминается лѣтописью подъ 1238 г.).

Присоединенная къ Литвѣ при Миндовгѣ, Полоцкая земля составляла нѣкоторое время удѣлъ племянника Миндовга Товтивила, но затѣмъ, вскорѣ послѣ смерти того и другого, она, съ княземъ своимъ Эрденемъ во главѣ, отдѣлилась отъ Литвы и заняла положеніе особаго, вполнѣ независимаго отъ нея княжества. Такое самостоятельное положеніе этой земли продолжалось почти полстолѣтія, а именно до начала слѣдующаго XIV вѣка, когда Полоцкъ вновь былъ пріобрѣтенъ великими князьями Литовскими въ лицѣ Витеня. По смерти же

Владимірскаго-Буданова, Голембёвскаго, Н. Дашкевича, Д. И. Иловайскаго, Нарбутта, К. Стадницкаго и нѣкотор. др.; затѣмъ — „Атласъ по Русской Исторіи“ и объясненія къ нему (Спб. 1887 г.) Е. Замысловскаго. -- Пользуясь указанными трудами, мы дополняли сообщаемыя ими свѣдѣнія, а равно старались разрѣшать встрѣчающіяся иногда противорѣчія при помощи слѣдующихъ источниковъ, бывшихъ у насъ подъ рукою:

1) Лѣтописи: a) Густинская (П. С. Р. Л. т. II), b) Новгородскія (ibid. т. III—IV), c) Псковскія (ibid. т. IV—V) d) Софійская (ibid. т. V), e) Воскресенская (ibid. т. VII—VIII).

2) Kronika Litewska (Лѣтопись Быховца), wyd. T. Narbutta, Wilno, 1846 r.

3) Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, wyd. J. Daniłowicza, Wilno, 1827 r.

4) Codex epistolaris Vitoldi, ed. A. Prochaska, 1882 a.

5) Skarbiec diplomatów etc., tt. I—II, Wilno, 1860—62 r.

6) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I—III, Спб. 1846—53 г.

этого послѣдняго (въ 1315 г.), великимъ княземъ Литовскимъ сдѣлался Гедиминъ, а Полоцкая земля досталась въ удѣлъ брату Гедимина и Витеня—Воину. Относительно продолжительности княженія Воина въ Полоцкѣ мнѣнія историковъ расходятся: одни считаютъ годомъ смерти его 1343, другіе же 1350 годъ [1]). Такъ или иначе, но около половины XIV в. Полоцкъ перешелъ во власть Ольгерда, а этотъ послѣдній передалъ его старшему сыну своему Андрею, который правилъ Полоцкомъ безъ перерыва почти 30 лѣтъ.

Послѣ смерти Ольгерда († 1377 г.) Андрей не призналъ старшинства Ягелла и удалился во Псковъ, откуда въ 1379 г. снова вернулся въ свой Полоцкій удѣлъ; въ слѣдующемъ же году мы видимъ его принимающимъ съ дружиной своей изъ Полочанъ и Псковичанъ участіе въ Куликовской битвѣ, въ войскѣ Донскаго. Недовольный Андреемъ вообще, а особенно за участіе его въ Куликовской битвѣ, въ рядахъ московскаго войска, Ягелло въ томъ же 1380 г. объявилъ Андрея лишеннымъ Полоцкаго удѣла и передалъ этотъ послѣдній брату своему Скиргеллу. Однако, свободолюбивые и вѣрные своему князю Полочане не приняли Скиргелла, но съ позоромъ, бранью и угрозами выпроводили его изъ города. Раздраженный Ягелло послалъ вторично Скиргелла въ Полоцкъ, на этотъ разъ уже съ войскомъ, которое и осадило городъ; вскорѣ, впрочемъ, осада эта прекратилась, такъ какъ войско Скиргелла ушло изъ-подъ Полоцка къ Кейстуту, объявившему себя велик. княземъ Литовскимъ вмѣсто свергнутаго Ягелла. Борьба этого послѣдняго съ Кейстутомъ, а затѣмъ переговоры Ягелла съ Польшей относительно брака съ Ядвигой дали возможность Андрею спокойно провладѣть Полоцкомъ еще нѣсколько лѣтъ. Лишь въ 1386 г., уже будучи въ Польшѣ, Ягелло поручилъ Скиргеллу изгнать Андрея изъ Полоцка. Осада Полоцка, захватившая конецъ 1386 и начало 1387 г., окончилась взятіемъ его и плѣненіемъ Андрея. Послѣдній былъ отправленъ въ заточеніе въ одну изъ польскихъ крѣпостей, а княземъ Полоцкимъ, по волѣ Ягелла, сталъ

---

[1]) См., напр., „Монографіи“ В. Б. Антоновича (стр. 45) и „Bracia Wład.-Jagiełły“ К. Стадницкаго (стр. 20, пр. 11). — Д. Иловайскій же (Ист. Рос., II, 66), перечисляя удѣльныхъ князей послѣ смерти Гедимина, называетъ Полоцкимъ княземъ сына Воина Любка. Едва ли это вѣрно, ибо изъ 1-ой Псковск. лѣт. (стр. 188) мы узнаемъ, что Любко, котораго она величаетъ не княземъ, а лишь „сыномъ Воиновымъ Полоцкаго князя“, погибъ еще въ 1341 г.

Скиргелло [1]). Впрочемъ, княженіе его въ Полоцкѣ продолжалось не долго. Во время борьбы своей съ Ягелломъ и Скиргелломъ Витовту удалось овладѣть этимъ городомъ, какъ полагаютъ, въ 1390 году [2]). Вскорѣ послѣ этого, именно въ 1392 г., Витовтъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ Литовскимъ, а въ концѣ того же года примирился съ Скиргелломъ, предоставивъ ему во владѣніе взамѣнъ намѣстничества въ Литвѣ и Полоцкаго удѣла Кіевскую область, отнятую у Владиміра Ольгердовича [3]).

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Витовтъ уже никому не отдалъ Полоцка въ удѣлъ, а назначилъ туда своего намѣстника; однимъ изъ первыхъ такихъ намѣстниковъ Полоцкихъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, былъ Монтыгирдъ [4]). Такимъ образомъ, уже въ началѣ 90-хъ годовъ XIV ст. Полоцкая земля навсегда утрачиваетъ своихъ удѣльныхъ князей, а съ ними и свою удѣльную обособленность и обращается въ провинцію, управляемую великокняжескими намѣстниками.

Къ этому же именно времени (т. е. къ началу 90-хъ годовъ XIV ст.) мы съ достаточнымъ основаніемъ можемъ отнести также и пожалованіе первой уставной грамоты Полоцкой землѣ, на которую, очевидно, ссылается и позднѣйшая, дошедшая до насъ грамота 1511 года (Ак. З. Р. II, № 70), когда говоритъ „о доброволеньствахъ", полученныхъ Полоцкою землею „отъ великого князя Витовта" [5]).

Послѣ смерти Витовта (1430 г.) возникла новая борьба въ Литовскомъ государствѣ изъ-за великокняжеской власти, борьба между Свидригелломъ и Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, при чемъ государство какъ бы раздѣлилось на двѣ части: однѣ области, собственно литовскія, были на сторонѣ Сигизмунда, другія же, чисто русскія, стали на сторону Свидригелла. Среди послѣднихъ самое дѣятельное

---

[1]) Codex epistol. Vit. № XXXII (отъ 1387 г.): Ягелло даетъ въ удѣлъ Скиргеллу Полоцкую землю со всѣми повѣтами.

[2]) Къ этому именно году К. Стадницкій (Bracia Wład.-Jagiełły, 274) относитъ слова Лѣтописца Литвы: „А и Полтескъ вдася ему (т. е. Витовту)" (см. Latopisiec Litwy, wyd. Daniłowicza, str. 44, а также Лѣтопись Быховца, стр. 31).

[3]) См. Codex epist. Vit., №№ XCVII и XCVIII, откуда видно, что это примиреніе состоялось при посредствѣ Ягелла въ декабрѣ 1392 г.

[4]) Codex epist. Vit., №№ CXXXV (1396 г.) и CXXXIX (1397 г.).

[5]) См. Систем. сводъ, ст. III—2.

участіе въ возникшей борьбѣ принимала земля Полоцкая (куда бѣжалъ изъ Вильны Свидригелло), а вмѣстѣ съ нею—Витебская и Смоленская: земли эти, съ князьями и боярами своими во главѣ, провозгласили Свидригелла княземъ Русскимъ. Однако, битва при Вилькомірѣ на р. Святой (въ 1435 г.) рѣшила споръ въ пользу Сигизмунда и положила конецъ сепаратистическому движенію русскихъ земель: Свидригелло бѣжалъ въ Кіевскую область, а Смоленскъ долженъ былъ покориться и принять Сигизмундова намѣстника; въ слѣдующемъ же 1436 г. послѣ продолжительной осады принуждены были сдаться Сигизмунду и принять его намѣстниковъ также Полоцкъ и Витебскъ. Такъ окончилась попытка нѣкоторыхъ русскихъ земель выдѣлиться изъ состава государства Литовскаго, имѣя во главѣ своего отдѣльнаго „русскаго" князя [1]).

Ко времени, предшествующему этой междоусобной войнѣ и непосредственно слѣдующему за ней, надо отнести, между прочимъ, и выдачу Полоцкой землѣ подтвердит. уставныхъ грамотъ в. кн. Свидригелломъ и Сигизмундомъ, подтвердившими, а можетъ быть, и дополнившими первую грамоту, пожалованную Витовтомъ. А что такія грамоты были дѣйствительно пожалованы Полоцкой землѣ обоими названными князьями, на это существуетъ прямое указаніе въ дошедшей до насъ грамотѣ 1511 г. [2]). Изъ нея же, наконецъ, мы узнаемъ, что слѣдующія подтвердительныя грамоты были выданы Казиміромъ и Александромъ [3]), по всей вѣроятности, въ началѣ княженія каждаго изъ нихъ.

2. *Витебская земля* граничила на западѣ съ Полоцкою, на сѣверѣ съ Новгородскою, а на востокѣ съ Смоленскою и простиралась къ востоку отъ р. Березины почти до береговъ Угры. Нѣкогда Витебскъ былъ лишь старѣйшимъ Полоцкимъ пригородомъ, но уже въ XII в. онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими подчиненными ему младшими пригородами отдѣлился отъ стариаго города Полоцка и сталъ во главѣ отдѣльной территоріи или земли, имѣя и свое независимое вѣче

---

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что подобная же попытка повторилась и при вокняженіи Казиміра, когда Смоленскомъ владѣлъ Юрій Лугвеневичъ (1440—1442 гг.). См. Первую Новгород. лѣт. стр. 113 и комментарій къ этому мѣсту лѣтописи К. Стадницкаго въ его соч. „Bracia Wład.-Jagielly", str. 296, n. 51.

[2]) См. Систематич. сводъ, ст. III—2.

[3]) Ibid.

и своихъ удѣльныхъ князей. Послѣднимъ такимъ княземъ изъ дома Рюриковичей былъ Ярославъ Васильевичъ, выдавшій въ 1318 г. свою единственную дочь Марію за Ольгерда. Черезъ два года Ярославъ скончался, не оставивъ иныхъ наслѣдниковъ, кромѣ дочери Маріи и зятя, и Витебская земля мирнымъ совершенно путемъ досталась Литвѣ въ лицѣ Ольгерда Гедиминовича (въ 1320 г.).

Кто владѣлъ Витебскомъ послѣ смерти Ольгерда, въ періодъ съ 1377 по 1381 г., — неизвѣстно; извѣстно же только, что, свергнувъ Ягелла, Кейстутъ далъ ему въ удѣлъ вмѣстѣ съ Кревомъ и Витебскъ, т. е. то, чѣмъ владѣлъ Ольгердъ до своего вокняженія въ Вильнѣ. Когда же въ 1382 г. Ягелло умертвилъ Кейстута и занялъ снова великокняжескій столъ, то передалъ Витебскъ во владѣніе въ качествѣ вѣна своей вдовствующей матери Юліанѣ и одновременно съ этимъ назначилъ въ Витебскъ намѣстникомъ своего сокольничаго Ѳедора Весну. Къ этому послѣднему, согласно обѣщанію Ягелла, долженъ былъ, по смерти Юліаны, перейти въ держаніе и самый Витебскъ. Такое распоряженіе Ягелла относительно Витебска, на который остальные сыновья Ольгерда смотрѣли, какъ на родовую свою вотчину, не могло, конечно, нравиться самому безпокойному изъ нихъ—Свидригеллу, жившему къ тому же при своей матери, въ Витебскѣ. Поэтому, когда около 1393 г. Юліана умерла, то Свидригелло немедленно убилъ Ѳ. Весну и завладѣлъ Витебскомъ. Ягелло, раздраженный такимъ самоуправствомъ своего брата, просилъ Витовта (въ это время уже велик. князя Литовскаго) наказать его. Витовтъ, который, какъ извѣстно, поставилъ себѣ неуклонною цѣлью уничтоженіе въ предѣлахъ государства Литовскаго удѣльныхъ княжествъ, не замедлилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ: тотчасъ же двинулся противъ Свидригелла и осадилъ Витебскъ. Нѣкоторое время Свидригелло и Витебляне весьма успѣшно выдерживали осаду, но при помощи Смоленскаго вспомогательнаго войска и пушекъ Витовтъ, наконецъ, достигъ желаемаго: Витебскъ сдался [1]), а послѣдній Витебскій князь, Свидригелло, былъ отправленъ къ Ягеллу въ Краковъ въ качествѣ военнопленнаго.

---

[1]) „Видбляне же не утерпѣвши и подалися великому князю Витольту. Князь же Швитригайло виде вонъ изъ города и покорился великому князю Витовту“ (Лѣт. Быхъ., стр. 33).

Вслѣдъ за этимъ Витовтъ, по всей вѣроятности, оставилъ въ Витебскѣ своего намѣстника, а жителямъ этой области пожаловалъ уставную грамоту, въ которой вмѣстѣ съ подтвержденіемъ земскихъ правъ и обычаевъ Витеблянъ оговорилъ также свои верховныя права и прерогативы. Такъ какъ сдача Витебска произошла не позже 1393 года [1]), то къ этому, приблизительно [2]), году мы можемъ пріурочить и пожалованіе первой уставной грамоты Витебской землѣ.

Дальнѣйшая судьба этой земли извѣстна изъ предыдущаго историческаго очерка земли Полоцкой: она, подобно послѣдней, принимала дѣятельное участіе въ движеніи русскихъ областей въ пользу Свидригелла, также находилась нѣкоторое время во власти этого послѣдняго, признавая его своимъ прирожденнымъ княземъ, и также, наконецъ, принуждена была покориться и принять Сигизмундова намѣстника (въ 1436 г.).

Хотя дошедшая до насъ уставная грамота Витебской земли отъ 1503 года (Ак. З. Р. I № 204), данная Александромъ (а равно и болѣе поздняя 1509 г.), не упоминаетъ объ иныхъ предшествующихъ ей уставныхъ грамотахъ, кромѣ грамоты Казиміра, но достаточно прочесть ее, хотя бѣгло, чтобы убѣдиться, что и содержаніе и даже самый языкъ ея, отъ которыхъ такъ и вѣетъ сѣдой стариной, указываютъ болѣе, чѣмъ это можно замѣтить въ другихъ подобныхъ же грамотахъ, на ея древнее происхожденіе, восходящее еще къ концу XIV в., т. е. ко временамъ Витовта. Этотъ же древній, если такъ можно выразиться, духъ дошедшей до насъ грамоты даетъ основаніе предположить также, что грамота Витовта не только подтверждалась

---

[1]) Нѣкоторые историки, напр. Нарбуттъ (Dzieje narodu Litewskiego, t. V, str. 563—564) и Голембёвскій (Dzieje Polski, t. I, str. 60) совершенно неправильно относятъ это событіе къ 1396 г.: изъ Лѣтописи Быховца (стр. 33) мы знаемъ, что вспомог. смоленск. войскомъ при осадѣ Витебска предводительствовалъ кн. Юрій Святославичъ, чего вовсе не могло быть въ 1396 г., ибо еще годомъ раньше (въ 1395 г.) Смоленскъ попалъ въ руки Витовта.— Другія соображенія противъ 1396 г. и за 1393 г. приводитъ К. Стадницкій (см. Bracia Wł.-Jag., str. 307, n. 6).

[2]) Говоримъ „приблизительно“ потому, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ уставная грамота могла быть пожалована не тотчасъ послѣ взятія или сдачи города, а нѣкоторое время спустя, когда первыя впечатлѣнія побѣдителей и побѣжденныхъ сглаживались, а жизнь государства и покоренной области снова вступала въ мирную колею; исключеніе изъ этого представляютъ лишь тѣ случаи, когда выдача уставной грамоты, подтверждающей земскіе права и порядки, была поставлена однимъ изъ условій добровольной сдачи города.

преемниками его (Свидригелломъ, Сигизмундомъ, Казиміромъ и, наконецъ, Александромъ), но даже вмѣстѣ съ тѣмъ не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ во всѣхъ послѣдующихъ подтвержденіяхъ, т. е. дошла до насъ почти въ первоначальной своей редакціи. Такое предположеніе подкрѣпляется отчасти сравненіемъ обѣихъ дошедшихъ до насъ Витебск. устав. гр. 1503 и 1509 гг.: послѣдняя представляетъ поразительно буквальную копію первой.

3. *Смоленская земля*, примыкавшая на западѣ къ Полоцкой и Витебской, искони, подобно этимъ послѣднимъ, вела торговыя сношенія съ Нѣмецкими и Варяжскими городами, пользуясь для этого общимъ для всѣхъ трехъ названныхъ земель торговымъ путемъ—Западной Двиною. Такимъ образомъ, условія географическія и промышленно-торговыя какъ бы заранѣе намѣтили, къ какому изъ двухъ большихъ государствъ должна была, съ потерей своей самостоятельности [1]), примкнуть Смоленская земля, къ Восточно или Западно-Русскому. А такая альтернатива была неизбѣжна въ виду того, что къ половинѣ XIV вѣка Смоленская земля оказалась окруженной съ одной стороны владѣніями Московскаго государства, а съ другой—Литовскаго. Дѣйствительно, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, къ концу XIV в. Смоленская земля попадаетъ въ зависимость отъ того государства, въ составъ котораго уже вошли двѣ сосѣднія земли Полоцкая и Витебская, т. е. Литовско-Русскаго. Начало этой зависимости было положено еще въ 1341 г., когда Ольгердъ помогалъ Смоленску въ войнѣ съ Москвой изъ-за Можайска; затѣмъ, мало по малу Ольгердъ сумѣлъ стать по отношенію къ Смоленску въ положеніе защитника и покровителя, что, въ свою очередь, силой обстоятельствъ постепенно низвело Смоленскихъ князей на степень подручныхъ Ольгерду: предпослѣдній Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ (1358—1386) во вторую половину великокняженія Ольгерда уже безпрекословно участвуетъ во всѣхъ походахъ его противъ Москвы и крестоносцевъ. Такъ Смольняне постепенно были приготовлены къ мысли о потерѣ политической самостоятельности своей земли и неизбѣжномъ уже присоединеніи ея къ составу Литовско-Русскаго государства.

---

[1]) Земля эта выдѣлилась въ качествѣ независимаго княжества въ концѣ XII ст. и находилась съ тѣхъ поръ подъ управленіемъ рода Ростислава Мстиславича. См. „Монографіи“ В. Б. Антоновича, стр. 111.

Во время похода Скиргелла противъ Андрея Полоцкаго (въ 1386 г.) Смоленскій кн. Святославъ Ив. былъ въ союзѣ съ этимъ послѣднимъ. Прежде чѣмъ двинуться противъ Андрея, Скиргелло рѣшился покончить съ его союзникомъ, Святославомъ; произошла битва, въ которой Смольняне были поражены, князь ихъ Святославъ убитъ, а оба его сына попали въ плѣнъ. Руководимый тѣми или иными соображеніями, Скиргелло одного изъ нихъ—Юрія посадилъ на Смоленскомъ столѣ и этимъ на нѣкоторое, хотя короткое время отсрочилъ паденіе Смоленска. Девять лѣтъ спустя произошли въ Смоленскѣ распри между двумя братьями Святославичами—Юрьемъ и Глѣбомъ; въ эти распри подъ личиной дружбы вмѣшался Витовтъ, коварно схватилъ Смоленскихъ князей и ихъ бояръ и завладѣлъ Смоленскомъ. Покорившійся городъ долженъ былъ принять Витовтова намѣстника и литовскій гарнизонъ. Произошло это въ 1395 году.

Впрочемъ, на этотъ разъ Смоленскъ не долго оставался въ рукахъ Литовцевъ. Въ 1401 г. Олегъ Рязанскій, склоненный къ тому просьбами бывшаго Смоленскаго князя Юрія, своего зятя, двинулся съ войскомъ къ Смоленску и предложилъ гражданамъ его, или принять Юрія, или подвергнуться всѣмъ случайностямъ осады и взятія города. Въ Смоленскѣ оказалось двѣ партіи: одна стояла за Витовта, другая за Юрія. Послѣдняя, по всей вѣроятности, одержала верхъ, ибо Смольняне рѣшились, наконецъ, принять Юрія. Вслѣдъ за этимъ намѣстникъ Витовта и важнѣйшіе сторонники этого послѣдняго были, по приказанію Юрія, умерщвлены. Произошла война. Счастье склонялось то на сторону Витовта, то на сторону Юрія и Олега Рязанскаго. Такъ продолжалось до 1404 года. Лѣтомъ этого года, пользуясь отсутствіемъ Юрія, Витовтъ вторично осадилъ Смоленскъ, и бояре сдали ему городъ. Чтобы усилить симпатіи къ себѣ и привлечь окончательно на свою сторону жителей, Витовтъ, изгнавъ, а частью казнивъ лицъ, наиболѣе враждебныхъ себѣ, надѣлилъ городъ различными льготами.

Съ этого времени Смоленская земля находилась подъ властью Литовскихъ великихъ князей болѣе столѣтія (до 1514 г.). Вотъ въ краткихъ чертахъ дальнѣйшая судьба этой земли.

Во время борьбы Свидригелла съ Сигизмундомъ изъ-за великокняжескаго стола Смоленская земля вмѣстѣ съ Полоцкою, Витебскою и нѣкоторыми др. чисто-русскими землями была, какъ мы это уже

видѣли, на сторонѣ Свидригелла и принимала въ этой борьбѣ дѣятельное участіе, но должна была смириться и снова принять Сигизмундова намѣстника. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, когда Сигизмундъ былъ убитъ, а вельможи Литовскіе выбрали на его мѣсто великимъ княземъ не Свидригелла, а Казиміра Ягелловича, наступили въ Литовско-Русскомъ государствѣ новые безпорядки и междоусобія. Однѣ изъ областей не хотѣли признавать Казиміра своимъ великимъ княземъ, другія же, чисто-русскія области, стремясь возстановить свою независимость, пытались отложиться отъ Литовскаго государства, все болѣе и болѣе тяготѣвшаго, въ лицѣ высшихъ сословій, къ Польшѣ и ея порядкамъ, далеко незаманчивымъ для низшихъ классовъ населенія. Такимъ образомъ, въ 1440 г. произошелъ цѣлый рядъ возстаній: волновалась Жмудь, земля Берестейская и Смоленская; кромѣ того, существуетъ смутное извѣстіе о такихъ же волненіяхъ въ землѣ Витебской и Полоцкой [1]). Особенно же продолжительно и упорно было возстаніе въ землѣ Смоленской.

Съ полученіемъ извѣстія о смерти Сигизмунда, епископъ, князья, бояре и мѣстичи Смоленскіе, по требованію замѣстителя намѣстника (воеводы Саковича) [2]), тотчасъ же принесли присягу на вѣрность тому, кто будетъ выбранъ въ Вильнѣ великимъ княземъ, обѣщая при этомъ не отдѣляться отъ Литвы [3]); низшіе же классы городскаго населенія (черные люди, преимущественно же ремесленники различныхъ цеховъ) подняли мятежъ: изгнали Литовскій гарнизонъ и Смоленскихъ бояръ, преданныхъ Литвѣ, утопили оставленнаго воеводою Саковичемъ въ городѣ маршалка Петрика и выбрали себѣ воеводою одного изъ Смоленскихъ князей (кн. Дорогобужскаго), а затѣмъ призвали къ себѣ княземъ Юрія Лугвеневича (князя Мстиславскаго). Юрій оправдалъ довѣріе Смоленской черни: быстро расправился съ нѣкоторыми воро-

---

[1]) Лѣт. Первая Новгородская, стр. 113. Объ этомъ же см. выше примѣч. 1 на стр. 54.

[2]) Смоленскій намѣстникъ Янъ Гаштольдъ незадолго передъ этимъ былъ вызванъ въ Троки на сеймъ.

[3]) Вотъ какой, по словамъ лѣтописи, былъ текстъ присяги, предложенной Саковичемъ: „штожъ кого князи и панове Литовскіи господаремъ оберутъ, имъ (т. е. Смольнянамъ) отъ того не отступати, а иного господаря мимо того имъ не искати, а меня вамъ держати въ себе воеводою покуль сядетъ князь великій на Вильни“ (Лѣт. Быхов. стр. 53; см. также Лѣт. Даниловича, стр. 67).

тившимися въ городъ боярами (однихъ заковалъ въ оковы, у другихъ конфисковалъ имѣнія) и привелъ городъ въ такое положеніе, что явившееся осенью того же (1440) года Литовское войско не имѣло никакого успѣха и послѣ трехнедѣльной осады удалилось. Только черезъ два года (осенью 1442 г.), когда болѣе многочисленное литовское войско, предводимое самимъ Казиміромъ, явилось подъ стѣнами Смоленска, а Юрій Лугвеневичъ, не видя ни откуда помощи, бѣжалъ въ Москву, городъ сдался, наконецъ, Казиміру и долженъ былъ принять великокняжескимъ намѣстникомъ упомянутаго выше Андрея Саковича.

Съ этой поры Смоленскъ, лишенный навсегда своего стараго княжескаго рода, снабженный сильнымъ Литовскимъ гарнизономъ и управляемый Литовскими намѣстниками и воеводами, служилъ еще въ теченіе 72 лѣтъ надежнымъ оплотомъ Литовско-Русскаго государства со стороны Москвы: Смоленская область присоединена была къ Московскому государству лишь при Сигизмундѣ Литовскомъ и Василіи Московскомъ, когда послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Смоленскъ былъ взятъ, наконецъ, московскою ратью въ іюлѣ 1514 г.

Изъ приведеннаго очерка ясно, что въ исторіи Смоленской земли въ теченіе XIV — XV вв. было три момента, когда необходимо было опредѣлить отношенія ея къ Литовскому государству, подтвердить мѣстные обычаи и права населенія и регламентировать отношенія послѣдняго къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ. Первымъ такимъ моментомъ было, конечно, присоединеніе этой земли къ государству Литовскому. Овладѣвъ Смоленскомъ и желая упрочить за собою свое пріобрѣтеніе, Витовтъ несомнѣнно уже въ 1395 году пожаловалъ Смоленской землѣ первую уставную грамоту, въ которой гарантировалъ личныя и имущественныя права населенія и подтвердилъ мѣстные обычаи и существующіе искони порядки. Затѣмъ, вновь овладѣвъ Смоленскомъ въ 1404 г., Витовтъ, по всей вѣроятности, не только подтвердилъ прежнюю уставную грамоту, но, руководимый свойственнымъ ему тактомъ, постарался привлечь къ себѣ населеніе еще новыми льготами. Въ пользу этого соображенія говоритъ между прочимъ также и слѣдующее мѣсто Никоновской лѣтописи, относящееся къ 1404 г.: „Въ Смоленцѣ (Витовтъ) свои Намѣстници посади, Ляхи, и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, отводя ихъ отъ Кн. Юрья“.

Такая же настоятельная надобность въ выдачѣ уставной грам. Смоленской землѣ или, по крайней мѣрѣ, въ подтвержденіи соотвѣтствующей грам. Витовта наступала еще дважды: при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ въ 1435 и при Казимірѣ въ 1442 г., когда возставшая и почти отложившаяся область Смоленская усмирялась и вновь присоединялась къ государству Литовскому, а намѣстникъ великокняжескій снова водворялся въ главномъ областномъ городѣ. Къ указаннымъ, приблизительно [1]), годамъ и слѣдуетъ поэтому пріурочить пожалованныя этой землѣ подтвердительныя грамоты Сигизмунда и Казиміра.

Обращаясь теперь къ тексту дошедшей до насъ Смоленской уставной грамоты (Ак. З. Р. I, № 213), пожалованной Александромъ въ 1505 году, мы можемъ безъ труда найти подтвержденіе всего сказаннаго нами выше, какъ въ прямомъ указаніи этого акта, что въ основаніе его положена грам. Казиміра, такъ равно и въ массѣ разсѣянныхъ въ немъ ссылокъ на то, что было и признавалось „за великого князя Витовта и за Жикгимонта и за отца нашого короля его милости (т. е. Казиміра)“ [2]). Съ помощью этого же акта можно, наконецъ, довольно точно опредѣлить, когда именно была пожалована Казиміромъ его подтверд. уст. гр. Смоленской землѣ. Подтверждая эту послѣднюю, указан. актъ 1505 г. такъ опредѣляетъ время выдачи Казиміровой грамоты: „клали передъ нами привилей маестатъ... отца нашого Казимера *короля* его милости, штожъ отецъ нашъ *будучи ещо великимъ княземъ*... далъ имъ“. Казиміръ же, какъ извѣстно, былъ выбранъ королемъ Польскимъ въ апрѣлѣ 1445 г.; такимъ образомъ, дошедшая до насъ грамота сама указываетъ, что предшествующая ей грамота Казиміра дана была не позже начала 1445 г.

4. *Жмудь или Жмудская земля*, населенная народомъ Литовскаго племени—Жмудинами, лежала на западъ отъ Полоцкой земли, занимая бассейнъ нижней части р. Нѣмана и правыхъ притоковъ ея—Дубиссы и Невяжы́. По смерти Гедимина, земля эта досталась въ удѣлъ сыну его Кейстуту, съ именемъ и судьбою котораго тѣсно связано историческое прошлое Жмуди: болѣе сорока лѣтъ она съ Кейстутомъ во главѣ вела упорную борьбу съ Тевтонскимъ орденомъ

---

[1]) См. примѣч. 2 на стр. 56.

[2]) См. Систематич. сводъ, ст. III—3, а.

и служила съ этой стороны надежнымъ оплотомъ всего Литовско-Русск. государства; послѣ же вѣроломнаго умерщвленія Кейстута Ягелломъ Жмудская земля сдѣлалась ареной ожесточенной междоусобной войны между Витовтомъ и его союзникомъ Орденомъ, съ одной стороны, и Ягелломъ, съ другой. Затѣмъ, уступленная Витовтомъ Ордену, земля эта испытала на себѣ миссіонерскіе пріемы Тевтонскихъ рыцарей, которые огнемъ и мечемъ пытались обратить Жмудиновъ на лоно христіанской церкви, неоднократно возставала противъ Ордена и неоднократно же была усмиряема, въ угоду послѣднему, самимъ же Витовтомъ. Только лишь послѣ тридцатилѣтняго чужеземнаго тяжелаго ига земля Жмудская, въ силу Торунскаго мирнаго договора (въ 1411 г.), возвратилась, наконецъ, во власть своего наслѣдственнаго и прирожденнаго князя Витовта Кейстутьевича.

Желая тѣснѣе сплотить Жмудь съ остальнымъ великимъ княжествомъ, Витовтъ и Ягелло тотчасъ послѣ Городельскаго сейма (1413 г.) отправились въ Жмудь и здѣсь приняли личное участіе въ крещеніи Жмудиновъ, даруя при этомъ населенію различныя льготы. Водворивъ въ этой области христіанство, оба государя въ началѣ декабря того же 1413 года выѣхали въ Вильну, а для управленія Жмудскою землею оставили особаго старосту по имени Кезгайла. Въ это же самое время, надо думать, была пожалована Витовтомъ Жмудской землѣ ея первая уставная грамота, о которой упоминаетъ дошедшая до насъ подтвердительная грамота 1492 г. (Ак. З. Р. I, № 103).

Преемникъ Витовта Сигизмундъ (Кейстутьевичъ), котораго особенно любила Жмудь, выдалъ ей, въ подтвержденіе грамоты Витовта, новую уставную грамоту, о которой также упоминаетъ дошедшая до насъ грамота 1492 года. Слѣдующая затѣмъ подтвердительная грамота (съ нѣкоторыми добавленіями) пожалована была Жмудской землѣ преемникомъ Сигизмунда и предшественникомъ Александра (давшаго грамоту 1492 г.)—Казиміромъ. Пожалована она была при особенныхъ отчасти обстоятельствахъ.

Вслѣдъ за умерщвленіемъ Сигизмунда и провозглашеніемъ вел. княземъ Казиміра, въ Жмуди, недовольной между прочимъ своимъ старостой Кезгайломъ и его намѣстниками, вспыхнуло возстаніе [1]). Воз-

---

[1]) О возстаніи въ Жмуди, причинахъ его и, наконецъ, объ успокоеніи этой области очень подробно сообщаетъ лѣтопись Быховца (стр. 52—53).

станіе это было прекращено одними лишь переговорами, которые велъ умный и опытный вельможа литовскій Іоаннъ Гаштольдъ. Онъ убѣдилъ также Казиміра смѣнить Кезгайла новымъ старостой Контовтомъ, котораго выбрали сами же Жмудины. Спокойствіе и примиреніе было затѣмъ упрочено взаимными присягами и обѣщаніями, скрѣпленными, въ свою очередь, пожалованіемъ новой уставной грамоты. Объ этомъ обстоятельствѣ въ лѣтописи мы находимъ слѣдующее: „и Жомоить призволила служити князю великому Казиміру, и вси едномысленно пріѣхали до Ковна ко великому князю Казиміру и вдарили чоломъ служити ему вѣрнѣ и присягу свою ему на томъ дали, и князь великій Казиміръ ихъ принялъ и имъ присягу далъ заховати ихъ въ ласцѣ своей зо всими ихъ имѣніи...“ [1]).

Время выдачи Казиміровой грамоты (въ которую, между прочимъ, включены были слѣдующіе важные пункты: a) о добровольномъ присоединеніи Жмуди къ государству Литовскому и b) о правѣ Жмудиновъ выбрать себѣ старосту) [2]) можно пріурочить ко второй половинѣ 1440 года [3]). По смерти Казиміра въ 1492 г. и вступленіи на великокняжескій престолъ Александра, грамота Казиміра въ томъ же 1492 г. была подтверждена Александромъ. Эта послѣдняя (по счету четвертая) и дошла до насъ.

5. *Кіевская земля.* Историческія судьбы Кіевской земли въ теченіе бо́льшей половины XIV в., бѣднаго вообще достовѣрными лѣтописными сказаніями, покрыты и доселѣ неразсѣяннымъ мракомъ. Дошедшій до насъ лѣтописный разсказъ о завоеваніи Кіева и Волыни Гедиминомъ и о битвѣ на р. Ирпени (въ 1320—1321 гг.) вызвалъ въ ученой литературѣ множество разнообразныхъ, часто совершенно противорѣчивыхъ мнѣній и толкованій, хотя большинство изслѣдователей въ общемъ или въ частностяхъ, въ бо́льшей или меньшей степени все-таки признаетъ его достовѣрнымъ и содержащимъ въ себѣ

---

[1]) Лѣт. Быx., 53.

[2]) См. Ак. З. Р. I, № 103, пп. 1 и 9; см. также Систематич. сводъ, ст. VII и XI (4, a).

[3]) 3 іюля 1440 г. въ Виленскомъ кафедр. соборѣ Казиміръ торжественно былъ провозглашенъ великимъ княземъ Литовскимъ; первыя же заботы юнаго велик. князя, какъ извѣстно, были направлены на успокоеніе ближайшихъ къ столицѣ областей—земли Берестейской и Жмудской.

нѣкоторую долю исторической истины [1]). Впрочемъ, не опираясь даже исключительно на этотъ многими заподозрѣнный, но такъ или иначе все-таки заключающій въ себѣ дѣйствительные историч. факты лѣтописный разсказъ, мы и на основаніи другихъ данныхъ можемъ съ большою вѣроятностью предполагать, что Кіевская земля уже при Гедиминѣ находилась въ большей или меньшей фактической зависимости отъ Литвы [2]).

Гораздо болѣе мы знаемъ о судьбахъ Кіевской области во 2-ой половинѣ XIV в., ибо относительно этого періода дошли до насъ вполнѣ достовѣрныя и достаточно подробныя лѣтописныя извѣстія. Рядъ этихъ извѣстій открывается разсказомъ о битвѣ при Синихъ Водахъ, которую изслѣдователи относятъ къ 60-мъ годамъ XIV в., обыкновенно же къ 1362 году. Разбивъ при Синихъ Водахъ татар-

---

[1]) Основной разсказъ о походахъ Гедимина въ южно-русскія области и о его завоеваніяхъ тамъ находится въ такъ называемой Лѣтописи Быховца (въ издан. Нарбутта: „Pomn. do dziejów litew.“ W., 1846; str. 15—16).

Съ мнѣніями объ этомъ разсказѣ и съ различн. толкованіями его можно познакомиться между прочимъ въ слѣдующихъ трудахъ: В. Б. Антоновича „Монографіи“, стр. 47—58; Андріяшева „Очеркъ ист. Волынск. земли“, стр. 200, пр. 4; К. Бестужева-Рюмина „Русск. Ист.“, т. II, вып. 2; М. Ф. Владимірскаго-Буданова „Населеніе Юго-Зап. Россіи“, 1886 г. стр. 32, 38—39; Д. Иловайскаго „Ист. Рос.“, т. II, стр. 58 и пр. 16 на стр. 539; К. Стадницкаго „Synowie Giedymina“, t. II, str. 20, и мн. др.

[2]) Данныя эти заключаются въ лѣтописномъ разсказѣ, хотя менѣе громкомъ, нежели разсказъ о походахъ Гедимина на Волынь и Кіевъ, но несомнѣнно уже достовѣрномъ. Подъ 1331 годомъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напр., въ Воскресенской, стр. 203 и Софійской 1-ой, стр. 219) записанъ слѣдующій случай: новопоставленный, но неугодный Гедимину Новгородскій владыка Василій возвращается на родину изъ Владиміра-Волынскаго и, желая ускользнуть отъ посланнаго за нимъ литовск. отряда, ѣдетъ окольнымъ путемъ, черезъ Кіевъ, но подъ Черниговомъ нагоняетъ его Кіевскій князь Ѳедоръ съ отрядомъ въ 50 чел. и беретъ съ него выкупъ; въ это же почти время Арсеній, посланный Псковомъ и Гедиминомъ для посвященія въ санъ епископа Псковскаго, возвращается тою же дорогою, что и епископъ Василій, но совершаетъ свой путь вполнѣ спокойно и безпрепятственно. Ясно, что въ томъ и другомъ случаѣ Кіевскій кн. Ѳедоръ руководствуется инструкціями Гедимина и, дѣлая въ обоихъ случаяхъ угодное этому послѣднему, поступаетъ какъ князь-подручникъ.

—Съ тѣмъ, что Кіевъ уже при Гедиминѣ находился въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы, согласенъ и Д. Иловайскій (op. cit., стр. 58 и 73). Польскій историкъ М. Бобржинскій также предполагаетъ, что Кіевъ въ періодъ 1319-1333 гг. подпалъ подъ власть Гедимина (Dzieje Polski, t. 1, 1887 r., str. 241 и 271). Н. Дашкевичъ, отрицая завоеваніе Кіевской земли Гедиминомъ именно въ 1320—21 гг., не отрицаетъ его вообще, допуская, что оно легко могло совершиться при Гедиминѣ же, но послѣ 1332 г. („Замѣтки по ист. Лит.-Рус. госуд.“ К. 1885 г., 64).

скихъ темниковъ и освободивъ отъ Татаръ Подолье и Кіевщину, Ольгердъ прогналъ кн. Ѳедора, правившаго Кіевомъ съ 1331 года, и отдалъ Кіевскій удѣлъ одному изъ своихъ сыновей, Владиміру. Этотъ первый удѣльный Кіевскій князь изъ Гедиминова дома княжилъ до 1392 г.; въ этомъ же году, принужденный къ тому Витовтомъ, Владиміръ долженъ былъ отказаться отъ своего удѣла въ пользу Скиргелла и удовольствоваться ничтожнымъ и бѣднымъ Копыльскимъ удѣломъ.

По смерти Скиргелла, скончавшагося въ 1396 году, Витовтъ— скажемъ словами лѣтописца,—„послалъ князя Ивана Ольгимунтовича ко Кіеву и далъ ему держати Кіевъ“ [1]). Для насъ не лишнимъ будетъ опредѣлить, какую роль игралъ въ Кіевѣ Іоаннъ Ольгимунтовичъ,—былъ ли онъ посланъ туда въ качествѣ удѣльнаго князя, или только—намѣстника. Лѣтописи обыкновенно называютъ его Кіевскимъ княземъ [2]). Трудно однако допустить, чтобы Витовтъ, такъ ревностно стремившійся къ единовластію въ Литовской Руси, не воспользовался смертью Скиргелла и не поспѣшилъ положить предѣла тому обособленному положенію, какое занимала Кіевская земля при Владимірѣ и Скиргеллѣ Ольгердовичахъ. Съ другой стороны, если бы Витовтъ хотѣлъ сохранить удѣльный характеръ Кіевской области, то послалъ бы туда одного изъ Гедиминовичей, а не Іоанна Ольгимунтовича, который хотя и носилъ княжескій титулъ (князя Гольшанскаго) [3]), но въ сущности былъ только лишь довѣреннымъ и приближеннымъ къ Витовту литовскимъ сановникомъ, а не отприскомъ великокняжескаго дома. Наконецъ, самый фактъ существованія во времена Витовта уставной Кіевской грамоты, на которую постоянно ссылается позднѣйшая, дошедшая до насъ таковая же грамота 1507 г., показываетъ, что Іоаннъ Ольгимунтовичъ (или Борисовичъ) князь Гольшанскій былъ назначенъ въ Кіевъ не въ качествѣ удѣльнаго, хотя бы и под-

---

[1]) Лѣт. Быховца, стр. 34; лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 48.

[2]) См., напр., лѣт. Густинск., стр. 352: „По семъ (т. е. по смерти Скиргелла) Витолтъ посади на Кіевскомъ княженіи Іоана Олгимундовича или Борисовича“.

[3]) Князья Гольшанскіе или Ольшанскіе получили свое родовое имя отъ Ольшанъ Ошмянскаго повѣта (нынѣ мѣстечко Виленской губ., Ошмянскаго уѣзда). Въ этихъ самыхъ Ольшанахъ знатнѣйшіе литовскіе вельможи, собравшіеся (въ 1440 г.) у кн. Юрія Симеоновича (внука Іоанна Ольгимунтовича), рѣшили пригласить на великокняжескій столъ Казиміра Ягелловича.

ручнаго Кіевскаго князя, а въ качествѣ намѣстника, хотя, быть можетъ, и съ бо́льшими полномочіями, нежели тѣ, какими обыкновенно обладали намѣстники другихъ областей. Если же это такъ, если наши соображенія относительно Іоанна Ольгимунтовича вѣрны, то въ такомъ случаѣ Витовтъ въ одно и то же время достигалъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, не только уничтожалъ самый крупный въ своемъ государствѣ удѣлъ, но и вручалъ свои интересы въ Кіевской области въ руки надежнаго лица, готоваго всегда и во всемъ дѣйствовать по указаніямъ своего государя; во-вторыхъ, посылая въ Кіевъ намѣстникомъ лицо съ княжескимъ титуломъ и одновременно съ этимъ гарантируя въ своей грамотѣ важнѣйшія права Кіевской области, какъ отдѣльной территоріальной единицы [1]), Витовтъ этимъ самымъ примирялъ Кіевлянъ съ новымъ порядкомъ, т. е. съ замѣной удѣльныхъ князей намѣстниками.

Какъ долго продолжалось правленіе этого князя-намѣстника, сказать трудно; можно однако, вопреки существующему мнѣнію, утверждать, что Іоаннъ Ольгимунтовичъ не погибъ въ 1399 г. въ битвѣ на Ворсклѣ, но продолжалъ, по всей вѣроятности, править Кіевомъ еще въ 1401 году [2]).

---

[1]) Таковы, напр., слѣд. постановленія Кіевск. устав. гр., происхожденіе которыхъ слѣдуетъ отнести еще ко временамъ Витовта: a) „А Кіянина, какъ и Литвина, во чти держати и во всѣхъ врадѣхъ ни въ чомъ не понизити“; b) „А волости Кіевскіе Кіяномъ держати, а иному никому“ и мн. др. См. Ак. З. Р. II, стр. 34, стб. 2.

[2]) Начиная съ Карамзина и до послѣдняго времени, наши историки относятъ смерть Іоанна Ольгимунтовича (Борисовича) Гольшанскаго къ 1399 г., основываясь на лѣтописяхъ Быховца, Густинской и Новгородской 4-ой, которыя въ числѣ убитыхъ на Ворсклѣ князей (Новгородск. 1-ая лѣт. опредѣляетъ число убитыхъ здѣсь князей невѣроятной цифрой 74) называютъ и Іоанна Борисовича. Между тѣмъ, существуютъ неопровержимыя данныя, указывающія, что названный князь былъ живъ еще въ 1401 г. Такъ, въ „Актахъ, относящ. къ ист. Зап. Россіи“ (т. I, № 18) напечатана присяжная грамота Гольшанскаго князя Іоанна Ольгимунтовича Польскому королю Владиславу-Ягеллу *отъ 5 февр. 1401 г.* (грамота эта датирована такъ: „Въ городѣ у Меречи, въ суботу мясопустную, подъ лѣты нароженія Сына Божьего тисячя лѣтъ и чотыриста лѣтъ, первого лѣта“), въ которой кн. Гольшанскій даетъ слѣд. обѣщаніе: „чего Богъ не дай, што ся пригодить нашему господарю, вел. кн. Витовту, по его животѣ, не имамъ искати иныхъ господаревъ, мимо нашего господаря, вел. короля Владислава....“. Кромѣ того, *на актѣ уніи* Литвы съ Польшею *1401* г. во главѣ высшихъ чиновъ литовскихъ обозначенъ: „dux *Juanus Olgimunti* cum filiis suis, videlicet Andrea et Semcone (въ польск. перев.: iz Sienkiem) et ceteris“ (Zbiór praw lit., str. 3).

О дальнѣйшихъ судьбахъ Кіевской земли вплоть до смерти Витовта, т. е. до 1430 г., мы ничего не знаемъ, такъ какъ источники не даютъ намъ на этотъ счетъ почти никакихъ свѣдѣній [1]). По смерти же Витовта, Кіевская область вмѣстѣ съ прочими русскими областями, ставшими на сторону Свидригелла въ борьбѣ этого послѣдняго съ Ягелломъ, а потомъ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ, переживала смутную и тяжелую годину, но до самой почти смерти Сигизмунда оставалась вѣрною своему князю Свидригеллу, представителемъ котораго въ Кіевѣ былъ воевода Юрша. Лишь въ 1440 г, со вступленіемъ на великокняжескій престолъ Казиміра, Кіевская земля вмѣстѣ съ давно желаннымъ спокойствіемъ пріобрѣла и то, чего лишилась еще при Витовтѣ, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: Кіевскій удѣлъ былъ возстановленъ и возвращенъ въ родъ прежняго Кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича въ лицѣ сына его Александра или Олелька. Этотъ послѣдній († 1455 г.), а затѣмъ сынъ и преемникъ его Симеонъ († 1471 г.) спокойно прокняжили въ Кіевѣ болѣе 30 лѣтъ, оказавъ при этомъ много услугъ русской народности и православной церкви, а въ частности, Кіеву и Кіевской землѣ. Со смертью Симеона суждено было, однако, прекратиться тому самостоятельному, почти исключительному въ тѣ времена положенію Кіева, какое занималъ онъ при сынѣ и внукѣ Владиміра Ольгердовича. Уже по смерти Олелька, когда оба его сына Симеонъ и Михаилъ пожелали подѣлиться между собою удѣломъ своего отца, Казиміръ не призналъ Кіевской земли вотчиною и дѣдиною Олельковичей и не допустилъ

---

[1]) Существуетъ мнѣніе (см., напр., въ Трудахъ Кіевск. Духов. Академіи изслѣдованіе И. И. Малышевскаго: „Яцекъ Одровонжъ"; № 6, стр. 462), что, по смерти Ивана Ольгимунтовича, правилъ Кіевомъ сынъ его Андрей Ивановичъ. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: послѣ смерти Ивана Ольгимунтовича или нѣсколько позже, Витовтъ могъ назначить кіевскимъ намѣстникомъ его сына Андрея. Къ сожалѣнію, однако, восточно-русскія лѣтописи, а также лѣтописи—Густинская, Быховца и издан. Даниловичемъ не сохранили извѣстій о такомъ преемствѣ; Стрыйковскій же, на хронику котораго (Kronica, 1846 г., ч. 2, стр. 160) опирается, главнымъ образомъ, приведенное выше мнѣніе, въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ никакого довѣрія, что, по нашему мнѣнію, вполнѣ доказано К. Стадницкимъ въ его трудѣ „Bracia Wład.-Jagełły" (str. 144, n. 40). Кромѣ того, достойно замѣчанія и то, что составитель Густинской лѣт., усердно, какъ извѣстно, пользовавшійся хроникой Стрыйковскаго, не счелъ однако возможнымъ упомянуть, подобно этой послѣдней, въ числѣ кіевскихъ князей или намѣстниковъ также и Андрея Ивановича Гольшанскаго.

этого раздѣла, но предоставилъ эту область на правахъ пожизненнаго лена старшему изъ нихъ, Симеону, мотивируя свое рѣшеніе слѣдующими словами: „дѣдъ вашъ, князь Владиміръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ“ [1]). Когда же скончался (въ 1471 г.) Симеонъ, Казиміръ, окончательно рѣшившій покончить существованіе особаго Кіевскаго удѣла, сурово отвергъ просьбы Кіевлянъ о назначеніи къ нимъ княземъ одного изъ Олельковичей и отправилъ въ Кіевъ своимъ воеводою неправославнаго литовскаго вельможу Мартына Гаштольда. Этотъ послѣдній, не принятый Кіевлянами, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ“ [2]), долженъ былъ утвердиться на мѣстѣ своего назначенія съ помощью оружія [3]). Такъ окончилась самостоятельность послѣдняго и самаго крупнаго удѣльнаго княжества, входившаго въ составъ Литовско-Русскаго государства [4]), „и отселѣ на Кіевѣ князи пересташа быти, а вмѣсто князей воеводы насташа“ [5]).

Изъ вышеприведеннаго краткаго историческаго очерка видно, что въ теченіе XIV—XV вв. Кіевскій удѣлъ упразднялся дважды: въ первый разъ при Витовтѣ въ 1396, а во второй и послѣдній—при Казимірѣ въ 1471 г. Къ этимъ-то, приблизительно, годамъ, когда взамѣнъ прежнихъ удѣльныхъ князей являлись въ Кіевъ великокняжескіе намѣстники или воеводы, и слѣдуетъ отнести пожалованіе Кіевской землѣ ея основныхъ или начальныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ, а именно грамоты Витовта, данной, по всей вѣроятности, при назначеніи въ Кіевъ намѣстникомъ Іоанна Гольшанскаго, и грамоты Казиміра, пожалованной землѣ Кіевской вскорѣ послѣ отправленія туда воеводою Мартына Гаштольда. Самый же фактъ существованія обѣихъ

---

[1]) Лѣт. Быx., 61.

[2]) Густинская лѣт. (подъ 1471 г.), стр. 358.

[3]) Это обстоятельство показываетъ, что Витовтъ поступилъ гораздо дальновиднѣе Казиміра, посылая въ Кіевъ своимъ намѣстникомъ лицо съ княжескимъ титуломъ (Іоанна Ольгимунтовича) и при томъ, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, православнаго исповѣданія.

[4]) Въ XV в., при Олельковичахъ Кіевское княжество занимало слѣдующее обширное пространство: „оно простиралось съ сѣвера отъ Мозыря за Припетью на югъ до Чернаго моря, и съ запада отъ басейна Днѣстра на востокъ до Донца. Въ предѣлы кіевскаго княжества включалось не только будущее кіевское воеводство, но и браславское и часть подольскаго, а также все Заднѣпровье отъ Любеча до Засулья“ (М. Ф. В.-Будановъ: „Населеніе Юго-Западной Россіи“, К. 1886 г., стр. 57).

[5]) Густинская лѣт., стр. 358.

названныхъ грамотъ, сверхъ всѣхъ прочихъ соображеній, подтверждается также текстомъ древнѣйшей изъ дошедшихъ до насъ уставн. грамотъ Кіевской земли, пожалованной въ 1507 г. Въ грамотѣ этой встрѣчаются постоянныя ссылки на обычаи, права и порядки, существовавшіе еще при Витовтѣ и санкціонированные этимъ послѣднимъ въ его уставной грамотѣ, послужившей впослѣдствіи образцомъ для таковой же грамоты Казиміра [1]); что же касается этой послѣдней, то упомянутая уставн. гр. 1507 г. уже прямо указываетъ, что она представляетъ собою лишь копію грамотъ Казиміра и сына его Александра [2]). Такимъ образомъ, дошедшая до насъ Кіевская уставн. земск. грамота дана была Казиміромъ около 1471 г., на основаніи грамоты Витовта, затѣмъ подтверждена Александромъ и, наконецъ, преемникомъ его Сигизмундомъ въ 1507 г.

Эта послѣдняя подтвердит. грамота (вмѣстѣ съ болѣе поздней—1529 г.) и дошла до насъ въ оффиціальномъ спискѣ, занесенномъ въ Литовскую Метрику.

6. *Волынская земля*, граничившая на востокѣ съ Кіевскою землею, а на западѣ и юго-западѣ съ Польшей и Галиціей, подраздѣлялась на удѣлы—Владимірскій, Луцкій, Бельзскій, Холмскій, Берестейскій и нѣкоторые другіе, болѣе мелкіе [3]). Но съ конца XIV в. подъ Волынью разумѣются собственно лишь слѣд. три области, постепенно вошедшія въ составъ Литовскаго государства: Берестейская, Луцкая и Владимірская. Присоединеніе къ Литвѣ первой волынской области относится еще къ началу XIV в., т. е. ко времени похода Гедимина на Волынь, о которомъ мы упоминали выше, въ началѣ очерка Кіевской земли. Неоспоримымъ результатомъ этого похода было присоединеніе къ Литвѣ сѣверной части Волыни—области Берестей-

---

[1]) Ак. З. Р. т. II, № 30, столбцы 2, 3, 4, 5 и 6.

Что всѣ важнѣйшіе права, обычаи и порядки, существовавшіе въ Кіевской землѣ, получили санкцію еще при Витовтѣ, въ его уставной грамотѣ, и что Казиміръ при пожалованіи своей грамоты руководился недошедшей до насъ гр. Витовта,—все это лучше всего видно изъ слѣд. заключительныхъ строкъ подтвердительной грамоты 1507 г., какъ бы резюмирующихъ все содержаніе ея: „бо мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, *хочемъ все потому мѣти, какъ будетъ было за великого князя Витовта*“.

[2]) Ак. З. Р., II, № 30, стб. 1; Систем. сводъ ст. III—5[1].

[3]) Каждый изъ этихъ удѣловъ назывался обыкновенно „землею“: земля Владимірская, земля Луцкая, земля Бельзская и т. д.—Перечень всѣхъ удѣловъ, расположенныхъ на территоріи Волыни, см. у г. Андріяшева: „Очеркъ исторіи Волынской земли“, стр. 50.

ской (около 1316 г.) [1]). Когда же въ 1324 г. умеръ Луцкій князь Левъ Юрьевичъ [2]), то его удѣлъ, занимавшій восточную половину Волыни, достался одному изъ сыновей Гедимина, мужу единственной дочери и наслѣдницы Льва, Любарту Гедиминовичу; этому послѣднему нѣсколько позже (около 1340 г.) удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ также и Владимірскую область. Въ составѣ названныхъ трехъ обширныхъ областей Волынь послѣ многолѣтнихъ войнъ Литовцевъ съ Поляками за обладаніе Галицко-Волынскимъ наслѣдствомъ была окончательно укрѣплена за Литвою договоромъ 1377 года [3]).

Присоединенная къ Литвѣ, Волынь не составляла вначалѣ одного удѣла, но находилась подъ властью двухъ сыновей Гедимина: Берестейскою областью владѣлъ Кейстутъ, Луцкою же и Владимірскою—Любартъ. По смерти же Любарта Гедиминовича († въ 1385 или въ нач. 1386 г.), Луцкъ и Владиміръ перешли къ сыну его Ѳедору; впрочемъ, не надолго. Вскорѣ послѣ этого Витовту, при содѣйствіи Ягелла, удалось объединить подъ своею властью всю Волынь: къ его удѣлу (куда входила и земля Берестейская) была присоединена сперва (въ 1388 г.) Луцкая земля, а потомъ (въ 1390 г.) и Владимірская [4]). Съ этихъ поръ Луцкъ, бывшій столицею Волыни уже при Любартѣ, сталъ любимой резиденціей Витовта, который, будучи даже великимъ княземъ, предпочиталъ жить въ Луцкѣ, нежели въ стольномъ городѣ всего Литовскаго государства—Вильнѣ.

По смерти Витовта, Волынская земля вмѣстѣ съ великокняжеской короной перешла къ Свидригеллу. Изгнанный вскорѣ изъ Вильны своимъ соперникомъ Сигизмундомъ, разбитый на голову въ битвѣ при Вилькомірѣ, Свидригелло успѣлъ, однакожъ, сохранить за собою до 1438 г. включительно вмѣстѣ съ Кіевскою землею также и Волынскую. Со вступленіемъ же на великокняжескій столъ Казиміра, престарѣлый Свидригелло поспѣшилъ признать верховныя права своего племянника и получилъ отъ него въ пожизненное владѣніе Волын-

---

[1]) Ibid., стр. 201; Д. Иловайскій op. cit., II, 77.

[2]) Левъ Юрьевичъ былъ правнукомъ Даніила Романовича.

[3]) По этому договору Польшѣ достались вмѣстѣ съ Галиціей также земли Холмская и Бельзская.

[4]) Ѳедоръ Любартовичъ взамѣнъ отнятыхъ у него земель Луцкой и Владимірской получилъ въ удѣлъ часть Сѣверской земли. Андріяшевъ: „Очеркъ исторіи Волынской земли“, стр. 230.

скую землю [1]). Этотъ послѣдній Волынскій князь скончался въ Луцкѣ въ началѣ 1452 г., не оставивъ послѣ себя потомства [2]).

Съ помощью вышеприведеннаго краткаго историческаго очерка разрѣшается вопросъ о времени пожалованія первой уставн. грамоты Волынской землѣ. Очевидно, что ни при Витовтѣ, вновь сплотившемъ въ одно цѣлое различныя волынскія области, ни при Свидригеллѣ, въ теченіе его двухлѣтняго княженія въ Вильнѣ, не было надобности въ пожалованіи таковой грамоты, такъ какъ, сидя на великокняжескомъ столѣ, они считались въ то же время и удѣльными князьями Волынскими, а, проживая весьма часто въ Луцкѣ, принимали, по всей вѣроятности, личное участіе въ управленіи этою областью. Естественнѣе всего, такимъ образомъ, отнести время происхожденія этой грамоты къ эпохѣ Казиміра Ягелловича, приблизительно къ 1452 г., когда, со смертью Свидригелла, Волынская земля навсегда утратила свой удѣльный характеръ и обратилась въ провинцію государства, управляемую великокняжескими чиновниками. Правильность такого заключенія подтверждается также текстомъ обѣихъ дошедшихъ до насъ уставн. грамотъ, пожалованныхъ Волынской землѣ сыновьями Казиміра—Александромъ въ 1501 г. и Сигизмундомъ въ 1509 гг.: обѣ онѣ единогласно ссылаются на грамоту Казиміра, какъ на гр. основную, первоначальную [3]).

Такое позднее происхожденіе первоначальной уставной грамоты Волынской земли оказало, какъ мы это увидимъ ниже, сильное вліяніе и на самое содержаніе упомянутой грамоты или, точнѣе выражаясь, —на содержаніе дошедшихъ до насъ подтвердительныхъ грамотъ.

7. *Бѣльскій повѣтъ.* Южную часть древней Ятважской земли занимала область Берестейская или Подляхія съ городами Берестьемъ, Дрогичиномъ, Мельникомъ и *Бѣльскомъ.* Область эта, принадлежавшая до того кіевскимъ князьямъ, въ половинѣ XII в. перешла въ руки волынскихъ князей и подверглась усиленной русской колонизаціи. Съ начала же XIV в. (какъ предполагаютъ, съ 1316 г.) область эта уже входитъ въ составъ Литовскаго государства и, по смерти Гедимина, составляетъ вмѣстѣ со Жмудью удѣлъ Кейстута. Послѣ смерти Кей-

---

[1]) Лѣт. Бых., 56: „Князь Казиміръ далъ ему до живота Луцко со всею землею Волынскою“.

[2]) K. Stadnicki: „Bracia Wład.-Jagiełły“, str. 365.

[3]) См. Ак. З. Р. II, № 54, стр. 64.

стута Берестейскою областью (окончательно утвержденною за Литвою договоромъ 1377 г.) владѣли въ качествѣ удѣла Витовтъ, Сигизмундъ и сынъ этого послѣдняго, Михаилъ. Когда же Михаилъ Сигизмундовичъ, не оставлявшій своихъ притязаній на великокняжескій столъ, принужденъ былъ бѣжать въ Москву, Берестейскій удѣлъ былъ присоединенъ къ великому княженію. Произошло это въ началѣ княженія Казиміра, приблизительно около 1445 года.

Находясь въ сосѣдствѣ съ Польшею, Подляхія уже съ конца XIV в. (нѣкоторое время она была подъ властью Мазовецкаго князя) стала предметомъ польскихъ притязаній. Притязанія эти усилились еще болѣе при Казимірѣ, который, уступая давленію польскихъ пановъ, далъ обѣщаніе присоединить къ коронѣ Польской вмѣстѣ съ Волынью и Подляхію. Хотя это обѣщаніе, какъ и многія др. подобныя же обѣщанія Казиміра, не было исполнено, и хотя эта область была присоединена къ Польшѣ лишь послѣ Люблинской уніи, однако фактически это совершилось гораздо раньше, такъ какъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ видно, что къ началу XVI в. населеніе Подляхіи состояло наполовину изъ Поляковъ, а мѣстное обычное право было почти совершенно вытѣснено дѣйствующимъ польскимъ правомъ. Такой полонизаціи подвергся раньше другихъ повѣтъ Дрогичинскій, получившій, по свидѣтельству дошедшей до насъ Бѣльской устав. грамоты, еще при Казимірѣ, т. е. во второй половинѣ XV в., привилегію на польское земское право [1]).

Что касается Бѣльск. повѣта, то тамъ, судя по содержанію устав. гр. 1501 г. (Ак. З. Р. I, № 189), многіе древніе мѣстные обычаи и особенности продолжали сохранять прежнюю свою силу и значеніе еще въ нач. XVI в. Быть можетъ, этимъ послѣднимъ Бѣльскій повѣтъ обязанъ своему географическому положенію: онъ занималъ восточную часть Подляхіи и былъ, такимъ образомъ, болѣе удаленъ отъ Польши, чѣмъ повѣтъ Дрогичинскій, примыкавшій къ самой польской границѣ.

Уставная грамота Бѣльскому повѣту пожалована была вел. кн. Александромъ въ 1501 г. Эта первоначальная, какъ можно заключить изъ самаго ея текста, грамота и дошла до насъ въ двухъ современныхъ спискахъ (латинскомъ и русскомъ), внесенныхъ въ Литовскую Метрику.

---

[1]) Привилегія эта была подтверждена Александромъ и Сигизмундомъ; о привилегіи, пожалованной Дрогичин. пов. Сигизмундомъ, см. выше стр. 44.

III.

Система, содержаніе и изданія извѣстныхъ намъ уставныхъ земскихъ грамотъ.

Мы видѣли, что собирая въ одно цѣлое обособленныя, самостоятельныя прежде территоріальныя единицы, такъ называемыя *земли*, жившія до того въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ самобытно, связывая эти составныя части государства единою верховною властью, великіе князья Литовскіе ограничивались посылкой въ присоединенныя области своихъ воеводъ или намѣстниковъ, служившихъ связующимъ звеномъ между государствомъ и областью, а населенію этихъ областей выдавали уставныя грамоты, въ которыхъ санкціонировали земскія права, мѣстные обычаи и порядки. Выданныя отдѣльнымъ землямъ при ихъ первоначальномъ присоединеніи, т. е. преимущественно въ концѣ XIV в., уставныя земскія грамоты получали съ момента своей выдачи не только значеніе актовъ, опредѣлявшихъ отношенія отдѣльныхъ земель къ государству, но также силу и значеніе мѣстныхъ законовъ, регулировавшихъ по возможности всѣ стороны внутренней общественной жизни той или иной области; благодаря же послѣдующимъ подтвержденіямъ, обусловленнымъ между прочимъ отсутствіемъ общезаконодательнаго кодекса, грамоты эти сохраняли указанное значеніе въ теченіе всего до-статутоваго періода, т. е. до тѣхъ поръ, пока не явился въ 1529 г. единый для всего государства кодексъ—Литовскій Статутъ [1]). Такимъ образомъ каждая изъ земель, входившихъ въ

---

[1]) Значеніе устав. земскихъ грамотъ, какъ мѣстныхъ законовъ, и невозможность обойтись безъ нихъ, пока не былъ еще изданъ общій для всего государства кодексъ, хорошо сознавали и сами вел. кн. Литовскіе. Такъ, одинъ изъ нихъ (в. кн. Александръ), под-

составъ вел. кн. Литовскаго, съ конца XIV до первой четверти XVI в. включительно, т. е. въ теченіе почти полутора столѣтія, управлялась исключительно на основаніи своихъ же мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, установившихся съ незапамятныхъ временъ и нерѣдко различныхъ для каждой земли въ отдѣльности [1]). Неудивительно поэтому, что позднѣйшія, дошедшія до насъ устав. земскія грамоты сохранили во всей цѣлости нормы обычнаго права, какъ онѣ сложились къ концу XIV в., черты древне-русскаго устройства земли, ея порядки и особенности. Такъ, напр., изъ нашихъ грамотъ мы видимъ, что земля еще въ нач. XVI в. попрежнему представляетъ собою союзъ волостей, во главѣ котораго стоитъ центральный городъ, попрежнему подъ именемъ „Витеблянъ", „Полочанъ", „Смолнянъ" и пр. разумѣются не только жители центральнаго города, но также населеніе всѣхъ пригородовъ и волостей, попрежнему всѣ земскіе классы, все свободное населеніе отъ владыки до черныхъ людей включительно является юридическимъ лицомъ—Землею, имѣющею свои общія права, свои обычаи, свои порядки.

Вотъ почему содержаніе нашихъ грамотъ представляетъ двойной и при томъ весьма глубокій интересъ. Каждая изъ этихъ грамотъ, взятая въ отдѣльности, бросаетъ лучъ свѣта на внутреннюю общественную жизнь данной земли въ древнѣйшій, земскій періодъ Русскаго государства, объясняетъ ея положеніе въ составѣ вел. кн. Литовскаго въ теченіе XIV—XVI вв. и показываетъ, наконецъ, особенности обычнаго права каждой земли; взятыя же вмѣстѣ, такъ сказать, сличенныя, устав. земскія грамоты восполняютъ многіе пробѣлы въ исторіи русскаго права въ періодъ XIV—XV вв., даютъ возможность, отбросивъ все мѣстное и частное, подмѣтить тѣ общія правовыя начала, тѣ юридическія нормы, которыя въ формѣ общепризнанныхъ обычаевъ имѣли силу и примѣненіе на пространствѣ всего Западно-Русскаго

тверждая въ 1501 г. Волынской землѣ ея уставную грамоту, прибавляетъ въ подтвердит. гр. слѣд. пунктъ: „а то имъ маемъ всѣ держати тые члонки, што въ семъ нашомъ листѣ верху стоять выписаныи, до тыхъ часовъ, покій права Статуты въсей земли отчизнѣ нашой великому князству Литовскому вставимъ; а коли права Статуты у въ отчизнѣ нашой уставимъ, тогды вси земли наши одного ся права держати мають и однымъ правамъ сужоны будуть подлѣ Статуту". (Ак. Юж. и Зап. Рос., т. I, № 36).—Впрочемъ, и послѣ изданія Статута устав. грамоты не утратили вполнѣ своего прежняго значенія.

[1]) Фактъ существованія Судебника 1468 г., если даже допустить, что онъ примѣнялся на пространствѣ всего вел. кн. Литовскаго, не противорѣчитъ только-что сказанному,—достаточно припомнить скудость и односторонность его содержанія.

государства, еще въ до-статутовый періодъ его существованія, и представляютъ, такимъ образомъ, довольно полную картину юридической жизни этого государства въ указанный періодъ.

Цѣль настоящей главы представить, главнымъ образомъ, краткій обзоръ и характеристику содержанія каждой изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ земск. грамотъ, какъ отдѣльнаго законодательнаго памятника, и показать при этомъ главнѣйшія особенности, отличія ея отъ другихъ такихъ же грамотъ. Предварительно, однако, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о содержаніи, формѣ постановленій и системѣ уставныхъ земскихъ грамотъ.

Знакомясь съ содержаніемъ уставныхъ земск. грамотъ Литовско-Русскаго государства, служившихъ мѣстными законами для такихъ крупныхъ территоріальныхъ единицъ, какими были отдѣльныя земли, съ перваго взгляда можно придти въ недоумѣніе, замѣтивъ въ указанныхъ грамотахъ полное отсутствіе нормъ, регламентирующихъ нѣкоторыя повседневныя отношенія въ сферѣ частнаго права. Такъ, напр., ни въ одной изъ нашихъ грамотъ мы не найдемъ нормъ, относящихся къ праву обязательственному: мѣнѣ, куплѣ-продажѣ, займу, поклажѣ, найму и пр. Послѣднее особенно бросается въ глаза при чтеніи устав. грамотъ, пожалованныхъ землямъ, во главѣ которыхъ стояли такіе торговые города, какъ Полоцкъ и Витебскъ. Было бы, однако, ошибочно полагать, что устав. грамота отражаетъ въ себѣ весь юридическій бытъ обширной провинціи, бывшей нѣкогда самостоятельною политическою единицею, отдѣльнымъ княженіемъ [1]). Несомнѣнно, конечно, что наши грамоты не имѣютъ претензіи обнять всѣ правовыя нормы, бывшія въ юридическомъ оборотѣ, но предоставляютъ мѣстному дѣйствующему обычному праву пополнить все недостающее въ нихъ, тѣмъ болѣе, что даже то, что находится въ этихъ грамотахъ, основано на тѣхъ же обычаяхъ.

Справедливость сказаннаго только-что будетъ еще очевиднѣе, если мы припомнимъ, что цѣль уставныхъ грамотъ—подтвердить весь стародавній юридическій и бытовой строй земли, ея пошлины и старины; слѣдовательно, верховная власть санкціонировала въ этихъ грамотахъ не только то, что включено въ самый текстъ ихъ, но и то,

---

[1]) Такой выводъ былъ бы еще нелѣпѣе по отношенію къ устав. грамотамъ Московскаго государства, которыя, какъ извѣстно, посвящены почти исключительно опредѣленію сборовъ съ мѣстнаго населенія въ пользу великокняжескаго намѣстника.

что хотя не вошло туда, но существовало и имѣло значеніе неписаннаго закона въ силу той же пошлины, старины, извѣчнаго обычая. Далѣе, вникая въ содержаніе нашихъ грамотъ, нетрудно замѣтить, что туда включено преимущественно все то, что всего чаще могло подвергнуться нарушенію, посягательству со стороны общественной власти въ лицѣ вел. князя Литовскаго и его мѣстныхъ органовъ. Таковы въ особенности нѣкоторыя автономныя права земли, какъ территоріальной единицы, и нѣкоторыя важнѣйшія личныя и имущественныя права гражданъ. То же, что не выходило изъ тѣснаго круга частныхъ, гражданскихъ отношеній, что не соприкасалось непосредственно съ интересами государства, то вовсе не нуждалось въ какомъ-либо спеціальномъ охраненіи или подтвержденіи, но вполнѣ представлялось регламентаціи путемъ господствующаго обычая.

Итакъ, если мы взглянемъ на содержаніе уставныхъ земскихъ грамотъ съ указанной точки зрѣнія, то для насъ понятны станутъ и неполнота содержанія (нельзя же въ самомъ дѣлѣ въ ограниченные предѣлы грамоты втиснуть все то, что имѣло силу и значеніе мѣстнаго закона) и извѣстный, далеко не случайный подборъ тѣхъ или другихъ опредѣленій, относящихся къ той или другой сферѣ права.

Отъ объема содержанія нашихъ грамотъ перейдемъ къ формѣ постановленій этихъ памятниковъ. Господствующая въ нихъ, равно какъ и во многихъ другихъ литовско-русскихъ жалован. грамотахъ, форма постановленій—отрицательная: „Штожъ намъ въ домы церковныи.... не вступатися“, „И въ безадщины и въ отмѣрщины Витебскіи тежъ не маемъ вступатися“, „И жонъ ихъ силою замужъ не давати“, „А холопу и робѣ вѣры не няти“, „А безъ исправы Витблянина не казнити“, „А отчинъ у нихъ не отнимати“ и т. д. въ томъ же родѣ [1]). Полагать, однако, что стоитъ лишь отбросить отрицательныя частицы въ приведенныхъ примѣрахъ, чтобы получить изображеніе того, что существовало до пожалованія той или иной землѣ устав. грамоты,— это значитъ впасть въ грубую ошибку. Такой весьма легкій и огульный, если такъ можно выразиться, пріемъ толкованія текста для объясненія того, что было, и сопоставленія этого послѣдняго съ тѣмъ, что стало, явилось въ силу пожалованія, привелъ бы къ изображенію

---

[1]) Ак. З. Р. I, №№ 204, 213; II, № 70 и др.

такихъ порядковъ, при которыхъ ни жизнь, ни свобода, ни честь, ни имущество гражданъ не пользовались никакими гарантіями. Не распространяясь о нелѣпости такого вывода, достаточно лишь сослаться на самый же текстъ нашихъ грамотъ, гдѣ неоднократно и весьма ясно выражено, что всѣ права, изображенныя въ устав. грамотахъ, основаны на старинѣ и пошлинѣ [1]) и составляютъ искони „вольныя, добрыя и хрестіянскія права“ [2]) населенія. Этого, полагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что отрицательная форма постановленій этихъ употреблена не почему-либо другому, какъ съ цѣлью лишь предупредить ихъ нарушеніе, съ цѣлью придать имъ бо́льшую важность и бо́льшую торжественность [3]).

Что касается системы уставныхъ земск. грамотъ, то необходимо замѣтить, что грамоты эти вовсе не придерживаются какой-либо опредѣленной системы: 1) отдѣльныя части одной грамоты весьма рѣдко чередуются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ представляются въ другой; 2) однородныя постановленія далеко не всегда концентрируются въ одномъ мѣстѣ грамоты, но приводятся сплошь и рядомъ среди постановленій, составляющихъ другую самостоятельную группу, и т. д. Такимъ образомъ, приходится не только совершенно отказаться отъ попытки отыскать общую схему, по которой составлялись бы всѣ уставныя грамоты, но и признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что даже каждая изъ грамотъ въ отдѣльности лишена какой-либо опредѣленной системы. Скажемъ даже больше: по внѣшнему виду уставныя земск. грамоты обыкновенно не дѣлятся на статьи или пункты [4]), а вслѣдствіе этого нерѣдко случается, что два или три совершенно различныхъ постановленія слиты грамматически такъ тѣсно, что взять каждое изъ нихъ въ отдѣльности, разъединить эти постановленія въ интересахъ истиннаго ихъ смысла, не прибѣгая къ вставкамъ, замѣнѣ однѣхъ грамматич. формъ другими, весьма часто почти невозможно [5]).

---

[1]) Систем. сводъ, ст. III—IV и мн. др.

[2]) Ак. З. Р., II, стр. 87, стб. 1; см. также Систем. сводъ, ст. III.

[3]) См. также замѣчанія по поводу отрицат. формы постановленій жалован. шляхет. грамоты 1457 г. въ Христоматіи (вып. 2, стр. 28) М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

[4]) Исключеніе представляютъ лишь двѣ изъ извѣстныхъ намъ устав. земск. грамотъ— Жмудская (Ак. З. Р. I, № 103) и Бѣльская (ibid., № 189).

[5]) Примѣромъ можетъ служить слѣд. мѣсто Витебской грамоты: „А чоломъ-битье намъ у Витблянъ пріймати, черезъ поруку въ желѣза ихъ не сажаючи, а ни въ которую муку“.

Говоря все это, мы вовсе не хотимъ сказать, что при составленіи уставныхъ земск. грамотъ не имѣлось въ виду опредѣленнаго содержанія, опредѣленныхъ группъ тѣхъ или иныхъ однородныхъ постановленій [1]); мы лишь констатируемъ тотъ фактъ, что отдѣльныя постановленія расположены въ нашихъ грамотахъ безпорядочно, безъ всякой опредѣленной послѣдовательности или системы.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній общаго характера объ объемѣ содержанія, формѣ постановленій и системѣ уставныхъ земск. грамотъ перейдемъ къ обзору содержанія каждой изъ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ разсматриваемаго вида, указывая при этомъ, гдѣ и кѣмъ она напечатана.

Въ виду утраты древнѣйшихъ, основныхъ грамотъ, совершенно безполезно располагать при этомъ обзорѣ дошедшія до насъ подтвердит. устав. грамоты въ хронологической послѣдовательности ихъ датъ и приносить въ жертву этой послѣдовательности болѣе важное: близость отдѣльн. грамотъ по характеру содержанія, мѣстнымъ особенностямъ и т. под. Разсматривая же наши грамоты со стороны характера содержанія, легко замѣтить, что однѣ изъ нихъ (гр. Витебская, Полоцкая, Смоленская и Жмудская) носятъ на себѣ черты всесословности, т. е. предназначаются для всѣхъ классовъ населенія, другія же (Волынская и Бѣльская), утративъ обычный въ такихъ грамотахъ всесословный, обще-

---

Чтобы правильно понять приведенное мѣсто, слѣдуетъ передъ *черезъ* поставить точку или точку съ запятою, а причастіе—*сажаючи* замѣнить неопредѣлен. накл.—*сажати*.

[1]) Такъ, вникая въ содержаніе устав. земск. грамотъ, нетрудно замѣтить что при составленіи ихъ обыкновенно имѣлось въ виду:

a) подтвердить права церкви и духовенства;

b) оградить личныя права всего свободнаго населенія земли;

c) обезпечить его имущественныя права;

d) предоставить нѣкоторыя особенныя права высшимъ классамъ населенія (князьямъ, боярамъ, духовенству и отчасти мѣщанамъ);

e) предоставить (всему населенію земли или извѣстнымъ разрядамъ его) различныя льготы по уплатѣ податей и отбыванію всякаго рода повинностей;

f) подтвердить основныя права земли и въ частности нѣкоторыя права ея по самоуправленію;

g) санкціонировать нормы обычнаго права, относящіяся къ уголовн. праву и процессу;

h) опредѣлить размѣры судебныхъ и различн. др. пошлинъ.

Съ помощью систематической группировки по предметамъ отдѣльныхъ постановленій, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ той или др. грамоты, указанныя здѣсь части можно различить почти во всякой устав. грамотѣ разсматриваемаго нами вида.

земскій характеръ правъ, содержащихся въ нихъ, получили сословную окраску, и третьи, наконецъ (обѣ Кіевскія), занимая среднее мѣсто между первыми и вторыми, являются актами переходными отъ общеземскихъ грамотъ къ сословнымъ (шляхетскимъ) привилегіямъ. Такимъ образомъ, всѣ подлежащія нашему разсмотрѣнію уставныя земскія грамоты [1]) распадаются по характеру своего содержанія на три группы, которыя должны быть расположены въ такомъ порядкѣ: сначала грамоты, отличительный признакъ которыхъ—всесословность, затѣмъ грамоты переходнаго типа и, наконецъ, грамоты, получившія сословную окраску, т. е. такія, въ которыхъ земскія права становятся достояніемъ однихъ лишь высшихъ классовъ населенія. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить то явленіе, что тотъ или иной характеръ уставной грамоты находится какъ-бы въ нѣкоторой зависимости отъ географическаго положенія земли, получившей эту грамоту: уставныя грамоты отдѣльныхъ земель по мѣрѣ удаленія этихъ послѣднихъ отъ сѣв.-вост. къ юго-зап. все болѣе и болѣе теряютъ свой общеземскій характеръ и постепенно изъ всесословнаго акта переходятъ въ сословную привилегію. Другое обстоятельство, вліявшее на характеръ устав. земскихъ грамотъ,—это время происхожденія основныхъ или первоначальныхъ устав. грамотъ: чѣмъ древнѣе это происхожденіе, тѣмъ полнѣе, тѣмъ чище всесословный характеръ грамоты (основной, а слѣд. и подтвердит.); и, съ другой стороны, чѣмъ позднѣе оно, тѣмъ болѣе устав. грамота имѣетъ тенденцію перейти въ сословную привилегію.

Во главѣ первой изъ указанныхъ группъ устав. земск. грамотъ мы ставимъ обѣ Витебскія грамоты, такъ какъ въ нихъ наиболѣе отражаются древне-русскіе порядки и земскія права, затѣмъ Полоцкую, какъ весьма сходную по содержанію своему съ грам. предыдущею и т. д. Дальнѣйшая принятая нами здѣсь и удержанная во второмъ отдѣлѣ настоящаго труда послѣдовательность грамотъ объяснится при самомъ обозрѣніи ихъ.

I. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Витебской Земли, 16 іюля 1503 года.* Грамота эта дана была вел. кн. Александромъ (въ подтвержденіе грамоты Казиміра, выданной на основаніи грамотъ Витовта

---

[1]) Припомнимъ, что до насъ дошло и напечатано по настоящее время 10 устав. грамотъ, пожалованныхъ въ до-статутовый періодъ 7-ми различнымъ землямъ.

и его ближайшихъ преемниковъ и украденной изъ церкви, гдѣ она хранилась) [1]), по просьбѣ всѣхъ князей, бояръ Витебскихъ, войта и мѣщанъ города Витебска и всей вообще земли Витебской [2]).

Гранича съ свободолюбивою и торговою Новгородскою землею, ведя съ нею постоянныя торговыя сношенія съ древнѣйшихъ временъ, Витебская, Полоцкая и Смоленская земли болѣе другихъ русскихъ земель, входившихъ въ составъ вел. кн. Литовскаго, сохранили свои древне-русскія особенности, свои обычаи и порядки и долѣе другихъ умѣли отстаивать ихъ неприкосновенность. Все это особенно замѣтно въ Витебской устав. грамотѣ, гдѣ еще не проглядываетъ сословная рознь между различными земскими классами населенія, преобладаніе однихъ надъ другими. Въ этой грамотѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда сословнаго элемента, нѣтъ особыхъ опредѣленій, регламентирующихъ сословныя права и отношенія: все, что жалуется землѣ, жалуется всему свободному населенію ея.

Въ частности грамота эта не только гарантируетъ личныя и имущественныя права населенія, но и подтверждаетъ важнѣйшія основныя права земли, какъ отдѣльной территоріальной единицы: внутреннее самоуправленіе, участіе населенія въ выборѣ воеводъ и судѣ мѣстныхъ правительствен. органовъ, право отъѣзда изъ земли и пр.

Опредѣленіями гражданскаго, уголовнаго и процессуальнаго права Витебск. устав. грамота вообще небогата, за то отдѣльныя постановленія ея, относящіяся къ этимъ сферамъ права, носятъ на себѣ древне-русскій отпечатокъ и отличаются нѣкоторой оригинальностью. Особенно оригинальны въ этой грамотѣ постановленія о татьбѣ: они во многомъ не согласны съ постановленіями о томъ же прочихъ уставныхъ земскихъ грамотъ, а равно и другихъ законодательныхъ памятниковъ Литовско-Русскаго государства, напр. Судебника 1468 г.

Основное, такъ сказать, изданіе Витебской уставной грамоты принадлежитъ Археографической Коммиссіи, которая напечатала ее въ 1846 г. въ первомъ томѣ *Актовъ относящихся къ исторіи Западной*

---

[1]) По заявленію Витеблянъ, выданная имъ Казиміромъ устав. грамота была унесена вмѣстѣ съ проч. вещами изъ церкви ворами, пришедшими изъ Новгорода и обокравшими эту церковь. Ак. З. Р. I, стр. 351, стб. 2.

[2]) Систематич. сводъ, ст. II—1.

Россіи (№ 204, стр. 351 — 353) [1]). Изъ примѣчанія редакціи Актовъ Западной Россіи къ тексту этой грамоты узнаемъ, что она извлечена изъ Литовской Метрики (Запис. кн. VI, л. 116—118), гдѣ разсматриваемая грамота носитъ слѣдующее заглавіе: „Привилей всимъ бояромъ и мѣщаномъ Витебскимъ на нѣкоторые права и вольности ихъ".

Нѣсколько раньше Археографич. Коммиссіи, а именно въ 1836 году, напечаталъ эту грамоту *Мухановъ* въ своемъ „Сборникѣ" („Сборникъ Муханова", М. 1836 г.; № 83, стр. 132—134). Третье и новѣйшее, снабженное при томъ цѣнными комментаріями, изданіе Витебской устав. грамоты принадлежитъ *М. Ф. Владимірскому-Буданову* въ его „Христоматіи по исторіи русскаго права" (вып. 2, 1879 г., стр. 46—51).

Наконецъ, Витебская устав. грамота 1503 г. напечатана также (въ 1871 г.) въ *Историко-юридич. матеріалахъ, извлечен. изъ актовыхъ книгъ губ. Витебской и Могилевской* (т. II, стр. 233—236), но съ совершенно неправильнымъ заглавіемъ: „привилегія кор. Александра на Пречистенскую церковь"; такая странная ошибка произошла оттого, что въ началѣ этого акта сообщается, что предыдущая Витебская земская грамота, выданная Казиміромъ, была украдена изъ церкви Пречистой Богоматери (въ Витебскѣ) [2]).

II. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Витебской Земли, 18 февраля 1509 г.* Грамота эта, выданная вел. кн. Сигизмундомъ въ подтвержденіе грамоты Александра, только-что разсмотрѣнной, *буквально* повторяетъ эту послѣднюю. Единственное изданіе Витебской устав. грамоты 1509 г. находимъ у *гр. Дзялынскаго* въ его „Zbiór praw litewskich" (Poznań 1841 г., стр. 99—101), гдѣ она напечатана польскими буквами на основаніи списка, находящагося въ Литовской Метрикѣ (Запис. кн. VIII, л. 256—258).

III. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Полоцкой Земли, 23 іюля 1511 г.* Грамота эта дана была вел. кн. Сигизмундомъ, по просьбѣ

---

[1]) Грамота эта напечатана Арх. Коммиссіей подъ заглавіемъ: „Уставная королевская грамота жителямъ Витебской области"; занимаетъ она 138 строкъ.

[2]) Послѣднее изданіе разсмотренной грамоты сдѣлано на основаніи актовой книги земской воеводства Витебскаго, куда устав. грамота 1503 г. была внесена „по просьбѣ пановъ земянъ воеводства Витебскаго, такъ и мѣщанъ мѣста Витебскаго" въ 1634 г. іюня 20. Изданіе это менѣе исправно, нежели всѣ прочія (встрѣчаются пропуски, иногда искаженныя слова и т. п.), но не лишено нѣкотораго значенія при толкованіи текста грамоты 1503 г.

бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ, всего города и всей земли Полоцкой [1]), въ подтвержденіе грамоты, данной Казиміромъ и подтвержденной Александромъ, на основаніи правъ и обычаевъ земскихъ, признанныхъ еще Витовтомъ, Сигизмундомъ (Кейстутьевичемъ) и Скиргелломъ [2]).

Замѣчательно, что въ Полоцкой землѣ до конца XV ст. удержался во всей своей цѣлости древне-русскій строй: Полоцкъ даже во времена владычества Литовскихъ князей управлялся вѣчемъ, въ которомъ принимали одинаковое участіе всѣ земскіе классы населенія (Ак. З. Р. I, № 60, актъ отъ 1456 г.); отъ имени полоцкаго вѣча (полоцкихъ бояръ, мѣщанъ и всего посполитства) велись сношенія съ Ригою, писались грамоты, посылались и принимались посольства и пр. [3]). Такой порядокъ существовалъ до 1498 г., когда введено было въ Полоцкъ магдебургское право [4]). Впрочемъ и позже этого, т. е. уже въ нач. XVI в., Полоцкъ все еще, какъ это видно изъ устав. земской грамоты 1511 г., сохранялъ въ лицѣ бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ довольно большую самостоятельность во внутреннихъ и, въ частности, въ торговыхъ своихъ дѣлахъ: назначалъ въ свою пользу различныя торговыя пошлины съ пріѣзжихъ купцовъ, каралъ собственною властью своихъ гражданъ, виновныхъ въ торговыхъ проступкахъ и пр.

Разсматриваемая грамота вообще во многомъ сходна съ Витебской. Сходство это между прочимъ выражается въ дословномъ иногда повтореніи нѣкоторыхъ положеній грамоты Витебской, каковы, напр., опредѣленія относительно основныхъ правъ земли, личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ, постановленія относящіяся къ процессу и пр. При всемъ томъ Полоцкая грамота значительно полнѣе Витебской: въ первой изъ нихъ встрѣчаемъ мы довольно обстоятельныя опредѣленія различныхъ отношеній между боярами и ихъ слугами съ одной и мѣщанами (мѣстичами), съ другой стороны, постановленія о вотчинномъ и тіунскомъ судѣ и проч., чего вовсе нѣтъ въ послѣдней, т. е. въ Витебской уставной грамотѣ.

Единственное изданіе Полоцкой земской грамоты 1511 г. находится во второмъ (издан. въ 1848 г.) томѣ *Актовъ относ. къ исторіи*

---

[1]) См. Систематич. сводъ, ст. II—2.

[2]) См. выше, стр. 53—54.

[3]) Русско-Ливонскіе Акты, №№ CLIV, CCXLIX, CCLXIII—CCLXVI, CCLXXVIII—CCLXXX и др.; Бѣляевъ: „Исторія Полотска“, стр. 295—96.

[4]) Бѣляевъ, указ. соч., стр. 296.

Запад. Россіи (№ 70, стр. 86—90) [1]), гдѣ она напечатана на основаніи текста, записаннаго въ Литовской Метрикѣ (Запис. кн. VIII, л. 494—497) и озаглавленнаго такъ: „Привилей бояромъ, мѣщаномъ и всей земли Полоцкой, на права и вольности ихъ, водлугъ привилеевъ великихъ князей, Витовта, Жикгимонта и Скиркгайла“.

Уставная Полоцкая грамота 1511 г. была подтверждена въ 1547 г. (т. е. уже послѣ изданія Литовскаго Статута) королемъ и вел. княземъ Сигизмундомъ Августомъ. Впрочемъ, подтвердит. грамота 1547 г. (она напечатана въ III томѣ Ак. Зап. Рос. подъ № 5, стр. 15—18) ничѣмъ почти не отличается отъ грамоты предыдущей (1511 г.); вся разница главнымъ образомъ заключается лишь въ орѳографіи и замѣнѣ одного термина другимъ, напр., вм. „казнити“ — „карати“ и т. д.

Кромѣ того, Полоцкая устав. грамота, какъ это видно изъ примѣчанія редакціи Актовъ Запад. Рос. (т. II, стр. 90), подтверждалась еще трижды: 1) Стефаномъ Баторіемъ въ 1580 г., 2) Сигизмундомъ III въ 1593 г. и 3) Владиславомъ IV въ 1634 г.

IV. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Смоленской Земли, 1 марта 1505 г.* Грамота эта дана была вел. кн. Александромъ, по просьбѣ епископа Смоленскаго Іосифа, окольничихъ Смоленскихъ, всѣхъ князей, пановъ, бояръ, мѣщанъ, черныхъ людей и всего вообще населенія города Смоленска и земли Смоленской [2]), въ подтвержденіе грамоты, пожалованной вел. кн. Казиміромъ и основанной на соотвѣтствующихъ грамотахъ Витовта и Сигизмунда Кейстутьевича [3]).

Означенная грамота замѣчательна тѣмъ, что въ ней весьма рельефно выступаютъ черты всесословности, отдѣльности и недѣлимости земли. Кромѣ того, изъ этой грамоты прекрасно видно, какую упорную и часто тщетную борьбу приходилось вести населенію земли съ произволомъ и корыстолюбіемъ мѣстныхъ правительственныхъ чиновниковъ.

Въ самомъ текстѣ Смоленской устав. грамоты можно различить четыре части, довольно рѣзко разграниченныя между собою. Послѣд-

---

[1]) Въ указан. томѣ Ак. Запад. Рос. названная грамота занимаетъ 271 строку и носитъ слѣд. заголовокъ: „Уставная подтвердит. грамота жителямъ Полоцкой области“.

[2]) См. Систем. сводъ, ст. II—3.

[3]) См. выше, стр. 60—61.

нее объясняется тѣмъ, что челобитье о пожалованіи разсматриваемой грамоты сопровождалось представленіемъ четырехъ различныхъ документовъ, содержаніе которыхъ и было внесено въ уставную грамоту 1505 г. [1]). Документы эти были слѣдующіе: 1) *Уставная грамота*, пожалованная Казиміромъ около 1445 года [2]) въ подтвержденіе правъ и обычаевъ Смоленской земли, санкціонированныхъ раньше Витовтомъ и его ближайшими преемниками; 2) *Судовый листъ*, данный Казиміромъ же на имя державцы Смоленскаго Николая Радзивила вслѣдствіе жалобы на него Смолнянъ (въ листѣ этомъ отмѣнялись различныя новины и несправедливые налоги, запрещались всякаго рода притѣсненія); 3) *Листъ* Казиміра къ тому же Радзивилу по поводу разныхъ „кривдъ и новинъ которые мѣсту Смоленскому часу его держанья дѣлалися“ (здѣсь находились постановленія о ябедникахъ, о правѣ въѣзда въ лѣса, о вотчинномъ судѣ и нѣкоторыхъ пошлинахъ), и 4) *Листъ* самого Александра, писанный къ намѣстнику Смоленскому Юрію Глѣбовичу, о причисленіи къ Смоленску живущихъ въ городѣ владѣльческихъ людей для совмѣстнаго съ горожанами отбыванія различныхъ натуральныхъ повинностей. Порядкомъ и содержаніемъ этихъ актовъ опредѣляется порядокъ и содержаніе четырехъ указанныхъ частей Смоленской уставной грамоты 1505 г.

Интересна дальнѣйшая судьба этой грамоты. Въ 1514 г. Смоленскъ, какъ мы уже знаемъ, былъ взятъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ; тотчасъ послѣ присоединенія Смоленска этотъ вел. князь подтвердилъ (10 іюля 1514 г.) Смоленскую уставную грамоту при чемъ обѣщалъ „ихъ (т. е. Смолнянъ) держати о всемъ по тому, какъ ихъ держалъ князь великій Витовтъ и иные государеве, и Александръ король и Жигимонтъ король [3]), по ихъ утвержденнымъ грамотамъ“ (Сбор. госуд. грам. и догов., т. 1, № 149, стр. 412). Указанная грамота вел. кн. Московскаго Василія Ивановича представляетъ тотъ интересъ, что при помощи ея можно объяснить нѣ-

---

[1]) Ак. Зап. Рос. т. I, стр. 360, стб. 2: „съ которого же привилья маестатного и листовъ судовыхъ его милости вси члонки выбравши, казали есмо вписати въ сесь нашъ листъ, и такъ ся въ собѣ мають тымъ обычаемъ..“

[2]) Соображенія о времени, къ какому можно пріурочить эту грамоту, см. выше стр. 61.

[3]) Отсюда видно, что Смоленская устав. грамота была подтверждена также и преемникомъ Александра—Сигизмундомъ.

которыя темныя мѣста уставной грамоты, пожалованной Смоленской землѣ вел. кн. Александромъ.

Копія съ подлинной Смоленской грамоты 1505 г. вписана была въ Литовскую Метрику (Запис. кн. VI, л. 307—310) съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Привилей владыцѣ, бояромъ и всимъ мѣщаномъ Смоленскимъ, на права и вольности ихъ“.

Первое по времени печатное изданіе этой грамоты находится въ *Сборникѣ Муханова* (№ 85, стр. 135—139). Второе и послѣднее изданіе (1846 г.) разсматриваемой грамоты принадлежитъ Археографической Коммиссіи, которая помѣстила ее подъ № 213 въ первомъ томѣ *Актовъ относ. къ ист. Запад. Россіи* (стр. 359—363)[1]).

V. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Жмудской Земли, 15 августа 1492 г.*

Населенная Жмудинами, принадлежавшими къ Литовскому племени, земля эта, по составу своего населенія, совершенно не русская. Но обычное право этой земли и порядки, существовавшіе въ ней, ничѣмъ почти не отличаются отъ обычаевъ и порядковъ, существовавшихъ въ чисто-русскихъ земляхъ. Объясняется же это между прочимъ тѣмъ, что Жмудь съ древнѣйшихъ временъ подверглась мирной колонизаціи выходцами изъ Полоцкой земли, которые, проникнувъ въ глубь Жмуди, селились тамъ, строили города, сближались съ туземцами и распространяли среди нихъ древне-русскую цивилизацію, русскіе обычаи, порядки и пр.[2]).

Разсматриваемая уставная грамота принадлежитъ, подобно четыремъ предыдущимъ, къ актамъ всесословнымъ, общеземскимъ. Пожалована она вел. кн. Александромъ „всей шляхтѣ, всѣмъ боярамъ и кметамъ, мужамъ старымъ и молодымъ и всему вообще населенію Жмудской земли и различныхъ ея повѣтовъ“[3]) съ цѣлью подтвердить предыдущую грамоту Казиміра и содержащіяся въ ней земскія права, санкціонированныя еще грамотой Витовта[4]).

---

[1]) Въ этомъ сборникѣ (Ак. Зап. Рос.) разсматриваемый актъ носитъ пространное, но не вполнѣ соотвѣтствующее ему заглавіе: „Жалованная подтвердительная грамота Смоленскому владыкѣ Іосифу, панамъ, боярамъ и всѣмъ жителямъ, о неприкосновенности Православной вѣры, правъ и вольностей, дарованныхъ имъ Витовтомъ, Сигизмундомъ и Казиміромъ“. Въ изданіи Археогр. Коммиссіи Смоленская грамота занимаетъ 288 строкъ.

[2]) Бѣляевъ—указ. соч., стр. 22—25, 63—64 и др.

[3]) Систем. сводъ, ст. II—4.

[4]) См. выше, стр. 62—63.

Грамота эта, вообще довольно краткая, раздѣлена на 24 пункта, изъ которыхъ особенно интересенъ и оригиналенъ п. первый, гдѣ запрещается упрекать Жмудиновъ, что они присоединены къ государству силою, при помощи оружія, и объявляется, что присоединеніе это было добровольно; происхожденіе этого пункта, какъ мы уже знаемъ, относится ко временамъ Казиміра [1]). Вообще, несмотря на свою краткость, грамота Жмудская содержитъ въ себѣ нѣсколько довольно важныхъ постановленій: о присылкѣ великокняжескихъ дѣтскихъ (п. 8), о наслѣдствѣ вдовъ (п. 10), о выборѣ старосты, воеводъ и тіуновъ (пп. 9 и 16), объ убійствѣ шляхтича (п. 13) и нѣкот. др.

Копія съ подлинной грамоты 1492 г. записана въ Литовской Метрикѣ (кн. XII, л. 127—129) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Привилей Жомонтскій отъ короля Александра, на права и волности ихъ, року Бож. нарож. ҂аучв“.

Первое печатное изданіе этой грамоты находимъ у *гр. Дзялынскаго* въ его „Zbiór praw litew.“ (стр. 67—72), гдѣ она напечатана польскими буквами; тамъ же помѣщенъ и латинскій списокъ (заимствованный у Догеля) этой грамоты, иногда разъясняющій и дополняющій русскій текстъ. Второе и послѣднее изданіе уставной Жмудской грамоты 1492 г. принадлежитъ Археограф. Коммиссіи, которая помѣстила ее въ первомъ (изд. въ 1846 году) томѣ *Актовъ относящ. къ исторіи Запад. Россіи* подъ № 103 (стр. 120—122) [2]).

Разсматриваемая грамота послѣ изданія Литовскаго Статута 1529 г. подтверждалась дважды: Сигизмундомъ Августомъ въ 1569 г. [3]) и Генрихомъ въ 1574 году [4]).

VI. *Уставная* (подтвердительная) *грамота Кіевской Земли, 8 декабря 1507 г.* Означенная грамота дана была вел. кн. Сигизмундомъ въ подтвержденіе уставныхъ грамотъ, пожалованныхъ его предшественниками, Казиміромъ и Александромъ, на основаніи правъ и обычаевъ земскихъ, признанныхъ и утвержденныхъ еще Витовтомъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) Въ этомъ сборникѣ актовъ разсматр. грамота занимаетъ 151 строку и озаглавлена такъ: „Жалованная грамота Литовскаго великаго князя Александра Казиміровича жителямъ Жмудской земли, на права и вольности ихъ“.

[3]) См. примѣч. редакціи Акт. Запад. Рос. (т. I, стр. 122).

[4]) Послѣдняя подтвердит. грамота 1574 г. напечатана въ Акт. Зап. Рос., т. III, № 59, стр. 177—182; она значительно полнѣе грамоты 1492 г. и содержитъ въ себѣ уже 31 пунктъ.

Разсматриваемая подтвердительная грамота выдана была, какъ это значится въ ней, по просьбѣ „князей и пановъ и бояръ и земянъ, всей шляхты Кіевской". Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ грамотчиками являются не всѣ классы населенія, какъ мы привыкли встрѣчать въ раньше разсмотрѣнныхъ нами земскихъ грамотахъ, а одно лишь сословіе—шляхта. Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи означенной грамоты, нетрудно убѣдиться, что она еще не представляетъ собою сословной привилегіи, т. е. отнюдь не обращаетъ общеземскихъ правъ въ достояніе одного сословія (шляхты), подобно грамотѣ Волынской земли, но, напротивъ, является по содержанію своему актомъ земскимъ, всесословнымъ, подобно грамотамъ, разсмотрѣннымъ выше, хотя въ то же время, безспорно, болѣе этихъ послѣднихъ отводитъ мѣста опредѣленію правъ и обязанностей мѣстной шляхты. Послѣднее обстоятельство можно отчасти объяснить существованіемъ, на ряду съ грамотой общеземской, особой уставной грамоты, пожалованной Кіевскимъ мѣщанамъ съ цѣлью гарантировать права этого класса населенія. Такая грамота была пожалована мѣщанамъ еще Витовтомъ, затѣмъ подтверждена Казиміромъ, а въ 1494 г. также и Александромъ. До насъ дошла только грамота 1494 года (Ак. З. Р. I, № 120), изъ которой мы и узнаемъ о существованіи двухъ предыдущихъ грамотъ [1]). Новое подтвержденіе уставной грамоты Кіевскимъ мѣщанамъ [2]) дано было Сигизмундомъ въ 1506 г. [3]).

Такимъ образомъ, какъ во времена Витовта, такъ затѣмъ и со временъ Казиміра до начала XVI в. включительно, замѣчается совмѣстное существованіе и дѣйствіе двухъ уставныхъ грамотъ,—общей, пожалованной всей землѣ Кіевской [4]), и болѣе частной, выданной Кіевскимъ мѣщанамъ. При этомъ, не имѣя вовсе въ виду предоставить какія-либо привилегіи одному сословію въ ущербъ другимъ, обѣ грамоты служатъ одной общей цѣли (цѣль эта—обезпечить права

---

[1]) Ак. Зап. Рос. I, стр. 144, стб. 2.

[2]) Кромѣ устав. грамоты 1494 г., вел. кн. Александромъ была пожалована городу Кіеву въ 1499 г. грамота, подтверждавшая самоуправленіе его по магдебургскому праву (Ак. З. Р. I, № 170), полученное Кіевомъ около половины XV ст.

[3]) Ак. З. Р. II, № 3; въ ней подтверждаются уставная грам. 1494 г. и др. грамоты, пожалованныя мѣщанамъ г. Кіева вел. кн. Александромъ.

[4]) Припомнимъ, что основная или первоначальная устав. грамота была пожалована Кіевской землѣ еще Витовтомъ. См. выше, стр. 68—69.

всего населенія земли и опредѣлить отношеніе къ нимъ правительственной власти и ея органовъ) и являются какъ бы двумя частями одного цѣлаго. Дѣйствительно, при чтеніи уставной земской грамоты 1507 г. и устав. грамоты Кіевскимъ мѣщанамъ 1494 г., нетрудно замѣтить, что онѣ лишь дополняютъ и нерѣдко разъясняютъ одна другую, а вмѣстѣ взятыя рисуютъ болѣе полную картину мѣстной общественной жизни.

По содержанію своему Кіевская земская грамота 1507 года чрезвычайно интересна и отличается, по сравненію съ другими грамотами того же вида, особенною полнотою. Въ ней, кромѣ постановленій, ограждающихъ личныя и имущественныя права населенія и права его по самоуправленію, встрѣчаются многочисленныя нормы, относящіяся къ гражданскому, уголовному и процессуальному праву. Въ частности заслуживаютъ особеннаго вниманія въ этой грамотѣ подтвержденіе права земскихъ бояръ на управленіе волостями и обѣщаніе вел. князя назначать управителями въ пригороды однихъ лишь туземцевъ. Особенною полнотою отличаются постановленія о наслѣдованіи (по закону) жены, нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ (дѣтей и племени), а также постановленія о татьбѣ; кромѣ того, здѣсь впервые встрѣчаемся съ опредѣленіемъ верховной и земской измѣны. Постановленія, относящіяся къ судоустройству и въ особенности къ судопроизводству, отличаются также бо́льшей полнотой, сравнительно съ грамотами, разсмотрѣнными выше.

Копія съ подлинной Кіевской уставной грамоты 1507 г. находится въ Литовской Метрикѣ (Запис. кн. VIII, л. 195—197), гдѣ носитъ слѣдующій заголовокъ: „Привилей всей шляхтѣ обывателемъ воеводства Кіевского, на нѣкоторые права и волности ихъ“.

Первое изданіе этого памятника встрѣчаемъ мы во второмъ томѣ *Актовъ относ. къ ист. Запад. Россіи* (изданномъ Археогр. Коммис. въ 1848 г.), гдѣ онъ помѣщенъ подъ № 30 (стр. 33—36) [1]). Второе и послѣднее изданіе разсматриваемой грамоты принадлежитъ *М. Ф. Владимірскому-Буданову* въ его „Христоматіи по исторіи рус. права“ (вып. 2, 1879 г., стр. 54—61); послѣднее изданіе снабжено комментаріями.

---

[1]) Въ указан. томѣ Акт. Запад. Рос. Кіевская грамота 1507 г. занимаетъ 218 строкъ и озаглавлена такъ: „Уставная подтвердительная грамота жителямъ Кіевской области“.

VII. *Уставная* (подтвердительная) *Грамота Кіевской Земли, 1 сентября 1529 года.* Оригиналъ только-что разсмотрѣнной нами грамоты 1507 г., находясь по какому-то случаю на сохраненіи у великокняжескаго писаря Ивана Горностаевича, сгорѣлъ во время пожара, истребившаго великокняжескій замокъ въ г. Берестьѣ (нынѣш. Брестъ-Литовскѣ), вмѣстѣ съ подлинниками устав. грамотъ, пожалованныхъ Кіевской землѣ вел. кн. Казиміромъ и Александромъ [1]). Вслѣдствіе заявленія объ этомъ случаѣ, сдѣланнаго вел. князю въ Краковѣ Ив. Горностаевичемъ, а затѣмъ и челобитья всей шляхты Кіевской о подтвержденіи погибшихъ отъ пожара грамотъ, вел. кн. Сигизмундъ выдалъ Кіевской землѣ новую подтвердит. устав. грамоту въ 1529 году [2]).

Грамота эта представляетъ точную копію предшествовавшей (1507 года); впрочемъ, мѣстами встрѣчаются въ ней небольшіе пропуски, нѣкоторыя дополненія и поясненія [3]). Независимо отъ того, что разсматриваемая грамота даетъ намъ новый случай убѣдиться, что позднѣйшія устав. грамоты обыкновенно почти буквально повторяли текстъ болѣе раннихъ [4]), она представляетъ еще тотъ практическій интересъ, что съ помощью ея возстановляется одинъ довольно важный пропускъ въ устав. грамотѣ 1507 г. Мы разумѣемъ при этомъ тотъ пунктъ послѣдней грамоты, который трактуетъ о наслѣдованіи жены послѣ умершаго мужа, и который испорченъ вслѣдствіе того, что въ данномъ мѣстѣ въ спискѣ грамоты вырвано нѣсколько словъ [5]). Кромѣ того, въ концѣ грамоты 1529 г. находится нѣсколько новыхъ добавочныхъ пунктовъ, которыхъ нѣтъ въ грамотѣ предшествующей. Эти добавочные пункты содержатъ въ себѣ: 1) особыя постановле-

---

[1]) Ак. З. Р. II, стр. 207; Систем. сводъ, ст. III—52.

[2]) Интересно, что эта уставная грамота выдана была менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до введенія въ дѣйствіе Литовскаго Статута 1-ой редакціи, а именно устав. грамота дана была 1 сентября, а въ концѣ того же мѣсяца состоялась уже окружная королевская грамота о вступленіи въ силу Статута (на пространствѣ всего вел. кн. Литовскаго), съ Михайлова дня, т. е. съ 29 сентября. См. Ак. З. Р. т. II, № 165.

[3]) Всѣ эти пропуски, дополненія и поясненія будутъ отмѣчены въ Систем. сводѣ устав. земск. грамотъ, составляющемъ второй отдѣлъ настоящаго труда.

[4]) Два такихъ случая мы уже имѣли при разсмотрѣніи двухъ Витебскихъ устав. грамотъ 1503 и 1509 и двухъ Полоцкихъ—1511 и 1547 гг.

[5]) См. Ак. Зап. Рос. т. II, примѣч. на стр. 34.

нія, охраняющія землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ отъ различныхъ поборовъ и самоуправства съ стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ; 2) освобожденіе населенія Кіевской земли отъ нѣкоторыхъ господарскихъ даней и службъ и 3) опредѣленіе отношеній мѣщанъ къ шляхтѣ и владѣльческимъ крестьянамъ.

Списокъ Кіевской устав. грамоты 1529 г. находится въ Литовской Метрикѣ (Запис. кн. XXV, л. 157—162) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Привилей отъ короля его милости Жикгимонта всимъ обывателемъ шляхтѣ земли Кіевскоѣ, на права и вольности ихъ".

Единственное изданіе этой грамоты помѣщается во второмъ томѣ *Актовъ относящ. къ ист. Западной Россіи* подъ № 164 (стр. 207—211) [1]).

VIII—IX. Уставныя (подтвердительныя) *Грамоты Волынской Земли, 1501 г. февраля 15 и 1509 г. въ августѣ.* Въ землѣ Волынской, какъ и въ Галицкой, уже съ конца XII в. замѣчается развитіе и усиленіе боярства, стремившагося, подъ вліяніемъ отчасти сосѣднихъ аристократическихъ государствъ (Польши и Венгріи), получить преобладаніе надъ княземъ и вѣчемъ и стать во главѣ Галицко-Волынскаго княжества[2]). Дальнѣйшему развитію шляхетскихъ правъ и окончательному выдѣленію шляхетскаго сословія изъ прочихъ классовъ общества немало содѣйствовали различныя привилегіи, пожалованныя Волынской шляхтѣ королями Польскими и вел. князьями Литовскими, щедрая въ предѣлахъ Волыни раздача вотчинникамъ (въ числѣ которыхъ было много Поляковъ) поземельныхъ владѣній, раннее введеніе въ города Магдебургскаго права[3]) и пр.

При такихъ рано возникшихъ и въ теченіе XV в. окончательно сложившихся особенностяхъ общественнаго строя Волынской земли (т. е. при господствѣ шляхетства и полномъ разложеніи земскаго общества), и въ уставныхъ грамотахъ, выданныхъ этой землѣ въ началѣ XVI в., на основаніи грамоты древнѣйшей, пожалованной, какъ

---

[1]) Здѣсь указ. грамота обнимаетъ собою 332 строки и озаглавлена также какъ и грам. предыдущая.—Добавочные пункты Кіевск. устав. грамоты 1529 г. напечатаны также въ „Христоматіи по ист. рус. права", въ примѣч. къ грамотѣ 1507 г.

[2]) М. Ф. Влад.-Будановъ: „Обзоръ ист. рус. права", вып. 1 (1886 г.), стр. 35—38; Андріяшевъ: „Очеркъ исторіи Волынской Земли", стр. 153 и слѣд.

[3]) В. Б. Антоновичъ: „Монографіи", 138—148; М. Ф. В.-Будановъ: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ" (Ж. М. Н. П. 1868 г., № 9).

мы знаемъ, въ половинѣ XV в. Казиміромъ [1]), безполезно было бы искать всесословныхъ правъ, и нетрудно предвидѣть, что акты эти не могутъ быть земскими, а лишь сословными. Дѣйствительно, обѣ дошедшія до насъ уставныя грамоты Волынской земли по содержанію своему являются мѣстными шляхетскими привилегіями. Въ нихъ обезпечиваются права лишь одного сословія, права же и интересы другихъ классовъ населенія какъ бы совершенно игнорируются, и общеземскія, всесословныя нѣкогда права являются, такимъ образомъ, достояніемъ одной только шляхты.

Обѣ вышеозначенныя Волынскія уставныя грамоты по содержанію своему совершенно сходны. Но, къ сожалѣнію, пользоваться мы можемъ лишь одной изъ нихъ, болѣе поздней. Что же касается болѣе ранней, пожалованной вел. кн. Александромъ въ 1501 году и напечатанной въ первомъ (изд. въ 1860 г.) томѣ *Актовъ относ. къ ист. Южной и Западной Россіи* (№ 36, стр. 27—28) [2]), то благодаря неправильной пунктуаціи, массѣ очевидныхъ ошибокъ и большихъ пропусковъ, допущенныхъ редакторами только-что названнаго собранія актовъ, не представляется никакой возможности пользоваться этой грамотой въ печатномъ ея изданіи [3]).

---

[1]) См. выше стр. 71.

[2]) Въ Литовской Метрикѣ (кн. XXV, л. 62—64), куда внесена копія Волынской устав. грамоты 1501 г., она носитъ слѣдующее заглавіе: „Потверженье короля его милости Александра всей земли Волынской на права и вольности ихъ, подлугъ привилею короля Казимира“. (Ак. Южн. и Зап. Рос. I, стр. 28, стб. 2).

[3]) Обстоятельство это было уже указано М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ (вып. 2), гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ Волынской грамотѣ 1509 г. отмѣчены важнѣйшія погрѣшности въ изданіи грамоты 1501 г.—Съ своей стороны, въ подтвержденіе сказаннаго, не лишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ печатнаго текста Волынской грамоты 1501 г., доказывающихъ невозможность пользоваться этой грамотой въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась на страницахъ 1-го тома Ак. Южн. и Зап. Россіи (къ сожалѣнію, мы имѣемъ лишь одно изданіе этой грамоты); при этомъ для большей ясности приведемъ и параллельныя мѣста изъ грамоты 1509 г.:

Уставная Волынская грамота 1501 г. (Ак. Ю. и З. Р. I, № 36).	*Устав. Волынская грамота 1509 г. (Ак. З. Р. II, № 54).*
а) Такежъ князей и пановъ и земянъ старостѣ нашому злыми словы ихъ не соромотити, и въ казнь и въ вежу ихъ не сажати; *естли бы которыи противи, что*	А князей и пановъ и земянъ старостѣ нашому злыми словы не соромотити, у казнь и у вѣжу ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ грамоту 1501 года, обратимся къ грамотѣ 1509 г. Эта послѣдняя дана была вел. кн. Сигизмундомъ, по просьбѣ „владыки Владимірскаго и владыки Луцкаго, князей, пановъ, земянъ, всей шляхты Волынской земли“ [1]), въ подтвержденіе уставныхъ грамотъ, пожалованныхъ Волынской землѣ Казиміромъ и Александромъ.

Сущность содержанія разсматриваемой грамоты заключается въ обезпеченіи личности шляхтичей (старосты и намѣстники не могутъ, напр., ни посадить въ тюрьму шляхтича, ни подвергнуть его уголовному штрафу и пр.; въ случаѣ же какого-либо преступленія или проступка шляхтича должны доносить о томъ вел. князю и поступать лишь по его указанію), а также въ предоставленіи землевладѣльцамъ почти неограниченнаго права суда въ предѣлахъ ихъ вотчинъ. Постановленія этой грамоты о вотчинномъ судѣ отличаются особенною полнотою, какой мы не встрѣчаемъ ни въ другихъ устав. земскихъ грамотахъ, ни въ шляхетской грамотѣ 1457 г. и Судебникѣ

князь або панъ и земянинъ, ино старостѣ насъ обослати....

b) А далей старостѣ на замку нашомъ судити князскихъ и паньскихъ и земянскихъ людей. *Што* ся дотычетъ розбою приличного, кгвалтъ панское и паней, шляхетск*ая* рана, пожога, *обыся* злодѣйство не множило.

c) А слугамъ старостинымъ, ѣздячи *по лѣсомъ,* зарукъ не заручати....

d) Тежъ што есмо подавали княземъ и паномъ Волыньскимъ новыи торги, ино дей мыта беруть въ тыхъ торзехъ съ князскихъ и паньскихъ людей брати, нижли мають мыта старые давати, гдѣ и передъ тымъ будуть данвали. *(Въ этой фразѣ трудно доискаться смысла вслѣдствіе очевиднаго и довольно значительнаго пропуска).*

панъ, або земянинъ, ино старостѣ насъ обослати...

А далѣй: старостѣ судити на замку нашомъ князьскихъ, або паньскихъ, або земянскихъ людей, што ся дотычетъ розбою приличного, кгвалту, шляхетскоѣ раны, пожоги, абы ся злодѣйство не множило.

А слугамъ старостинымъ, ѣздячи по селомъ, зарукъ не заручати...

Параллельное мѣсто грамоты 1509 г. занимаетъ 12 печатныхъ строкъ (См. Ак. З. Р. II, стр. 65, стб. 2).

Указанными здѣсь искаженіями, пропусками и опечатками далеко не исчерпываются всѣ погрѣшности въ изданіи Волынской грамоты 1501 г.; впрочемъ, и тѣ немногія выдержки изъ этой грамоты, которыя мы сочли возможнымъ сдѣлать, достаточно объясняютъ, почему мы принуждены были исключить ее изъ числа грамотъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, и не ввели ее въ нашъ систематич. сводъ уставныхъ земск. грамотъ Литовско-Русскаго государства.

[1]) Ак. З. Р. II, стр. 64; Систем. сводъ, ст. II—6.

1468 г. Отсюда, между прочимъ, мы узнаемъ и о существовавшихъ на практикѣ исключеніяхъ изъ общаго правила о подсудности вотчиннымъ судамъ, по роду преступленій и по мѣсту совершенія ихъ.

Вообще Волынская устав. грамота содержитъ въ себѣ обильный матеріалъ, относящійся къ судоустройству и судопроизводству. Кромѣ того, запрещеніемъ самоуправства по отношенію къ вору съ поличнымъ (аналогичное постановленіе находится и въ Судебникѣ 1468 г.) она дополняетъ постановленія о татьбѣ, находящіяся въ другихъ грамотахъ. Остальное содержаніе этого памятника посвящено опредѣленію отношеній между мѣщанами и владѣльческими крестьянами и освобожденію этихъ послѣднихъ отъ уплаты и отбыванія различныхъ господарскихъ (т. е. идущихъ въ пользу вел. князя) даней и службъ.

Списокъ Волынской устав. грамоты 1509 г. находится въ Литовской Метрикѣ (Запис. кн. VIII, л. 240—243), гдѣ озаглавленъ такъ: „Привилей всимъ обывателемъ земли Волыньскоѣ на нѣкоторыи права и вольности ихъ".

Первое по времени изданіе этой грамоты находится во второмъ томѣ *Актовъ относ. къ исторіи Западной Россіи* (№ 54, стр. 64—66) [1]). Второе и позднѣйшее изданіе разсматриваемаго памятника, снабженное при томъ примѣчаніями, принадлежитъ *М. Ф. Владимірскому-Буданову* и находится въ его „Христоматіи по исторіи русскаго права" (вып. 2, 1879 г., стр. 62—67).

X. *Уставная Грамота Бѣльскаго повѣта* [2]), *22 февраля 1501 г.* Прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ заглавіе означенной грамоты [3]), напечатанной Археографическою Коммиссіею въ I-мъ томѣ „Актовъ относящ. къ ист. Западной Россіи", вкралась ошибка,

---

[1]) Здѣсь разсматриваемая грамота занимаетъ 163 строки и носитъ слѣдующее заглавіе: „Уставная королевская грамота жителямъ Волынской области".

[2]) Бѣльскій и Дрогичинскій повѣты, какъ мы уже знаемъ,—составныя части одного цѣлаго—Берестейской земли (Подляхіи), составлявшей въ XIV в. (и позже—до половины XV в.) особый удѣлъ. Нерѣдко, однако, въ различ. памятникахъ, относящихся даже къ XVI в., Бѣльскій и Дрогичинскій повѣты называются „землями". Въ данномъ случаѣ мы предпочли употребить терминъ „повѣтъ" (терминъ польскаго происхожденія: дѣленіе на повѣты существовало въ Польшѣ съ древнѣйшихъ временъ) главнымъ образомъ потому, что въ самомъ текстѣ разсматриваемой грамоты Бѣльская область названа повѣтомъ.

[3]) Заглавіе это слѣд.: „Уставная грамота Литовскаго великаго князя Александра жителямъ *Бельзской области*".

которая (особенно въ виду довольно произвольнаго начертанія собственныхъ именъ, свойственнаго древнимъ актамъ) легко можетъ ввести читателя въ заблужденіе. Ошибка эта заключается въ неправильномъ обозначеніи названія области, получившей указанную грамоту: эта послѣдняя вмѣсто *Бѣльскаго* повѣта приписана *Бельзской* области (что вовсе не одно и тоже). Между тѣмъ, Бельзская земля (гл. г. Бельзъ) вмѣстѣ съ Холмскою еще въ концѣ XIV в. вошла въ составъ Польскаго королевства, а слѣд. вел. кн. Александръ въ февралѣ 1501 г. (онъ сдѣлался королемъ Польскимъ лишь въ концѣ этого года) никакъ не могъ пожаловать ей уставной грамоты. Впрочемъ, изъ самаго текста разсматриваемой грамоты видно, что она дана была именно *Бѣльскому повѣту*, что въ Подляхіи [1]).

Мы уже упоминали раньше, что Бѣльскій повѣтъ, несмотря на свое сосѣдство съ Польшею и раннее вторженіе въ него польскаго элемента населенія, не утратилъ окончательно своей русской физіогноміи, подобно тому, какъ это случилось съ другою древне-русскою областью—Дрогичинскою, но къ началу XVI в. успѣлъ сохранить еще весьма многое чисто русское: древніе мѣстные обычаи, русскую народность и русскій языкъ. Подтвержденіе всего сказаннаго только-что находимъ въ самой грамотѣ, пожалованной Бѣльскому повѣту: 1) грамота эта излагаетъ мѣстные юридическіе обычаи, отличавшіеся отъ польскихъ; 2) среди свободнаго населенія Бѣльской области указанная грамота строго различаетъ *Русиновъ*, или туземцевъ русскаго происхожденія, и *земянъ*, или землевладѣльцевъ—Поляковъ [2]), и 3) наконецъ, упомянутая грамота жалуется на русскомъ (хотя и испорченномъ) языкѣ.

---

[1]) Такъ въ означенной грамотѣ говорится, что дана она земянамъ „*повѣту Бѣльскаго*“ (districtus Bielscensis), просившимъ вел. кн. Александра пожаловать имъ тѣ же права, какими пользовались уже земяне сосѣдняго повѣта Дрогичинскаго; Дрогичинскій же повѣтъ (а слѣд. и Бѣльскій) находился въ Подляхіи. Кромѣ того, какъ это видно изъ примѣч. самой Археографич. Коммиссіи (Ак. З. Р. I, стр. 226), выше заглавія разсматрив. грамоты, находящейся въ Лит. Метрикѣ, отмѣчено: „Подлясье“.

[2]) Замѣчательно, что и нынѣ въ Бѣльскомъ и Бѣлостоцкомъ уѣздахъ Гродненской губ., приблизительно занимающихъ территорію прежняго Бѣльскаго повѣта, замѣчается племенное различіе въ составѣ ихъ населенія: въ однихъ селахъ говорятъ по-русски (бѣло-русски), въ другихъ же, нерѣдко смежныхъ съ первыми, говорятъ уже по-польски. См. „Очеркъ ист. Волынской земли“, Андріяшева, стр. 43.

Разсматриваемая грамота дана вел. кн. Александромъ земянамъ Бѣльскаго повѣта съ цѣлью распространить на нихъ (по ихъ же просьбѣ) дѣйствіе польскаго земскаго права, однимъ изъ преимуществъ котораго считался, между прочимъ, вызовъ къ суду черезъ вознаго (должность польскаго происхожденія), а не черезъ дѣтскаго. Распространяя на Бѣльскихъ земянъ польское шляхетское право, введенное раньше въ повѣтѣ Дрогичинскомъ, и предоставляя имъ многія преимущества передъ Русинами, Бѣльская уставная грамота принадлежитъ, такимъ образомъ, по характеру своего содержанія къ числу земско-сословныхъ грамотъ, т. е. къ тому же типу актовъ, къ какому относится и грамота Волынская.

Что касается содержанія разсматриваемаго памятника, то оно, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ изложенія мѣстныхъ особенностей, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя и неизвѣстныхъ польскому земскому праву, но долженствующихъ, по смыслу грамоты, сохранить свою силу и на будущее время во всѣхъ тѣхъ случаяхъ („впадахъ"), которые перечислены въ грамотѣ. При этомъ вся грамота (кромѣ введенія, гдѣ говорится о пожалованіи земянамъ польскаго земскаго права и о вызовѣ ихъ черезъ вознаго) раздѣлена на 25 пунктовъ. Многіе изъ нихъ посвящены исключительно опредѣленію отношеній различныхъ классовъ населенія Бѣльскаго повѣта между собою; таковы: пп. 6, 14 и 15, опредѣляющіе отношенія между Русинами и земянами, и пп. 19—21, содержащіе въ себѣ важныя постановленія о кметахъ. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія: п. 2) о правахъ распоряженія имѣніями; п. 3) о приданомъ и вѣнѣ; пп. 7—9) о судѣ старосты, судьи и подсудка; п. 12) о порчѣ полевыхъ межъ и нѣк. др. Затѣмъ остальные пункты относятся преимущественно къ судоустройству и судопроизводству.

Въ общемъ грамота эта чрезвычайно интересна, какъ по разнообразію и полнотѣ своего содержанія, такъ равно и по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, рѣзко выдѣляющимъ ее изъ среды другихъ однородныхъ грамотъ. Особенности эти заключаются прежде всего въ самомъ содержаніи разсматриваемаго акта, представляющемъ много отличнаго отъ другихъ устав. грамотъ и носящаго на себѣ не только отпечатокъ чего-то чисто мѣстнаго, весьма оригинальнаго, но также ясные слѣды вліянія Польши и ея порядковъ. Затѣмъ останавливаетъ

на себѣ вниманіе и самый языкъ грамоты, составляющій какую-то крайне странную смѣсь древне-русскаго съ польскимъ.

Уставная грамота Бѣльскаго повѣта дошла до насъ въ двухъ спискахъ, внесенныхъ въ Литовскую Метрику: русскомъ и латинскомъ; при этомъ въ заглавіи перваго (Кн. судн. дѣлъ III, л. 246—248) отмѣчено: „Наданье повѣту Белзкому тыхъ правъ и обычаевъ, которыми ся судятъ земяне повѣту Дорогицкого"; второй же (Запис. кн. XXV, л. 18—22) озаглавленъ такъ: „Privilegium terrestre Bielscense". То обстоятельство, что до насъ дошли оба текста (русскій и латинскій) имѣетъ слѣдующій практическій интересъ: многія мѣста русскаго текста окончательно уясняются лишь при помощи параллельныхъ мѣстъ латинскаго списка [1]).

Единственное изданіе русскаго текста Бѣльской устав. грамоты находится въ первомъ томѣ *Актовъ относящихся къ исторіи Западной Россіи,* гдѣ она помѣщена подъ № 189 [2]). Латинскій текстъ этой же грамоты помѣщенъ у *гр. Дзялынскаго* („Zbiór praw litewskich, стр. 82—91); здѣсь же параллельно съ латинскимъ текстомъ напечатанъ и русскій, но только польскими буквами.

Разсмотрѣнными десятью грамотами исчерпывается все количество извѣстныхъ намъ Уставныхъ Земскихъ Грамотъ Литовско-Русскаго

---

[1]) По нѣкоторымъ соображеніямъ Археографич. Коммиссія считаетъ русскій текстъ этой грамоты основнымъ или первоначальнымъ текстомъ, а латинскій—оффиціальнымъ переводомъ, современнымъ русскому тексту (см. примѣч. къ 1-му тому Ак. Зап. Рос., стр. 23, пр. 113).

Подтверждалась ли Бѣльская устав. грамота (1501 г.) преемниками вел. кн. Александра, объ этомъ Археографическая Коммиссія, на основаніи своего знакомства съ книгами Л. Метрики, ничего не сообщаетъ. Можно, однако, думать, что такія подтвержденія были. Такъ, при занятіяхъ нашихъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, въ одной изъ древнѣйшихъ актовыхъ книгъ этого архива (Книга Луцкая № 2092, кн. дефектная и такъ сказ. сборная, куда включены разнаго рода акты различн. годовъ, начиная съ 1557 г. и по 1580 г. вк.) намъ случилось встрѣтить актъ, озаглавленный: „*Привилей Белзъскій*" (указ. кн., актъ № 263, листъ 170). Актъ этотъ представляетъ копію подлиннаго, выданнаго Бѣльскому повѣту королемъ и вел. княземъ Сигизмундомъ Августомъ въ Вильнѣ, 7 *іюня 1563 г.;* къ сожалѣнію, въ упомянутой копіи, по небрежности или удивительной разсѣянности писца, пропущена вся середина (т. е. самая существенная часть) этого интереснаго акта. Такимъ образомъ, лишенные возможности судить, насколько подтвердит. Бѣльская устав. грамота согласна съ основной, разсмотрѣнной нами выше, мы можемъ лишь констатировать фактъ существованія подтвердит. Бѣльской устав. грамоты отъ 1563 г.

[2]) Въ указан. томѣ Ак. З. Р. грамота эта обнимаетъ собою 235 строкъ на стран. 223—226.

государства, предшествующихъ появленію Литовскаго Статута 1529 года [1]).

Въ настоящей главѣ мы разсмотрѣли, между прочимъ, содержаніе каждой уставной грамоты, какъ отдѣльнаго законодательнаго памятника, и при томъ настолько, насколько это необходимо для общаго знакомства съ нею. Слѣдующій отдѣлъ настоящаго труда имѣетъ цѣлью свести отдѣльныя грамоты въ одно цѣлое и расположить составныя части этого цѣлаго (т. е. сведеннаго текста грамотъ) въ систематическомъ порядкѣ. Такой систематическій сводъ грамотъ, весьма облегчающій обозрѣніе содержаніе ихъ, дастъ возможность судить объ объемѣ содержанія каждой устав. грамоты и всѣхъ вмѣстѣ, дополнитъ постановленія одной грамоты однородными постановленіями другихъ, наглядно покажетъ, что̀ являлось особенностью извѣстной земли, и что̀ было общепризнано, общепримѣнимо и въ качествѣ таковаго имѣло силу во всѣхъ земляхъ, т. е. на пространствѣ всего Литовско-Русскаго государства, какъ одного политическаго цѣлаго, и такимъ образомъ, хотя до нѣкоторой степени, покажетъ, какъ регламентировались различныя стороны юридической жизни этого государства вплоть до появленія свода различныхъ привилеевъ, уставъ и ухвалъ съ „здавна уложенными“ обычаями, свода, который самъ себя назвалъ „книгами правъ писанныхъ“, а нынѣ именуется Литовскимъ Статутомъ 1529 г.

Въ заключеніе намъ остается сдѣлать еще одно только замѣчаніе. Если Литовскій Статутъ 1529 г. своимъ появленіемъ положилъ предѣлъ тому безпорядку, который царилъ раньше въ вел. кн. Литовскомъ вслѣдствіе дѣйствія множества разнообразныхъ законовъ (въ формѣ обычнаго права и различ. законодательныхъ актовъ) и отсутствія одного общаго законодательнаго сборника; если онъ соединилъ отдѣльныя земли, кромѣ единства верховной власти, еще и единствомъ законодательства (по крайней мѣрѣ, таково было его назначеніе),—то отсюда еще не слѣдуетъ, что появленіе Статута положило предѣлъ силѣ и значенію уставныхъ земскихъ грамотъ, уничтожило всякій смыслъ ихъ бытія. Можно еще думать, что Статутъ, какъ сборникъ

---

[1]) Тѣ изъ немногихъ подтвердит. устав. земск. грамотъ, которыя были пожалованы послѣ изд. Статута, и которыя извѣстны намъ (они были уже указаны въ своемъ мѣстѣ), ничѣмъ не отличаются отъ предыдущихъ, нами уже разсмотрѣнныхъ.

общихъ для всего государства законодательныхъ нормъ, упразднилъ (и то до нѣкоторой степени [1]) прежнее значеніе уставныхъ земскихъ грамотъ, какъ совокупности общихъ правилъ, регулировавшихъ различныя юридическія отношенія гражданъ извѣстной земли, короче сказать,—значеніе ихъ, какъ мѣстныхъ законовъ, ибо надобность въ такихъ законахъ, съ изданіемъ общаго кодекса, или совершенно исчезала, или значительно уменьшалась. За то другого значенія уставныхъ земскихъ грамотъ, значенія актовъ, опредѣляющихъ отношенія отдѣльныхъ земель къ государству, изданный Статутъ не могъ ни уничтожить, ни умалить. Дѣйствительно, какъ актъ, предоставляющій землѣ извѣстныя права, не имѣющія мѣста при полномъ господствѣ центральной государственной власти, какъ актъ, подтверждающій верховныя права на землю и прерогативы этой власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничивающій ее, словомъ, какъ актъ чрезвычайной важности, такъ сказать, конституціонный, уставная грамота не могла утратить своего значенія и послѣ изданія общаго кодекса, а тѣмъ болѣе въ силу лишь одного факта его появленія. Правда, уставная земская грамота нуждалась въ санкціи всякаго новаго вел. князя, но въ такой санкціи, какъ мы знаемъ, отказа не было ни до, ни послѣ 1529 г. Ведя свое начало съ древнѣйшихъ временъ, со временъ присоединенія отдѣльныхъ земель, и съ тѣхъ поръ многократно подтверждаемыя, устав. грамоты нѣкоторыхъ земель сохранили указанное значеніе (впрочемъ, постепенно ослабѣвавшее) въ теченіе всего XVI и начала XVII в. [2]). Такимъ образомъ, имъ суждено было пережить не только Л. Статутъ 1529 г., но и Статутъ 1566 г.

---

[1]) Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя особенности мѣстнаго права должны были сохранить въ отдѣльныхъ земляхъ жизненную свою силу и послѣ изданія Статута, замѣтимъ, что въ Кіевской и Волынской земляхъ Статутъ получилъ силу дѣйствующаго закона лишь въ 2-ой своей редакціи, редакціи 1566 года (отсюда и наименованіе этой редакціи Волынскій Статутъ).

[2]) Такъ, напр., Полоцкая земская грамота была подтверждена Сигизмундомъ Августомъ въ 1547 г., Стефаномъ Баторіемъ 1580 г., Сигизмундомъ III въ 1593 г. и Владиславомъ IV въ 1634 г. См. Ак. З. Р. II, стр. 90; см. также выше, стр. 83.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ

УСТАВНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ ГРАМОТЪ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

КЪ СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ СВОДУ УСТАВНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ ГРАМОТЪ.

---

1) Въ настоящій сводъ включены тексты восьми нижепоименованныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ; не вошли въ него остальныя двѣ изъ разсмотренныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ нашего труда десяти грамотъ этого типа: *Витебская 1509 г.*, буквально, безъ всякихъ измѣненій и дополненій, повторяющая предшествующую ей грамоту 1503 года, и *Волынская 1501 г.*, полная явныхъ ошибокъ и большихъ пропусковъ въ текстѣ, исключающихъ всякую возможность пользоваться этою грамотою въ печатномъ ея изданіи.

2) Весь сведенный текстъ уставныхъ земскихъ грамотъ разбитъ на 114 статей, сгруппированныхъ по предметамъ содержанія въ 13 отдѣлахъ, или рубрикахъ, и расположенныхъ, по возможности, въ систематическомъ порядкѣ.

3) a) Литтерами русскаго алфавита обозначены, отдѣлы или рубрики, на которыя распадается весь сведенный текстъ грамотъ; b) римскими цифрами обозначена нумерація статей, идущая въ сплошномъ порядкѣ съ начала свода до конца; c) арабскія цифры съ лѣвой стороны представляютъ нумерацію уставныхъ земскихъ грамотъ; d) такія же цифры съ правой стороны указываютъ строки, занимаемыя отдѣльными статьями въ печатныхъ изданіяхъ грамотъ.

4) Нумерація грамотъ принята слѣдующая:

Уставная грамота *Витебской земли* 1503 г. . . . . № 1
„ „ *Полоцкой земли* 1511 г. . . . . № 2

Уставная грамота	*Смоленской земли*	1505 г.	№ 3
„ „	*Жмудской земли*	1492 г.	№ 4
„ „	*Кіевской земли*	1507 г.	№ 5[1]
„ „	*Кіевской земли*	1529 г.	№ 5[2]
„ „	*Волынской земли*	1509 г.	№ 6
„ „	*Бѣльскаго повѣта*	1501 г.	№ 7.

5) Изъ Кіевской уставной грамоты 1529 г., вообще буквально сходной съ болѣе раннею грамотою 1507 г. (см. № 5[1] и № 5[2]), внесено въ сводъ только то, что подверглось въ ней измѣненію, сравнительно съ грамотою 1507 г., или то, чего вовсе нѣтъ въ этой послѣдней; въ остальныхъ же случаяхъ лишь указываются строки, занимаемыя въ печатныхъ изданіяхъ тѣмъ или другимъ пунктомъ грамоты 1529 г.

6) Въ виду существованія латинскаго текста Жмудской и Бѣльской уставныхъ грамотъ, часто разъясняющаго и дополняющаго русскій текстъ этихъ грамотъ, параллельно съ послѣднимъ напечатанъ и первый.

7) Слова, находящіяся въ текстѣ грамотъ, заключенныя въ скобки и напечатанныя курсивомъ, вставлены составителемъ свода для исправленія, пополненія или поясненія текста.

8) Въ статьяхъ сведеннаго текста уставныхъ земскихъ грамотъ сохранена орѳографія подлинниковъ [1]).

9) Съ цѣлью облегчить пользованіе настоящимъ сводомъ подъ текстомъ помѣщены примѣчанія, посвященныя объясненію юридическихъ терминовъ, различныхъ словъ и выраженій, а также уясненію смысла отдѣльныхъ статей сведеннаго текста уставныхъ земскихъ грамотъ.

---

[1]) Русскій текстъ уставныхъ земскихъ грамотъ напечатанъ здѣсь на основаніи текста, помѣщеннаго въ *Актахъ Западной Россіи*, изданныхъ Археографическою Коммиссіею; латинскій же текстъ Жмудской и Бѣльской грамотъ заимствованъ изъ изданія гр. Дзялынскаго—„*Zbiór praw Litewskich*“.

А. Вступительныя статьи.

I. Обозначеніе имени и титула государя, дающаго грамоту, съ прибавленіемъ обычной вступительной формулы.

1. Самъ Александръ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомонтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, альбо чтучи его въслышитъ, нинѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати [1]). 1—7.

2. Во имя Божье, аминь. Все што ся дѣетъ подъ часомъ, отъ человѣчоѣ памяти споломъ сплываетъ съ часомъ, а ни къ знаймости напотомъ будучимъ прійти можетъ, ижьбы вложеньемъ писма, на послѣдъ тыи вчинки не были захованы. А про то, къ вѣкунстой тоѣ рѣчи памяти [2]), мы Жикгимонтъ, зъ ласки Божьее король Польскій великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомонтскій и иныхъ

---

[1]) Самъ (вм. обычнаго—мы) Александръ, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, князь Прусскій, Жмудскій и иныхъ, объявляемъ симъ нашимъ листомъ всякому, кто этотъ листъ увидитъ (т. е. прочтетъ) или услышитъ, когда его будутъ читать, нынѣшнему и будущему поколѣнію, всѣмъ, кому будетъ нужно о томъ знать.—Эту вступительную формулу („чинимъ.... и пр.") съ различными варіантами можно встрѣтить во всякой литовско-русской жалованной грамотѣ; нерѣдко этой формулѣ предшествуютъ разсужденія о бренности всего земнаго, слабости человѣческой памяти и пр. (см., напр., слѣд. грамоту). Къ этой же формулѣ прибѣгали, кромѣ вел. князей, и служебные князья, потомки владѣтельныхъ, во всѣхъ болѣе важныхъ актахъ: дарственныхъ, завѣщательныхъ и пр.

[2]) Во имя Божіе, аминь. Все, что совершается въ извѣстное время, съ теченіемъ времени ускользаетъ изъ памяти людей и, такимъ образомъ, не можетъ сохраниться для свѣдѣнія будущихъ поколѣній, если только не будетъ тогда же записано для памяти. Поэтому-то, чтобы увѣковѣчить нижеслѣдующее, мы, Сигизмундъ... и т. д.

панъ и дѣдичъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—14.

3. Во имя Божье, аминь. Высокихъ пановъ подданые государства, рядностью справъ посполитая рѣчь и знаменитоѣ чти доступаютъ [3]). Про то, къ вѣчной тоѣ-то рѣчи памяти, мы Александръ Божьею милостью король Полскій великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомонтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—11.

4. Во имя Божое, аминь. Ко вѣчной памяти речи [4]). Мы Александръ, зъ Божее ласки велики князь Литовски, Руски, Жомойтски, панъ и дѣдичъ, ознаймуемы черезъ тотъ нашь листъ всимъ тымъ, которымь бы была потреба, 1—5.

In nomine domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Nos Alexander dei gratia dux Lithvaniae, Samogitiae, Russiaeque dominus et haeres. Significamus tenore praesentium quibus expedit universis 1—5.

5[1]. Во имя святыя живоначалныя и нероздѣлимыя Тройца, аминь. Мы Жикгимонтъ, Божьею милостію король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Жомонтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ або чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати. 1—8.

5[2]. Во имя святыя, живоначальныя и нероздѣлимыя Тройцы, аминь. Мы Жикгимонтъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. 1—9.

---

[3]) Относительно этого мѣста Археографическая Коммиссія дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Это вступленіе нескладно, но такъ и въ ориг. Сенатск. Метрики и въ Варшавской копіи“ (Ак. З. Р. I, стр. 360).

[4]) „Ко вѣчной памяти речи“ или „къ вѣкунстой тоѣ рѣчи памяти“ (какъ въ грам. подъ № 2)—дословный переводъ латинскаго: „Ad perpetuam rei memoriam“.

6. Во имя святыя живоначалноѣ и нераздѣлимоѣ Тройцы, аминь. Мы Жикгимонтъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомонтскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати. 1—8.

7. Во имя святоѣ и нераздѣлной Тройцы, станься. Вси рѣчы, которые межи смертелными людми суть и дѣються, тежъ которыи справы съ чоловѣкомъ смертелнымъ завидлива старость посполу бы привлащила...., къ жадней знаймости справа не пришла бы: едно презъ несмертелность листовъ и тежъ святковъ, ку вѣрнему свядецтву приходють. Для того мы Александръ, зъ Божей ласки великій князь Литовскій, и тежъ земли Жомонтскоѣ и Рускоѣ и Кіевскоѣ и далѣй панъ и дѣдичъ, обьявямы моцъю нинѣйшихъ листовъ, которымъ есть слушно вѣрить, пришлымъ и прешлымъ, которыи бы мѣли знаймость ихъ [5]), 1—14.

In nomine sanctae et indiuiduae trinitatis, amen. Omnia, quae inter mortales homines sunt, agunturque negotia, cum homine ipso mortali, edax vetustas simul absumeret, ad posterosque nulla factorum notitia perveniret: nisi immortalitate litterarum et testium fideli, ad hoc, testimonio perhennentur. Proinde nos Alexander dei gratia magnus dux Lithuaniae, nec non terrarum, Samogitiae, Russiae, Kijoviae, etc. dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, praesentibus et futuris, horum notitiam habituris: 1—14.

II. Обозначеніе классовъ населенія земли, получающей уставную грамоту [6]).

1. Били намъ чоломъ вси князи и бояре и слуги Витебскіи [7]), и войтъ [8]) и мѣщане мѣста Витебского [9]), и вся земля Витебская, 7—10.

---

[5]) Вотъ почти дословный переводъ этого мѣста (сдѣлан. съ помощью латинскаго текста, восполняющаго пропускъ въ русскомъ текстѣ). Во имя святой и нераздѣльной Троицы, аминь. Все, что между смертными людьми происходитъ, все, что ими совершается,— все это вмѣстѣ съ смертнымъ человѣкомъ сокрушило бы ненасытное время, ничего не оставивъ для свѣдѣнія потомства, если бы правдиваго свидѣтельства обо всемъ этомъ не сохранили оффиціальные акты, скрѣпленные подписями свидѣтелей. Поэтому мы, Александръ.... объявляемъ посредствомъ настоящаго листа нынѣшнему и будущему поколѣнію, всѣмъ, кому нужно будетъ о томъ знать.

2. Били намъ чоломъ бояре Полоцкіе и мѣщане и весь городъ, и вся земля Полоцкая, 14—16.

3. Били намъ чоломъ владыка Смоленскій Іосифъ, и околничіи Смоленскіи, и вси князи и панове, и бояре, и мѣщане, и чорные люди и все посполство мѣста и земли Смоленьскоѣ [10]), 11—15.

---

[6]) Эта статья, указывающая, какіе классы населенія являлись грамотчиками въ той или другой уставной земской грамотѣ, объясняетъ, между прочимъ, характеръ каждой изъ этихъ грамотъ, показываетъ, какія изъ нихъ являются актами всесословными, земскими, и какія стремятся перейти или уже перешли въ сословную привилегію. См. выше, стр. 78—79.

[7]) „Слуги Витебскіи" — должно быть тоже, что Полоцкіе городскіе дворяне; см. ниже примѣчаніе 10.

[8]) *Войтъ*—предсѣдатель городскаго (мѣщанскаго) суда; его суду подлежалъ всякій торговый и ремесленный человѣкъ, принадлежавшій къ городской общинѣ, т. е. всякій мѣстичъ или мѣщанинъ.

[9]) „Мѣста Витебского"—города Витебска.

[10]) Изъ двухъ предыдущихъ грамотъ, а особенно изъ этой, видно, что уставная земская грамота жаловалась не одному какому-либо классу населенія, а всему безъ исключенія свободному населенію земли. Въ этой грамотѣ заслуживаетъ вниманія обстоятельное перечисленіе классовъ населенія. Во главѣ всѣхъ поставленъ епископъ, какъ представитель духовенства, а еще болѣе, какъ духовный отецъ и пастырь всего населенія; затѣмъ идутъ *окольничіе*, какъ представители земщины, принимающіе участіе въ управленіи и судѣ, и наконецъ—всѣ классы свободнаго населенія въ порядкѣ своего значенія: *князья, паны, бояре, мѣщане* и *черные люди*. Въ періодъ самобытности и обособленности земли ея населеніе подраздѣлялось, главнымъ образомъ, на три класса: *бояръ, горожанъ* (купцы) и *сельчанъ* (*черные люди*—земледѣльцы, жившіе преимущественно на общинныхъ земляхъ). Изъ грамоты, данной Казиміромъ въ 1456 г. городу Полоцку (Ак. Зап. Рос. I, № 60), узнаемъ, что въ рѣшеніи на вѣчѣ городскихъ дѣлъ принимали участіе, кромѣ бояръ, мѣщанъ и черныхъ людей (черные люди жили также и въ городѣ, гдѣ занимались ремеслами, мелкою торговлею и пр.), также и *городскіе дворяне*, составлявшіе особый классъ. Городскіе дворяне, надо думать, вели свое начало отъ младшихъ дружинниковъ (слугъ, дворянъ), составлявшихъ дворъ князя и получавшихъ отъ него за свою службу мелкіе земельные участки на помѣстномъ правѣ.—Обращаясь снова къ тѣмъ классамъ населенія, которые перечислены въ Смоленской грамотѣ, объяснимъ, кто разумѣется здѣсь подъ *„князьями"* и *„панами"*, упоминаемыми впереди бояръ. Подъ *князьями* здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется небольшая группа потомковъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей; подъ *панами* же—лица, принадлежавшія къ знатнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ. Что касается *окольничихъ*, то этимъ именемъ на Руси обозначались тѣ изъ бояръ, которые были около особы государя, помогали ему въ дѣлахъ управленія (впрочемъ, существуютъ и иныя объясненія слова „окольничій", а слѣдовательно и самаго значенія окольничихъ *); въ другихъ земскихъ грамотахъ мы не находимъ упоминанія объ окольничихъ; въ Смоленской же землѣ, какъ это видно изъ Смоленской уставной грамоты, они, являясь представителями земщины, принимали дѣятельное участіе въ управленіи и особен-

4. (*Объявляемъ....*) ижь всимъ особомъ, шляхтѣ, бояромъ и кметемъ [11]), мужомъ старымъ и молодымъ, и всему поспольству [12]), въ панствѣ земли Жомойтскоѣ и въ повѣтѣхъ [13]), Медницкимъ, Крожскимъ, Бедыголскимъ и иншыхъ тамъ будучимъ, 5—10.

(*Significamus*) quomodo omnibus et singulis nobilibus et bojaris, cmetonibus, viris, senibus et juvenibus ac toti communitati, per et intra terram et dominium Samogitiense et districtibus ejusdem videlicet: Mednensem, Chrosnensem et Bethigolensem ubilibet constitutum, 5—11

5[1]. Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове и бояре и земяне [14]), вся шляхта Кіевская, 8—9.

5[2]. Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове и бояре и земяне, вся шляхта Кіевская, 9—11.

6. Били намъ чоломъ духовныи и свѣтскіи, владыка Володимерскій и владыка Луцкій, и князи и панове и земяне и вся шляхта Волынскоѣ земли, 8—12.

7. яко пришодши ку нашой обличности шляхетный Петръ Люба, судья будучый повѣту Белского, именемъ и тежъ полецаньемъ всихъ земянъ тогожъ повѣту, 14—18.

Quomodo ad praesentiam nostram veniens nobilis Petrus Luca, judex protunc terrestris Bielscensis, nomine et commissione omni terrigenarum ejusdem districtus 14—18.

но въ отправленіи правосудія.

*) См. „Древнюю Рос. Вивліоѳику“, издан. Н. Новиковымъ, Москва, 1791 г. часть XX, стр. 196—201 (здѣсь изложены между прочимъ мнѣнія Татищева и Миллера); см. также „Боярскую Думу“ В. Ключевскаго, стр. 280—281.

[11]) *Кметы* (Cmethones)—земледѣльцы (крестьяне), лично свободные, жившіе на чужой землѣ и платившіе чиншъ.

[12]) *Поспольство*—этимъ собирательнымъ именемъ назывались обыкновенно всѣ низшіе классы населенія; хотя нерѣдко оно является синонимомъ слова „народъ“: *посполитый*—всенародный.

[13]) *Повѣтъ*—административная единица, въ родѣ нынѣшняго уѣзда. Жмудская земля раздѣлялась на повѣты, подобно тому, какъ Витебская, Полоцкая, Смоленская и Кіевская—на волости; впослѣдствіи, когда „*земли*“ переименованы были въ *воеводства*, воеводства были раздѣлены на повѣты. Дѣленіе на повѣты заимствовано изъ Польши, гдѣ оно было извѣстно уже въ концѣ X в.

[14]) *Земяне*—землевладѣльцы—дворяне, отбывавшіе военную повинность съ своихъ имѣній. Подробнѣе о нихъ см. у В. Б. Антоновича: „Монографіи“, стр. 247—248.

III. Изложеніе просьбы населенія о выдачѣ уставной земской грамоты съ объясненіемъ мотивовъ этой просьбы.

1. и повѣдили передъ нами, штожъ пришодши злодѣи зъ великого Новогорода покрали въ нихъ церьковъ пречистоѣ Богоматери, и въ той церькви и привилей ихъ [15]) вкрали, который же они отъ отца нашого короля его милости мѣли [16]); и копію того привилья передъ нами клали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ нашъ листъ привилей потомужъ дали [17]). 10—17.

2. и клали передъ нами листы отца нашого Казимира и брата нашого Александра, королей и великихъ князей ихъ милости, штожъ ихъ милость перво сего пожаловали ихъ и дали имъ права вольная добрая хрестіянская, какъ въ корупѣ Польской, какъ же и перво того которые доброволеньства мѣли отъ предковъ нашихъ великихъ

---

[15]) Т. е. уставную земскую грамоту, выданную Витеблянамъ предшественникомъ Александра Казиміромъ. Уставная грамота названа привилеемъ (т. е. привилегіей), благодаря своей привилегіарной формѣ,—формѣ, въ которой издавались и др. законодательные акты Литовско-Русскаго государства. См. выше, стр. 5—7.

[16]) Отсюда видно, что мѣстомъ храненія уставныхъ земскихъ грамотъ была обыкновенно соборная церковь главнаго города земли, куда полученная грамота передавалась послѣ прочтенія ея на площади или въ церкви. Въ церкви же, какъ извѣстно, сохранялись и всѣ прочіе предметы, представлявшіе общественный интересъ; такъ, здѣсь сохранялись, напр., образцовыя единицы вѣса и мѣры. См. „Исторію Полотска“ Бѣляева, стр. 204 и „Христоматію“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вып. I (1879 г.), стр. 105. Благодаря тому, что мѣстный законъ, какимъ является всякая уставная земская грамота, издавался въ формѣ привилегіи, являлась необходимость въ сохраненіи его, какъ вещественнаго документа. Отсюда же проистекали и другія неудобства: стоило какимъ-либо образомъ погибнуть подлиннику уставной грамоты, какъ тотчасъ же начинались ходатайства о выдачѣ новаго, хотя бы эта утрата произошла еще при жизни вел. князя, выдавшаго утраченную грамоту (см. въ этой же статьѣ грам. подъ № 5).

[17]) Просьба о подтвержденіи уставной земской грамоты сопровождалась представленіемъ подлинниковъ земскихъ грамотъ, пожалованныхъ предыдущими вел. князьями (см. слѣд. грамоту); если же таковые подлинники почему-либо не сохранились, какъ, напр., въ данномъ случаѣ (см также грамоту № 5[2]), то представлялись копіи съ подлинныхъ грамотъ. Представляя подлинники или копіи прежнихъ грамотъ, населеніе земли просило чтобы новая земская грамота была выдана „потомужъ“, какъ предыдущая, т. е., по возможности, безъ всякихъ отступленій отъ текста предыдущей грамоты. Такая просьба, какъ это видно изъ сравненія дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотъ, пожалованныхъ одной и той же землѣ въ различное время, обыкновенно исполнялась (см. ниже, примѣч. 33). Это обстоятельство чрезвычайно важно для насъ: благодаря ему, во всѣхъ дошедшихъ до насъ земскихъ грамотъ можно видѣть почти точныя копіи древнѣйшихъ, пожалованныхъ Витовтомъ и его ближайшими преемниками.

князей, отъ великого князя Витовта и Жикгимонта и Скиркгайла; и просили насъ, абы есмо имъ вси тые права и доброволеньства нашимъ привильемъ потвердили. 16—27.

3. *a*) и клали передъ нами привилей маестатъ счастноѣ памяти отца нашого Казимера короля его милости, штожъ отецъ нашъ, будучи ещо великимъ княземъ, поразумѣвши и убачивши ихъ къ его милости и тежъ къ предкомъ нашимъ вѣрную а справедливую службу,— ижъ предкове ихъ и они завжды у вѣрѣ своей заховалися [18]), и николи, часу пригоды на нихъ и налоги отъ розмантыхъ [19]) непріятелей великого князства Литовского, завжды неотступни были, а тому господару, который сѣдѣлъ на Вилни и на Троцехъ [20]), всякою вѣрною послугою служили и противу его непріятелей руку свою подносили ажъ до горла своего [21]), — отецъ нашъ, доброѣ памяти король Казимеръ, за тую вышей писаную вѣрность ихъ, хотѣчи имъ зъ особливоѣ своее ласки досыть вчинити, далъ имъ привилей свой. И послѣ того, въ кольку лѣтѣхъ [22]), его милость, вжо паномъ корунованымъ будучи [23]), со всими прелаты и паны радами [24]) своими смотрѣлъ ихъ съ паномъ Миколаемъ Радивиловичомъ, въ тотъ часъ какъ отъ его милости Смоленскъ держалъ, и судовые листы свои на то имъ подавалъ. 15—38.

b) Такожъ клали передъ нами третій листъ [25]) отца нашого, короля его милости, который его милость писалъ до пана Миколая жъ Радивиловича, о кривдахъ и о новинахъ, которые мѣсту Смоленскому часу его держанья дѣлалися. 180—185.

---

[18]) Всегда пребывали въ вѣрности.

[19]) Розмантый (rozmaity)—различный.

[20]) Т. е. великому князю Литовскому. При существованіи въ Литовскомъ государствѣ удѣльной системы, Вильна и Троки всегда составляли удѣлъ того изъ князей, которому принадлежалъ титулъ великаго князя.

[21]) Сражались противъ враговъ, не щадя своей жизни.

[22]) Нѣсколько лѣтъ спустя.

[23]) Т. е. будучи уже королемъ Польскимъ.

[24]) *Паны—рады*—члены Литовской Рады, или государственнаго совѣта вел. княжества Литовскаго. См. ниже примѣч. 120.

[25]) Первые два акта, представленные Смолянами, были, какъ это видно изъ предыдущаго пункта этой же самой грамоты: 1) уставная грамота, пожалованная Казиміромъ, и 2) „судовый листъ", данный Казиміромъ на имя Николая Радзивила. О составѣ Смоленской грамоты 1505 г. см. выше, стр. 83—84.

c) И тотъ листъ нашъ, который есмо до пана Юрья писали, тыми разы они передъ нами вказывали и били намъ чоломъ, абыхмо [26]) имъ тое все потвердили нашимъ листомъ. 250—253.

5[1]. и вказывали передъ нами листы доброѣ памяти отца нашого, короля Казимира его милости, и брата нашого короля Александра, што имъ дали право доброволное хрестіянское, и просили насъ, абыхмо то имъ нашимъ листомъ потвердили. 10—15.

5[2]. *(били намъ челомъ...)* о томъ, што перво сего доброѣ памяти отецъ нашъ Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій, и потомъ братъ нашъ Александръ король, и мы сами дали имъ право добровольное хрестіяньское и привильемъ нашимъ то имъ потвердили, по тому какъ отецъ нашъ далъ былъ имъ. Потомъ, какъ зъ Божьего допущенья зàмокъ нашъ Берестье згорѣлъ, тые права [27]), вси трои, были въ захованьи у писаря нашого, державцы Дорсунишского, пана Ивашка Горностаевича, зъ рѣчми его, въ дому нашомъ господарскомъ, и въ тотъ часъ огнемъ згорѣли; и онъ, будучи при насъ, на службѣ нашой, въ Краковѣ, намъ то объявилъ. Потомъ будучи намъ въ отчинѣ нашой великомъ князствѣ Литовскомъ, на великомъ вальномъ соймѣ [28]), они жъ били намъ чоломъ, абыхмо имъ, водлугъ тыхъ первыхъ правъ ихъ, знову дали право тоежъ добровольное и потвердили то имъ листомъ нашимъ на вѣчность [29]). 11—31.

6. (*били намъ челомъ*) о томъ, абыхмо держали ихъ подлѣ права ихъ земли, какъ было за отца нашого его милости короля Казимира и за брата нашого Александра короля, и подтвердили быхмо имъ нашимъ привилеемъ тыи права. 12—16.

7. *(Петръ Люба отъ имени повѣта Бѣльскаго)* насъ покорнѣ просилъ, ижь быхмо имъ права

(*Petrus Luba...*) humiliter supplicauit, ut ipsis jura et consuetudines hujusmodi, quales terrigenis

---

[26]) Чтобы мы.

[27]) „Тые права“ вм. привилеи; рѣчь идетъ о земскихъ грамотахъ, пожалованныхъ Казиміромъ, Александромъ и Сигизмундомъ.

[28]) *Вальный сеймъ*, т. е. всеобщій сеймъ (conventus generalis), въ которомъ участвовали представители отъ всѣхъ провинцій, входившихъ въ составъ государства. Такими представителями, надо думать, являлись въ эту эпоху (т. е. въ началѣ XVI в.) не выборные отъ шляхты, какъ это было послѣ Люблинской уніи, а высшіе чины мѣстнаго управленія въ отдѣльныхъ областяхъ, т. е. намѣстники, воеводы и старосты.

[29]) См вторую половину примѣч 16.

и обычаѣ таковѣ жъ дали, якъ есмо дали (*земянамъ*) повѣту Дорогицкого,... отецъ нашъ наймилѣйшій, добрей памети наяснѣйшій князь и панъ, Казимиръ король Польскій, великій князь Литовскій и далѣй, далъ и привиліями своими потвердилъ, кторе жъ мы потымъ особливыми привиліями потвердилихмы; 18—25.

districtus Drohicensis, genitor noster charissimus, diuae memoriae serenissimus princeps et dominus Casimirus rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae etc. dederat, genitor noster charissimus, et priuilegiis suis confirmauerat, quae nos postea specialibus priuilegiis nostris confirmauimus et approbauimus. 18—27.

IV. Резолюція государя на просьбу о выдачѣ уставной земской грамоты съ изложеніемъ мотивовъ, руководившихъ имъ при пожалованіи таковой грамоты.

1. Ино мы, зъ ласки нашое, за ихъ къ намъ вѣрную службу, пожаловали есмо ихъ тымъ, дали имъ нашъ листъ, потомужъ, какъ отецъ нашъ король его милость имъ далъ былъ: 17—21.

2. Мы бачучи, ижь яко предкове ихъ, такъ и они, завжды у суполной вѣрности заховали ся къ предкомъ нашимъ и къ намъ, и хотѣчи имъ тую сталость [30]) и вѣру и послугу ихъ щедробливостью нашою паньскою отдати, зъ особливоѣ ласки нашое господарськоѣ, вси тые доброволеньства, листы предковъ нашихъ, и отца и брата нашого, королей и великихъ князей ихъ милости, симъ нашимъ листомъ потвержаемъ, и права вольная хрестіянская добрая и справедливая симъ нашимъ привильемъ на вѣчные часы даемъ [31]). 27—38.

---

[30]) Сталость (stałość)—доблесть, постоянство.

[31]) Здѣсь, какъ и въ нижеслѣдующихъ грамотахъ (см. въ особенности грамоту подъ № 5[2]) мотивомъ выдачи уставной грамоты выставляются различныя заслуги населенія той или иной земли, въ награду за которыя яко-бы и жалуются этому населенію „зъ особливоѣ ласки господарськоѣ“ извѣстныя права. Все это надо понимать не въ буквальномъ смыслѣ. Если уставная грамота для продолженія своей обязательной силы дѣйствительно нуждалась въ санкціи всякаго вновь вступившаго на престолъ вел. князя, то, съ другой стороны, самыя права, содержащіяся въ каждой уставной грамотѣ, вовсе не основаны на личной милости того или другого вел. князя. Мы уже знаемъ, что эти права, на которыя населеніе земель смотрѣло, какъ на свою старину, покоятся на фундаментѣ болѣе прочномъ, каковымъ является историческое прошлое каждой земли въ отдѣльности: ея прежнее самостоятельное положеніе и тѣ условія, на которыхъ она присоединилась къ Литвѣ. Не слѣдуетъ также забывать и того, что какъ первоначальное признаніе земскихъ правъ и порядковъ древнѣйшими вел. князьями Литовскими, такъ затѣмъ и санкція этихъ правъ

3. *a*) Съ которого жъ привилья маестатного и листовъ судовыхъ его милости вси члонки [32]) выбравши, казали есмо вписати въ сесь [33]) нашъ листъ, и такъ ся въ собѣ маютъ, тымъ обычаемъ: [34]) 38—42.

b.) Далѣй его милость въ томъ привилеи своемъ выписалъ и иные члонки, къ полѣпшенью [35]) земли Смоленскоѣ. 95—98.

c.) Ино мы не только маючи взглядъ на то, ижъ предкове ихъ были вѣрни и у службахъ поволни [36]) предкомъ нашимъ, але вжо и часу счастного панованья нашого, противу непріятелемъ нашимъ они досыть чинили [37]) и намъ вѣрнѣ служили, яко господару своему отчинному и дѣдичному; 253—260.

4. вольности и ласки нижей выписаныи дали есмо и даемы

libertates et gratias infra scriptas, dedimus et concessimus, damus-

---

и порядковъ послѣдующими государями, вызывались вовсе не личными побужденіями и милостью ихъ, а извѣстными политическими цѣлями, государственною необходимостью. См. выше, стр. 47—48.

[32]) Пункты, статьи.

[33]) Въ сей.

[34]) Отсюда, между прочимъ, видно, что санкція прежней уставной грамоты выражалась въ переписываніи этой послѣдней и выдачѣ ея уже отъ имени того государя, который давалъ санкцію. Такимъ образомъ, текстъ прежней грамоты оставался въ неприкосновенности, измѣнялись же только вступительныя статьи, гдѣ излагается, кто, кому и почему жалуетъ грамоту, а также и заключительныя статьи, т. е. тѣ, въ которыхъ указывается, гдѣ, когда и въ присутствіи какихъ членовъ великокняжеской рады была выдана новая грамота. Впрочемъ, отъ этого общаго правила, обыкновенно соблюдавшагося при переписываніи прежней грамоты, дѣлались иногда отступленія: нерѣдко измѣненія происходили и въ основной части грамоты. Такія измѣненія, не нарушая сущности содержанія прежней грамоты, касались лишь частностей. Такъ, изъ сравненія двухъ Кіевскихъ грамотъ можно заключить, что въ позднѣйшую грамоту вносились необходимыя поясненія и дополненія, а съ другой стороны, въ нее не включались тѣ пункты прежней, которые ко времени выдачи подтвердительной грамоты уже утратили свой смыслъ, оказались почему-либо устарѣвшими. Всѣ такія измѣненія, совершавшіяся, по всей вѣроятности, по просьбѣ же самого населенія земли, ходатайствовавшаго о выдачѣ подтвердительной грамоты, приноровляли эту послѣднюю къ современному положенію дѣлъ, къ современнымъ потребностямъ населенія, и не позволяли, такимъ образомъ, закону отставать отъ жизни. Не такъ было въ Московскомъ государствѣ: тамъ санкція прежней уставной грамоты выражалась въ подписи имени новаго государя на оборотной сторонѣ грамоты, представленной для подтвержденія (см. „Уставныя грамоты" И. Загоскина, вып. I, стр. 64). Благодаря этому обстоятельству, вмѣстѣ съ буквою закона оставались неизмѣнными и тѣ положенія его, которыя въ извѣстную эпоху уже не соотвѣтствовали требованіямъ жизни.

[35]) Къ улучшенію быта.

[36]) Послушны, старательны.

[37]) Т. е. оказали достаточное сопротивленіе врагамъ государства.

черезъ тотъ листъ, яко часу и доброѣ памяти освѣцоного [38]) князя пана Витовта, и освѣцоного пана Казимира, отца нашого милого, великихъ князей Литовскихъ, мѣли и держали. 10—15.

que et concedimus per praesentes prout et quemadmodum temporum praeclari principis domini Witowdi, et serenissimi olim domini Casimiri genitoris nostri charissimi, magnorum ducum Lithvaniae, habuerunt et tenuerunt. 11—18.

5[1]. И мы вбачивши службу ихъ вѣрную, дали есмо имъ право доброволное хрестіянское, по тому какъ отецъ и братъ нашъ дали были имъ, духовнымъ и свѣтцкимъ, 15—19.

5[2]. Мы, зъ ласки нашое, за ихъ вѣрные и знаменитые къ намъ службы, ижъ они пильнѣ [39]) и охотнѣ и вѣрнѣ намъ заслуговали, и крови своее немало за насъ и за паньства наши [40]) съ поганьствомъ и съ иными непріятельми нашими розлили, и въ поганьскихъ рукахъ многіе съ нихъ у вязеньи будучи, окрутными смертьми и пятствы и обтяженьи, нужу пріймовали и терпѣли, а вѣру свою сталѣ и цнотливѣ и непорушнѣ заховали и заховываютъ къ намъ [41]), яко къ пану своему прирожоному дѣдичному,—тые права, водлѣ первоѣ данины славноѣ памяти отца и брата нашого королей ихъ милости, имъ всимъ знову даемъ и даруемъ, духовнымъ и свѣтскимъ. 31—45.

6. Ино мы на жаданье ихъ [42]) то вчинили; тыхъ правъ, которыи жъ они маютъ, какъ было за отца и брата нашого, имъ не рушаемъ, и на штожъ отецъ и братъ нашъ подавали имъ листы свои: [43]) 16—20.

7. и досвядчилихмы тыи уставы земянъ повѣту Белского, жедаючи лѣпшого, ажебы тежъ веселиі-

Nos, conditionem terrigenarum districtus Bielscensis, cupientes meliorem, et ut jure optato gaude-

---

[38]) „*Освѣцоный*“—эпитетъ, прилагавшійся къ особамъ княжескаго происхожденія; кромѣ этого титула, были въ употребленіи еще три: *велебный* для особъ духовныхъ, *урожоный* для дворянъ и *славетный* для мѣщанъ.

[39]) Ревностно, старательно.

[40]) Т. е. за великое княжество Литовское и королевство Польское.

[41]) Мѣсто это, обильное польскими словами, требуетъ перевода: „...многіе изъ нихъ, будучи въ плѣну, подверглись (одни) жестокой казни, (другіе) тюремному заключенію и всякимъ притѣсненіямъ, но все-таки неизмѣнно, доблестно и непоколебимо сохранили и сохраняютъ вѣрность свою намъ....“

[42]) По желанію ихъ.

[43]) Т. е. уставныя грамоты.

лися зъ жедаючего права и они; тежъ тыижъ права, яко повѣту Дорогицкому суть даны, даемы и далихмо имъ, и нинѣйшими листы доводимъ мы теперъ и на вѣки; а вшакожъ хтѣлихмо, ажьбы таковѣ права и обычаѣ, такъ презъ насъ онымъ даные, по члонку выписаны были. 25—33.

rent, ipsis eadem jura prout terrigenis districtus Drohicensis *data* [44]) *sunt, damus et dedimus et praesentibus litteris significamus nunc et in posterum: sed tamen voluimus ut hujusmodi jura et consuetudines sic a nobis datae articulatim conscriberentur.* 27—35.

Б. Мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ.

V. Подтвержденіе всѣхъ земскихъ правъ и обычаевъ, санкціонированныхъ грамотами прежнихъ великихъ князей [45]).

4. *a*) Тежъ хочемъ ласками и пріязньми нашими и даръми (ихъ) находити [46]), яко ихъ панове княжата, Витовтъ и отецъ нашъ Казимиръ въ даню и дарованю суть заховали. 20—23.

Item volumus eos gratiis, donis et fauoribus prosequi, quibus eos domini duces magni Witowdus et genitor noster Casimirus in dando et donando sunt prosequuti. 24—28.

b) абовемъ [47]) тыи вси [48]) при тыхъ правахъ зоставуемъ, которыи права были имъ даны черезъ короля Владыслава и князя Витовта и отца нашого [49]). 79—82.

Nam eos omnes circa omnia praemissa, reliquimus et relinquimus, quae per divum Vladislaum et ducem Witowdum et genitorem nostrum, erant eis concessa. 92—96.

---

[44]) Начиная съ этого слова, все, напечатанное курсивомъ, вставлено (на основаніи русскаго текста) издателемъ „Zbiór praw litewskich“, такъ какъ въ Варшавской копіи Литовской Метрики, откуда гр. Дзялынскій заимствовалъ латинскій текстъ Бѣльской грамоты, указанное мѣсто пропущено. См. „Zb. pr. lit.“, p. 83.

[45]) Мѣста грамотъ, включенныя въ настоящую статью, указываютъ, что дошедшія до насъ земскія грамоты основаны на древнѣйшихъ, выданныхъ преимущественно въ концѣ XV в. для подтвержденія исконныхъ правъ и обычаевъ отдѣльныхъ земель. Такія же указанія находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ грамотъ, которые по своему содержанію отнесены къ различнымъ отдѣламъ свода.

[46]) Оказывать имъ.

[47]) Итакъ.

[48]) Т. е. всѣ названные выше классы населенія.

[49]) Рѣчь идетъ о подтвержденіи правъ и обычаевъ, санкціонированныхъ грамотами Владислава—Ягелла, Витовта и Казиміра.

c) Тежъ, на остатокъ [50]), вси листы и привилеи, иншымъ бояромъ и шляхтѣ и всему посполь-ству въ земли Жомонтской, черезъ освѣцоные короли Владыслава и Казимера и черезъ Витовта и Жыгимонта [51]) великіи князи Литовскіи и иншыи, даные, тымъ привилеемъ нашимъ знову обновляючи и потвержаючи, потвержаемъ и умоцняемъ, ижъбы тотъ привилей нашъ мѣлъ вѣчную моцность [52]), 127—135.

Item et novissima, omnes litteras, privilegia, gratias et libertates, bojaris, nobilibus, et toti communitati in terris Samogitiae nostris, per serenissimos dominos, Vladislaum et Casimirum reges, Witowdum, Sigismundum, magnos duces Lithvaniae, ceterosque datas et concessas patrocinio: praesentis nostri privilegii, de novo innovantes, confirmantesque: approbamus, gratificamus, ratificamus et roboramus, decernentes eosdem, perpetuum robur obtinere. 141—152.

5[1]. бо мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все по тому мѣти, какъ будетъ было за великого князя Витовта и за Жикгимонта [53]). 203—206.

6. И мы тыхъ привилеевъ правъ отца и брата нашого ихъ милости выслухавши [54]), и такъ же есмо ихъ при всихъ тыхъ вышеписаныхъ рѣчехъ зоставили, которыи жъ выписаны и меноваиы въ

---

[50]) Въ заключеніе.

[51]) Сигизмунда Кейстутьевича.

[52]) Вѣчную силу.

[53]) Въ подтвердит. грам. 1529 г. все это мѣсто выпущено.

[54]) Представленная для новаго подтвержденія уставная земская грамота предварительно прочитывалась въ присутствіи пановъ—рады тому государю, предъ которымъ ходатайствовало населеніе о новой санкціи; за чтеніемъ иногда слѣдовали заявленія депутаціи отъ земли, представившей для подтвержденія свою грамоту, о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ этой послѣдней, которыя были желательны для населенія. Обыкновеннымъ результатомъ всего этого было приказаніе, данное великокняжеской канцеляріи, объ изготовленіи подтвердительной грамоты, на основаніи прежней (съ измѣненіями или безъ нихъ), отъ имени государя, давшаго грамотѣ новую санкцію. Изготовленная подъ присмотромъ канцлера великаго княжества Литовскаго, грамота переписывалась (копія вносилась въ текущую книгу канцеляріи) и, скрѣпленная подписью писаря и печатью государя, подносилась ему для подписи. Впрочемъ, такая подпись не считалась необходимою: обыкновенно уставныя грамоты выдавались со скрѣпою только писаря, а еще чаще—съ одною лишь великокняжескою печатью. См. ниже статьи свода CXI и CXIII.

тыхъ правѣхъ отца и брата нашого, и то имъ потвержаемъ симъ нашимъ привилеемъ, ижъ то имъ маетъ держано быти [55]). 134—141.

VI. Обѣщаніе государя, дающаго уставную грамоту, охранять и соблюдать заключающіяся въ ней права и постановленія и не допускать нарушенія ихъ со стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ [56]).

3. а про то, зъ ласки нашое, для ихъ вѣрноѣ службы, вси тые вышейписаные доброволенства, подлугъ привилея [57]) и листу судового отца нашого короля его милости, и подлугъ того листу, который его милость до пана Миколая Радивиловича писалъ о кривдахъ и о повинахъ мѣста Смоленского, и тежъ подлѣ нашого листу, который есмо до пана Юрья Глѣбовича писали,—маемъ мы и наши намѣстники имъ и по нихъ будучимъ держати, и потвержаемъ имъ то симъ нашимъ листомъ, вѣчно и непорушно, на вѣки вѣкомъ [58]). 260—271.

4. А тыи вси речи пречоныи, што уверху писано, обѣцуемъ имъ, подъ присягою, ховати и держати. 124—126.

Et haec omnia supra scripta, sub juramento promittimus, firmiter eis servare et tenere. 139—141.

5[2]. И тое право, данное имъ отъ насъ и отъ предковъ нашихъ маемъ во всемъ держати и ни въ чомъ не рушити [59]). А естли бы

---

[55]) „И мы тѣ (представленные) привилеи ихъ милостей отца и брата нашего (т. е, велик. кн. Казиміра и Александра) выслушавъ, въ свою очередь ихъ (т. е. челобитчиковъ) оставляемъ при всѣхъ тѣхъ правахъ и обычаяхъ, которые вписаны и перечислены въ привилеяхъ отца и брата нашего, и все это имъ подтверждаемъ симъ нашимъ привилеемъ (и обѣщаемъ), что все это будетъ соблюдаемо“.

[56]) Въ настоящей статьѣ заключаются интересныя указанія на то, какъ верховная власть опредѣляла отношенія свои и своихъ мѣстныхъ органовъ къ правамъ населенія, гарантированнымъ уставною земскою грамотою.

[57]) Т. е. согласно съ уставною земскою грамотою, пожалованною Казиміромъ.—Подробнѣе объ актахъ, вошедшихъ въ составъ Смоленской земской грамоты 1505 г. и перечисленныхъ здѣсь, см. выше стр. 83—84.

[58]) См. слѣд. примѣчаніе.

[59]) Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ грамотахъ, уставная грамота объявляется актомъ, имѣющимъ обязательную силу для верховной власти: глава государства обязуется не нарушать дарованной землѣ грамоты, но во всемъ сообразовываться съ ея содержаніемъ; такое же обѣщаніе, выраженное въ Жмудской грамотѣ (см. въ этой же статьѣ грамоту подъ № 4), подкрѣплено присягою. Однако, прямого приказанія мѣстнымъ правительственнымъ органамъ сообразовывать свою дѣятельность съ пожалованными населенію грамотами,—приказанія, какое постоянно включалось въ уставныя грамоты Московскаго госу-

воеводы наши Кіевскіе нынѣшніе и потомъ будучіе хотѣли имъ въ чомъ—кольвекъ [60]) кривду и утисненье вчинити, тогды мы и потомкове наши будемъ повинни того боронити, и не допускати никоторыхъ члонковъ съ тыхъ правъ рушити, и предься маемъ ихъ суполнѣ а моцнѣ держати и боронити, абы были въ тыхъ вольностехъ захованы и ни въ чомъ не рушоны, на вѣчные часы [61]). 284—295.

В. Основныя земскія права.

VII. Положеніе отдѣльной земли въ составѣ всего государства. (Удостовѣреніе, что Жмудская земля присоединилась къ государству Литовскому вполнѣ добровольно).

4. Напервѣй, хочемъ, ижъ имъ жадны не маетъ мовити, альбо на очи истить, ижь бы презъ мечь, альбо черезъ оныи валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали [62]). 16—19.

Imprimis itaque volumus, quod nullus ipsis obiicere debet, quod gladio aut armis essent expugnati et acquisiti, ad nostramque reducti obedientiam, sed quia nobis benevole adhaeserunt. 19—23.

дарства,—въ нашихъ грамотахъ мы не находимъ: здѣсь такое приказаніе подразумѣвалось само собою, такъ какъ глава государства обязывался соблюдать всѣ постановленія грамоты не только за себя, но и за своихъ чиновниковъ. См. примѣч. 61.

[60]) Въ чемъ-либо.

[61]) Великій князь за себя и своихъ преемниковъ обязуется предъ населеніемъ земли защищать его отъ всякихъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей (воеводъ, по Смоленск. грамотѣ—намѣстниковъ) и не допускать этихъ послѣднихъ въ чемъ-либо нарушать права и постановленія, заключающіяся въ пожалованныхъ уставныхъ грамотахъ. Такимъ образомъ, права населенія, изображенныя въ уставныхъ земскихъ грамотахъ, торжественно провозглашаются неприкосновенными какъ для самой верховной власти (см. прим. 59), такъ равно и для мѣстныхъ ея органовъ.

[62]) Смыслъ тотъ: никто не смѣетъ упрекать Жмудиновъ, что они были побѣждены и присоединены къ государству силою оружія, ибо Жмудь присоединилась вполнѣ добровольно.—Происхожденіе этого пункта уставной Жмудской грамоты относится ко времени вокняженія Казиміра, когда Жмудская земля, недовольная, между прочимъ, своимъ старостою Кезгайломъ, возстала и пригласила къ себѣ княземъ претендента на великокняжескій престолъ Михаила, сына убитаго вел. кн. Сигизмунда Кейстутьевича. Яну Гаштольду удалось, однако, не прибѣгая къ оружію, уговорить Жмудиновъ покориться Казиміру добровольно (см. выше стр. 63). Въ подтвердительной Жмудской грамотѣ, данной королемъ Генрихомъ въ 1574 г., этотъ же пунктъ изложенъ гораздо пространнѣе: „Ижъ продки обывателей земли Жомойтскоѣ ихъ милости продкомъ нашимъ великимъ княземъ Литовскимъ сами добровольнѣ подъ панованье ся поддали, а не мечомъ, а ни кгвалтомъ до того

VIII. Недѣлимость и цѣльность состава земли.

3. А што Швитригайло отвернулъ былъ волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость привернулъ къ Смоленску; и што великій князь Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю [63]) Смоленскоѣ волости Молоховскіи люди, и тые люди его милость опять привернулъ къ Молохвѣ, по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ никому не держати, нижьли бояромъ Смоленьскимъ же [64]). 77—85.

IX. Право земскихъ бояръ на управленіе волостями земли; управленіе пригородами.

3. А што волости держивали бояре Смоленскіе, то таки ихъ держати по старому, какъ пожалуемъ которого боярина Смоленского которою волостью [65]). 73—77.

притѣснены...; и яко то на привильяхъ отъ ихъ милости князей Литовскихъ имъ есть варовано, такъ и мы господарь то признаваемъ, ижь *они яко до продковъ нашихъ* вел. кн. Литовскихъ, *такъ и до насъ* господаря, за добровольнымъ обраньемъ, *яко вольный народъ приступили*" (Ак. Зап. Рос. III, № 59).

[63]) Мстиславль (нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи; лежитъ къ западу отъ р. Сожи) при Витовтѣ былъ отданъ (около 1420 г.) въ удѣлъ одному изъ сыновей Ольгерда, Лугвенію (Stadnicki: „Bracia Wł.—Jag.", 291); тогда же, по всей вѣроятности, были увеличены его владѣнія на счетъ территоріи Смоленской земли.

[64]) Всякая попытка нарушить древній составъ земли, попытка уменьшить ея территорію путемъ присоединенія отдѣльныхъ ея частей къ др. территоріальнымъ единицамъ считалась нарушеніемъ одного изъ основныхъ правъ земли,—права на недѣлимость и цѣльность ея состава. Вотъ почему волости, самовольно отторгнутыя Свидригелломъ и Витовтомъ, снова присоединяются къ Смоленской землѣ, и снова возстановляется право Смоленскихъ бояръ управлять этими волостями (см. слѣд. примѣч.). Все это показываетъ, что представленіе о территоріальномъ единствѣ земли не только сохранилось въ сознаніи населенія, но не было также чуждо и самому правительству; такое представленіе поддерживалось какъ памятью о былой независимости земли, такъ и послѣдующимъ положеніемъ дѣлъ, тою значительною самостоятельностью въ административномъ и судебномъ управленіи, какою пользовались отдѣльныя земли при Литовскихъ в. князьяхъ.

[65]) Управленіе отдѣльными волостями земли принадлежитъ туземцамъ, а именно оно является исконнымъ („по старому") правомъ земскихъ бояръ. „Это право, дѣйствовавшее повсюду, состояло въ томъ, что управленіе волостями (но не пригородами) распредѣлялось по очереди, по годамъ между земскими боярами старшаго города, въ чемъ отразилась древнѣйшая власть старшаго города надъ его землею" (М. Ф. В.-Будановъ: „Христоматія" вып. 2, стр. 57). Это же право Смоленскихъ бояръ признано и въ отношеніи къ волостямъ, отторгнутымъ отъ Смоленской земли Свидригелломъ и Витовтомъ и

5[1]. А волости Кіевскіе Кіяномъ держати, а иному никому. А городки Кіевскіе въ нашой воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити [66]). 101—104.

5[2]. А городки и волости Кіевскіе Кіяномъ держати, а никому иному: будемъ ихъ давати, кому ся будетъ годити [67]). 126—128.

X. Обѣщаніе вел. князя не жаловать никого волостями и городами земель и въ частности не жаловать воеводъ управленіемъ центральнаго города земли на правахъ владѣнія по частному праву [68]).

1. А Витбляны намъ не даритися никому. 74—75.
2. *a*) А Полочаны намъ не даритися никому. 193—194.
   b) А воеводу городомъ не дарити [69]). 230.

вновь присоединеннымъ къ ней Казиміромъ (см. конецъ предыд. статьи свода). О правѣ бояръ Полоцкихъ управлять волостями въ земской Полоцкой грамотѣ не упоминается, но изъ другихъ актовъ мы узнаемъ, что оно существовало и въ Полоцкой землѣ: бояре Полоцкіе управляли по годамъ волостями, судили тамъ и рядили. См. Ак. Зап. Рос. I, № 175 (ак. отъ 1499 г.).

[66]) Относительно волостей Кіевской земли подтверждается то же право земскихъ бояръ, о которомъ было сказано въ предыдущемъ примѣчаніи. Что же касается пригородовъ („городковъ"), то хотя намѣстничество въ нихъ принадлежитъ исключительно туземцамъ, но право назначить намѣстникомъ въ пригородъ того или другого изъ уроженцевъ Кіевской области принадлежитъ уже князю: онъ воленъ назначить для управленія пригородомъ того, кого онъ найдетъ пригоднымъ для этой цѣли.

[67]) Здѣсь, въ подтвердительной грамотѣ 1529 г., замѣчается сравнительно съ грамотою предыдущею существенное измѣненіе: относительно управленія пригороды и волости сравнены,—и въ тѣ, и въ другія управителями назначаются туземцы, но выборъ опредѣленнаго лица зависитъ исключительно отъ усмотренія великаго князя.

[68]) Случаи отдачи городовъ и цѣлыхъ волостей въ управленіе съ правами владѣнія по частному праву были нерѣдки въ Литвѣ. Такъ, напр., въ 1450 г. вел. кн. Казиміръ пожаловалъ кн. Ив. Андр. Можайскому г. Брянскъ (Ак. Запад. Рос. I, № 52); въ 1499 г. вел. кн. Александръ пожаловалъ кн. Ѳедору Ив. Ярославичу г. Пинскъ со всѣми волостями и на жалобу жителей Пинска, вызванную различн. притѣсненіями, отвѣчалъ въ 1501 г.: „коли есмо дали ему (кн. Ѳед. Ярославичу) тотъ городъ у вотчину, мастъ его держати, такъ какъ-то отчичъ, прибавляючи и разширяючи, какъ то самъ налѣпѣй розумѣючи, какъ-то господаръ отчинный свое имѣнье, подлугъ данины и листовъ отца нашого и нашихъ..." (Ак. Зап. Рос. I, № 191).

[69]) Въ подтвердительной грамотѣ 1547 г.: „А воеводу городомъ не даровати".— Смыслъ всѣхъ этихъ мѣстъ окончательно уясняется при сравненіи ихъ съ параллельнымъ пунктомъ подтвердительной грамоты 1510 г., данной г. Полоцку на магдебургское право: „*А намъ мѣщаны Полоцкими, а ни ихъ землями ни кого не даровати*" (Ак. Запад. Рос. II, № 61, стр. 77).

XI. Объ участіи населенія земель въ назначеніи и смѣнѣ воеводъ, старостъ и другихъ лицъ мѣстнаго управленія.

1. Такожъ имъ намъ давати воеводу по старому, по ихъ воли; и который имъ будетъ нелюбъ воевода, а обмовятъ его передъ нами: ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли [70]); 91—95.

2. Также намъ господару девати воеводу нашого Полочаномъ, по ихъ воли; а который будетъ воевода нашъ нелюбъ имъ, ино намъ имъ воеводу иншого дати по ихъ воли [71]); 222—226.

4. *a*) Тежъ старосту которого бы хотѣли мѣти, того имъ даемъ, а вѣдь же зъ нашою волею [72]). 42—43.

Item capitaneum, quem habere voluerint eis dabimus, nostra tamen voluntate etiam ad hoc accedente. 50—52.

---

[70]) По мѣрѣ уничтоженія въ Литовско-Русскомъ государствѣ удѣльной системы, удѣлы преобразовывались въ намѣстничества. Намѣстникъ соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: вмѣстѣ съ военною властью онъ обладалъ и властью судебною и административною. Такими намѣстниками были при Витовтѣ извѣстные намъ—Монтыгирдъ въ Полоцкѣ и кн. Іоаннъ Гольшанскій въ Кіевѣ, а при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ—Іоаннъ Гаштольдъ въ Смоленскѣ. Иногда при этихъ намѣстникахъ въ качествѣ помощниковъ состояли воеводы; такъ, напр., при Гаштольдѣ въ Смоленскѣ былъ воеводою Саковичъ (см. выше стр. 59). Нѣсколько позже, приблизительно съ половины XV в., когда связь отдѣльныхъ земель съ государствомъ упрочилась, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ въ главные города земель посылаются воеводы, которые становятся во главѣ мѣстнаго управленія. Такъ, напримѣръ, для управленія Кіевскою землею при Казимірѣ назначенъ былъ воеводою Мартынъ Гаштольдъ; также точно и въ Полоцкъ и въ Витебскъ посылаются уже съ половины XV в. не намѣстники, а воеводы. Въ Смоленскѣ же и въ началѣ XVI в. во главѣ управленія оставался попрежнему намѣстникъ. Существенное отличіе прежняго намѣстника отъ воеводы, стоявшаго во главѣ земли, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что намѣстникъ назначался исключительно великимъ княземъ и при томъ большею частью пожизненно, выборъ же воеводы зависѣлъ, какъ это видно изъ нашихъ грамотъ, отъ населенія той или иной земли; послѣднее обстоятельство ставило воеводу въ зависимость отъ этого населенія: по жалобѣ его (см. настоящую статью свода) воевода могъ быть смѣщенъ, а при вступленіи на свой постъ обязанъ былъ цѣловать крестъ населенію въ томъ, что будетъ справедливымъ и безпристрастнымъ судьею (см. ниже статью свода XLIV). Право участія (нѣкоторыхъ) земель въ назначеніи и смѣнѣ воеводъ,—право, которое считалось древнимъ („давати воеводу по старому, по ихъ воли"),—являлось лучшею гарантіей населенія отъ произвола и всякихъ беззаконій какъ со стороны воеводы, такъ и со стороны его чиновниковъ. Ко всему сказанному слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что въ началѣ XVI в. термины „воевода" и „намѣстникъ" употреблялись нерѣдко довольно безразлично; такъ, воевода Полоцкій Станиславъ Глѣбовичъ названъ въ одномъ актѣ 1503 г. намѣстникомъ (Ак. Запад. Рос. I, № 210); воевода Кіевскій въ земской

b) Тежъ жадныхъ иншыхъ воеводъ и тивуновъ не мамы имъ давати, одно тыхъ, которыхъ бы они собѣ обрали, альбо хотѣли обрати, (съ) своихъ повѣтовъ, або которыхъ бы у насъ просили [73]). 97—101.

Item nullos alios wojewodos et civonos eis dabimus, solummodo quos ipsi elegerint, vel eligent de districtibus suis, et quos a nobis petant. 112—115.

XII. Обѣщаніе вел. князя не посылать жителей земли, получающей устав. грамоту, въ др. города для гарнизонной службы, а равно безъ ихъ согласія не присылать къ нимъ гарнизоновъ.

1. *a*) а въ заставу [74]) нигдѣ Витблянъ не сажати. 47—48.
b) а мѣстичовъ Витебскихъ зъ города Витебска не вести вонъ. 123—125.

грамотѣ 1507 г. названъ также намѣстникомъ, и неточность эта исправлена лишь въ подтвердительной грамотѣ 1529 года.

[71]) Въ подтвердит. Полоцкой грамотѣ 1547 г. слова: „а который будетъ...“ и т. д. до конца—опущены.

[72]) Во главѣ мѣстнаго управленія въ Жмудской землѣ со временъ Витовта стоялъ не намѣстникъ и не воевода, а староста. Первымъ старостою всей Жмуди былъ Кезгайло, назначенный Витовтомъ въ 1413 г., тотчасъ послѣ крещенія Жмудиновъ. Староста Жмудской земли (а также старосты въ землѣ Бѣльской и Волынской) по объему власти былъ равенъ намѣстнику или воеводѣ другихъ земель; его поэтому не слѣдуетъ смѣшивать съ другими старостами, стоявшими въ главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ и зависимыхъ отъ воеводы.

[73]) Какую роль играли въ мѣстномъ управленіи Жмудскіе воеводы, сказать трудно; ясно только, что они стояли ниже Жмудскаго старосты и были ему подчинены. Весьма вѣроятно, что они были начальниками военныхъ силъ отдѣльныхъ повѣтовъ земли. Что касается *тивуновъ* (тіуновъ), то они выбирались населеніемъ и утверждались великимъ княземъ, главнымъ образомъ, для отправленія правосудія въ отдѣльныхъ повѣтахъ. Жмудскіе тивуны присутствовали также и на судѣ старосты, который не могъ судить „безъ пановъ тивуновъ“ (Ак. Запад. Рос. II, № 221). Изъ Судебника 1468 г. (ст. 9—10) видно, что тивуны не только судили, но и управляли отдѣльными повѣтами. Для управленія великокняжескими имѣніями и для суда въ предѣлахъ этихъ имѣній назначались также тивуны. Тивуны были переименованы Л. Статутомъ 1529 г. въ *державцевъ*, при чемъ за ними было оставлено право судить лишь тяглыхъ людей (Лит. Ст. 1529 г., р. VI, ар. 33). Впрочемъ, указанное постановленіе Статута, очевидно, не относилось къ Жмудской землѣ, такъ какъ въ этой послѣдней тивуны сохранили свое прежнее значеніе до конца XVI в. (Ак. Зап. Рос. III, № 59).

[74]) „Застава“ (см. Slownik Lindego, t. VI, p. 906—907) значитъ не только закладъ, залогъ, но также и отрядъ войска, гарнизонъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ упо-

2. А въ заставу намъ бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ и посельскихъ путниковъ [75]) не посылати; а заставъ намъ въ Полтескъ никоторыхъ Полочаномъ николи не давати, безъ ихъ воли. 103—107.

XIII. Обѣщаніе не производить суда за предѣлами земли.

1. Такожъ который ся отъ насилья жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, пріѣхавъ въ Литву: и безъ истьца [76]) намъ на него дѣцкого [77]) зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашому воеводѣ, хотя бы о смертной винѣ [78]), 110—116.

треблено слово „застава" въ Лѣтописи Быховца (стр. 36); въ этомъ же смыслѣ мы понимаемъ его и въ данномъ случаѣ. См. также ниже ст. XXX и Ак. Запад. Рос., II, № 221, п. 1.

[75]) О Полоцкихъ *посельскихъ путникахъ*, которые назывались также „сельскими путниками" или просто „путниками" (путные люди, п. слуги), мы имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, заключающіяся въ различныхъ актахъ, относящихся къ г. Полоцку и Полоцкой землѣ. Полоцкіе путники—люди лично свободные—владѣли (какъ и мѣщане) на правѣ собственности землями, лежавшими вокругъ города и приписанными къ городу, а также и дворами и домами въ городѣ (Ак. Запад. Рос. I, № 175). Главная ихъ обязанность заключалась въ сопровожденіи великокняжескихъ пословъ, которымъ они должны были также давать подводы (ibid.); кромѣ того, вмѣстѣ съ мѣщанами они обязаны были являться для защиты города (зàмка), содержать караулы при острогѣ и платить подати (ibid. №№ 159, 210). Когда дано было Полоцкимъ мѣщанамъ Магдебургское право (въ 1498 г.), оно было распространено и на путниковъ (ibid. № 159); впослѣдствіи, однако, они были изъяты изъ вѣдѣнія мѣщанскаго суда и причислены къ городскому (замковому)присуду (ibid. № 210). Все сказанное относится лишь къ путникамъ Полоцкимъ и Витебскимъ (см. ст.LXI). Въ нѣсколько иномъ положеніи путники находились въ др. областяхъ Литовско-Русскаго государства. Въ различныхъ актахъ они обыкновенно называются *путными боярами* (см., напр., Ак. Запад. Рос. II, № 159 III, № 19); и упоминаются на ряду съ *боярами панцырными;* первыхъ отъ вторыхъ обыкновенно различаютъ (В. Б. Антоновичъ, Ѳ. И. Леонтовичъ, И. Бѣляевъ) тѣмъ, что первые несли военную службу, а вторые развозили грамоты (листы), сопровождали господарскихъ пословъ и т. п. И тѣ и другіе пользовались за свою службу участками земли или въ господарскихъ, или въ частныхъ имѣніяхъ и, чьей землею пользовались, тому и служили. Бояре путные, поселенные на земляхъ господарскихъ, обыкновенно получали по 2 волоки земли, уплачивали различные налоги, но отъ тяглыхъ службъ были свободны; отправлялись же „въ путь" лишь по приказанію господаря (Ак. Запад. Рос., III, № 19, стр. 72). По поводу путныхъ и панцырныхъ бояръ К. И. Бестужевъ-Рюминъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „слово бояринъ въ земляхъ литовскихъ имѣло не всегда одно и тоже значеніе: въ нѣкоторыхъ земляхъ (Кіевской, Полоцкой и—прибавимъ отъ себя—Витебской и Смоленской) бояре сохранили значеніе шляхты и поминаются рядомъ съ князьями и панами; въ др. мѣстахъ они сошли на степень еще болѣе низкую, чѣмъ восточно-русскія *дѣти боярскія*, ибо служатъ не только господарю, но и панамъ" (Рус. Истор. II, 93).

2. А который Полочанинъ имѣтъ намъ о чемъ жаловатися о насильи на Полочанина жъ, пріѣхавши въ Литву одинъ, безъ истца: намъ зъ Литвы дѣцкого не слати, писати намъ листъ свой къ воеводѣ нашому, хотя бы о смертной винѣ: [79]) 238—242.

4. Тежъ дѣцкихъ только по рѣку Несвѣжу маемъ слати [80]). 40—41.

Item ministeriales, alias dzieczkie ultra fluvium Nieswieza mittere non debemus. 47—49.

---

[76]) Т. е. безъ отвѣтчика. Здѣсь, какъ и въ другихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ (напримѣръ, въ Русской Правдѣ, Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ), обѣ тяжущіяся стороны именуются одинаково „истцами“.

[77]) *Дѣтскій* (дѣцкій)—исполнительный чиновникъ (приставъ), на которомъ лежала, между прочимъ, обязанность требовать къ суду отвѣтчика.

[78]) См. слѣд. примѣчаніе.

[79]) Смыслъ этого и параллельнаго ему мѣста Витебской грамоты (№ 1) таковъ: если какой-либо Полочанинъ (или Витеблянинъ) принесетъ великому князю жалобу по уголовному дѣлу („отъ насилья жаловати будетъ“) на своего согражданина, явившись для этого въ Литву одинъ, безъ отвѣтчика, то великій князь не долженъ требовать къ своему суду отвѣтчика, а можемъ только написать мѣстному воеводѣ о производствѣ слѣдствія и суда на мѣстѣ жительства обѣихъ сторонъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы отвѣтчикъ за свое преступленіе, доказанное на судѣ, подлежалъ смертной казни.—По поводу приведеннаго мѣста Витебской грамоты М. Ф. В.-Будановъ замѣчаетъ: „Высшая судебная власть исходитъ отъ государя не какъ вел. кн. Литовскаго, а какъ князя Земли Витеб- (или другой); потому судъ не м. б. производимъ за предѣлами Земли Витебской“ (Христоматія, II, 50). Добавимъ къ этому, что судъ не м. б. производимъ за предѣлами земли еще и потому, что судъ надъ всякимъ гражданиномъ той или иной земли долженъ производиться подъ контролемъ (съ участіемъ) представителей земства и при томъ по мѣстному обычному праву земли (см. ст. свода LXXXIX). Правило, по которому судъ не м. б. производимъ за предѣлами земли, распространялось на всѣ уголовныя дѣла и было общимъ для всѣхъ древне-русскихъ земель; по крайней мѣрѣ уже изъ нашихъ грамотъ видно, что оно имѣло силу не только въ Полоцкой и Витебской, но также и въ Кіевской и въ Волынской земляхъ, хотя въ уставныхъ грамотахъ двухъ послѣднихъ земель оно прямо и не выражено (см. примѣч. къ XXIX ст. свода). Единственное исключеніе изъ этого общаго правила (какъ, кажется, можно заключить изъ смысла разсматриваемыхъ мѣстъ Витебской и Полоцкой грамотъ) допускалось лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны—и потерпѣвшій и отвѣтчикъ—добровольно рѣшали обратиться къ суду вел. князя (см. слова: „одинъ, безъ истца“). О судѣ по дѣламъ гражданскимъ см. примѣчаніе къ ст. XCII.

[80]) Рѣка Несвѣжа, т. е. Нѣвяжа (сѣверный притокъ р. Нѣмана, впадающій въ него къ западу отъ г. Ковно) отдѣляла Жмудь отъ Литвы. Запрещеніемъ посылать дѣтскихъ за р. Нѣвяжу, т. е. въ предѣлы Жмуди, выражается въ сущности тоже, что въ выше приведенныхъ пунктахъ Витебской и Полоцкой грамотъ: судъ надъ Жмудиномъ не можетъ производиться за предѣлами Жмудской земли. Что рѣка Нѣвяжа служила границею Жмудской земли со стороны Литвы, это видно изъ подтвердительной Жмудской грамоты 1574 г. и др. актовъ. См. Ак. Зап. Рос. III, № 59, п. 11; II, № 221, пп. 5—6.

XIV. Обѣщаніе вел. князя не мѣнять судебныхъ рѣшеній, получившихъ законную силу.

1. *a*) А предковъ нашихъ великихъ князей судовъ не посуживати [81]); 35—36.

b) а своихъ судовъ, судивши, не посуживати; 38—39.

2. А старыхъ судовъ намъ не посуживати [82]). 102—103.

XV. Право населенія производить судъ о вѣсахъ и мѣрахъ и торговыхъ проступкахъ.

1. Такожъ и въ вѣсы Витебскіи, а ни въ локоть намъ не вступатися [83]); а коли который Витблянинъ у вѣсѣхъ проступитъ, або у локти [84]): ино Витбляномъ самимъ казнити виноватого, по своему праву, а намъ въ то не вступатися. А въ которого Витблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ, або индѣ, а пріѣдетъ до Витебска: ино Витбляномъ, самимъ, казнити виноватого, а намъ въ то не вступатися [85]). 62—70.

2. Также въ которого Полочанина загудятъ воскъ въ Ризѣ или индѣ, а пріѣдетъ до Полоцка: ино Полочаномъ взяти тотъ воскъ къ собѣ

---

[81]) „Не посуживати" — не пересуживать, не перевершать законченныхъ дѣлъ. Судебныя рѣшенія, получившія законную силу, не перемѣняются и не отмѣняются.

[82]) Этотъ пунктъ о неповторяемости судебныхъ рѣшеній (по одному и тому же дѣлу) въ подтвердительной грамотѣ 1547 г. дополненъ, по примѣру грамоты Витебской, словами: „а ни своихъ судовъ судивши не посуживати".

[83]) Въ дѣла торговыя (во все, что имѣетъ связь съ вѣсомъ и мѣрою) великій князь не долженъ вмѣшиваться.—Локоть—линейная мѣра=почти 14 вершкамъ. Впрочемъ, различался локоть Литовскій и Польскій; послѣдній нѣсколько менѣе перваго.

[84]) Здѣсь разумѣется не только простой (хотя и умышленный) обмѣръ и обвѣсъ при продажѣ, куплѣ и мѣнѣ товаровъ, но также обмѣръ и обвѣсъ квалифицированный, произведенный съ помощью умышленнаго употребленія невѣрныхъ вѣсовъ или мѣръ, образцы которыхъ въ такихъ торговыхъ городахъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ и Витебскъ, хранились обыкновенно въ соборномъ храмѣ главн. города земли вмѣстѣ съ другими предметами, имѣвшими общественное значеніе.

[85]) Если у какого-либо Витеблянина воскъ, привезенный для продажи въ Ригу или въ иной городъ, будетъ забракованъ, найденъ недоброкачественнымъ (подразумѣвается, что эта недоброкачественность воску была извѣстна продавцу), то таковой Витеблянинъ, по возвращеніи своемъ на родину, подвергается суду (общинному) и наказывается по мѣстному праву, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло вел. князя.

въ городъ [86]), а казнити того [87]) Полочаномъ по своему праву, а намъ въ то ся не вступати [88]). 186—191.

XVI. Огражденіе личности гражданъ земли отъ посягательства со стороны властей. (Одьщаніе вел. князя наказывать только по суду и по степени вины и не карать по одному доносу, безъ предварительнаго гласнаго суда).

1. *a*) а о обадѣ исправа дати [89]). 34—35.

b) чинити намъ зъ Витбляны по испросу, а безъ исправы Витбляннна не казнити [90]); 36—38.

c) а вина прійдетъ, ино намъ ихъ по винѣ казнити [91]). 39—40.

d) А на заочьное повѣданье не вѣрити; а хто иметъ намъ ихъ обмовляти, того намъ Витбляномъ объявити [92]), 45—47.

---

[86]) Полоцкая грамота пополняетъ Витебскую (см. предыд. примѣч.): забракованный въ Ригѣ (или въ другомъ мѣстѣ) воскъ конфискуется въ пользу города.

[87]) Въ подтверд. грамотѣ 1547 г. въ данномъ и въ другихъ мѣстахъ, всюду вмѣсто „казнити"—„карати". Слово „казнити" и здѣсь и въ Витебской грам. надо понимать не въ смыслѣ—предать смертной казни, а вообще—наказать, подвергнуть, по степени вины, заслуженной карѣ.

[88]) Изъ настоящей статьи свода видно, что нѣкоторыя уголовныя дѣла, а именно: дѣла объ обмѣрѣ, обвѣсѣ и торговлѣ недоброкачественными предметами, были предоставлены непосредственному суду общины, безъ вмѣшательства въ него княжескихъ органовъ. Такое изъятіе объясняется историческимъ прошлымъ Витебска и Полоцка. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ этихъ городовъ, дорожившихъ своею торговою репутаціей и тѣмъ благосостояніемъ, которое основывалось на обширной торговлѣ, указанныя преступленія, несомнѣнно, искони разсматривались, какъ преступленія земскія, и подлежали по-этому суду всего вѣча. Съ прекращеніемъ же своей политической независимости, земли эти выговорили себѣ у Литовскихъ князей, какъ одно изъ основныхъ земскихъ правъ, право судить общиннымъ судомъ и наказывать виновныхъ въ недобросовѣстной торговлѣ.

[89]) При обвиненіи назначать судъ; другими словами: при обвиненіи кого-либо въ какомъ-либо преступленіи, дѣло передавать на усмотрѣніе суда.—Въ подтвердительной грамотѣ 1509 года вмѣсто „обада", т. е. обвиненіе, клевета, употреблено слово „обида" (Zbiór praw lit., 100).

[90]) Въ подтвердит. грам. это мѣсто изложено нѣсколько яснѣе: „cziniti nam z Witebliany pospołu, a bezprawne Witeblanina ne kazniti" (Zbiór praw lit., 100). Судъ надъ Витеблянниномъ производится съ участіемъ Витеблянъ (т. е. съ участ. земск. представителей); безъ суда же Витеблянинъ не можетъ быть наказанъ.

[91]) Виновнаго наказывать по степени его вины.

[92]) Заочному обвиненію или доносу не вѣрить; а о томъ, кто будетъ кого-либо изъ Витеблянъ передъ нами (т. е. великимъ княземъ или вообще властями) оговаривать, сообщать Витеблянамъ.

2. А хто кого обвадитъ явно, а любо тайно, ино намъ его не казнити ни одною виною, а ни имѣньемъ, ни нятствомъ, ни сребромъ, ни шыею [93]), алижъ поставити его очи на очи на явномъ судѣ хрестіянскомъ, и того хто вадитъ, и того на кого вадитъ, и досмотрѣвши межъ ними справедливости, хто будетъ што заслужилъ, и какъ право укажетъ, такъ его казнити [94]). 43—51.

4. Тежъ, естли бы были нѣкоторыи жалобы напротивку имъ, а естли бы тежъ былъ хто обважонъ альбо обвиненъ, тогды не маетъ быти нарокъ, только напередъ правомъ Литовскимъ маетъ быти сужонъ [95]). 92—96.

Item, accusationes contra eos confectas, non audiemus et novitates ejus non imponemus. Ubi vero fuerit quis accusatus, puniri non debet, donec sit in juditio legitime convictus. 107—111.

5[1]. а безъ права [96]) намъ людей не казнити, а ни губити, а ни имѣней не отнимати; коли который завинитъ што, ино, осадивъ, право

---

[93]) Въ подтверд. грам. 1547 г.: „горломъ". „Карать горломъ (или шиею)"—предать смертной казни.

[94]) Если кто гласно обвинитъ въ чемъ-либо другого или сдѣлаетъ на него доносъ, то обвиняемый или вообще оговоренный по одному лишь обвиненію или доносу не долженъ подвергаться никакому наказанію: онъ не лишается имущества, не подвергается тюремному заключенію, денежному штрафу или смертной казни; въ случаѣ обвиненія или доноса оба — и обвиняемый и обвинитель — представляются для очной ставки въ судъ, гдѣ гласно разсматривается обвиненіе и рѣшается, справедливо ли оно; судъ затѣмъ постановляетъ сообразно съ законами, кого и какому наказанію подвергнуть.—Ясно, что этимъ постановленіемъ личность всякаго гражданина ограждалась двоякимъ образомъ: 1) всякому обвиняемому или оклеветанному предоставлена была возможность доказать на судѣ свою невинность, 2) всякій обвинитель, не доказавшій своего обвиненія или доноса, подвергался наказанію за ложный доносъ.

[95]) Ѳ. И. Леонтовичъ *нарокъ* Жмудской устав. грамоты приравниваетъ *поклепу* Русской Правды („Рус. Правда и Лит. Статутъ", 51, пр. 2), т. е. придаетъ ему смыслъ предварительнаго судебнаго дѣйствія. Однако, изъ приведен. текста видно, что *нарокъ* надо понимать здѣсь въ смыслѣ заключительнаго судебнаго акта,—постановленія судебнаго рѣшенія. (Нарокъ=опредѣленіе, постановленіе; см. Акад. Слов,). Такимъ образомъ, данное мѣсто Жмуд. грам. слѣдуетъ перевести такъ: въ случаѣ жалобы на к.-л.изъ Жмудиновъ или тайнаго обвиненія, приговоръ (нарокъ) надъ обвиняемымъ постановляется не раньше, какъ послѣ предварит. судеб. разбирательства, произведен. на основаніи Литовскаго права.—Въ латинскомъ текстѣ добавлено запрещеніе вводить новины (novitates); то же встрѣчаемъ и въ подтверд. грамотѣ 1574 г. (Ак. Запад. Рос. III, 180); кромѣ того, въ этой послѣдней вмѣсто „правомъ Литовскимъ" стоитъ „водлугъ правъ оноѣ земли Жомойтскоѣ".

[96]) Безъ суда.

што укажетъ, виноватого по его винѣ казнити [97]). А хто кого абадитъ, а любо обмовитъ, тайноль, явноль, ино того ни одною виною не казнити, ни нятствомъ, ни шыею: олижъ поставити на явномъ суду хрестіянскомъ того, который вадитъ, и того, на кого важено, и, досмотрѣвъ межи ними, право вчинити [98]); 22—32.

5². *NB. Дословно тоже, что и въ предыдущей грамотѣ.* 48—58

XVII. Право петицій.

1. А чоломъбитье намъ у Витблянъ пріймати; 40—41.
2. А чоломъбитье намъ въ Полочанъ пріймати. 248—249.

XVIII. Право выселенія изъ земли и государства.

1. Также Витбляномъ жити у Витебску доброволно, всякому, по старому, покуль хто всхочетъ; а которому Витблянину будетъ отъ насъ насилно, а будетъ ему нелюбо: намъ его силою не держати, ино ему путь чистъ, куды хочетъ [99]), безо всякоѣ зачѣпки [100]); а пойти ему прочъ въ нашу отчину, въ Литву, не тайно, Светому Благовѣщенью чоломъ ударивши, и нашому воеводѣ объявивъся и своей братьи мужомъ Витбляномъ; 99—108.

2. Тежъ Полочаномъ всимъ жити въ Полоцку доброволно, покуль хто хочетъ; а будетъ ли которому Полочанину отъ насъ насильство, намъ его силою не держати: ино ему путь чистъ, куды хто хочетъ, безъ каждоѣ зачепки [101]); 230—235.

Г. О правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ.

XIX. О неприкосновенности православной вѣры.

3. На-первѣй, штожъ намъ хрестіянства Греческого закону не рушити, налоги [102]) имъ на ихъ вѣру не чинити, 42—45.

---

[97]) Здѣсь „осадивъ“ употреблено ошибочно вм. „осудивъ“. Если кто провинится въ ч.-л., то, разсмотрѣвъ дѣло, виновнаго наказать по степени его вины, какъ рѣшитъ судъ.

[98]) Здѣсь почти дословно тоже, что и въ грамотѣ Полоцкой (см. гр. № 2 и примѣч. 94).

[99]) „Куда хочетъ“ ограничено ниже словами: „въ нашу отчину, въ Литву“. Витеблянинъ можетъ выселиться изъ родной земли, но не изъ государства. Другое ограниченіе: Витеблянинъ долженъ покидать свою землю не тайно, но съ вѣдома воеводы и согражданъ.

[100]) Безпрепятственно.

[101]) Здѣсь право выселенія не имѣетъ тѣхъ ограниченій, какія мы находимъ въ Витебской грамотѣ (см. примѣч. 99). Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что Полочанинъ

XX. Огражденіе правъ Литвиновъ и Ляховъ, принявшихъ православіе.

1. Такъже которыи будуть, Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ Рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіяньского [103]) ни въ чомъ не ломити [104]). 125—129.

XXI. О невмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла, церковные доходы и недвижимыя имущества церкви.

1. штожъ намъ въ домы церковныи, въ домъ Божій светоѣ Богородицы, и въ домъ Божій Светого Духа, и тежъ въ домъ Божій Благовѣщенья Пречистоѣ и въ иные церькви не вступатися [105]); 21—25.

2. Напервѣй, въ церкви Божьи и въ имѣнья церковные намъ

могъ безпрепятственно выселиться не только изъ родной земли, но даже изъ предѣловъ государства.

[102]) Притѣсненія.

[103]) Сумма правъ, которою обладалъ каждый гражданинъ земли, въ устав. земск. грамотахъ обыкновенно называется „правомъ хрестіяньскимъ".

[104]) Потомковъ Литовцевъ и Поляковъ, принявшихъ въ Витебскѣ православіе, вел. князь обѣщаетъ не притѣснять и не ограничивать въ правахъ.

[105]) Здѣсь, какъ и въ нижеслѣдующихъ грамотахъ, вел. князь устраняетъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, доходы и недвижимыя имущества церквей. Отсюда можно заключить, что право „обороны, опеки и поданья", или *jus patronatûs*, надъ православными церквами въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ городахъ, каковы, напр. Витебскъ, Полоцкъ и Смоленскъ, не принадлежало (по крайней мѣрѣ въ эпоху полнаго дѣйствія устав. земск. грамотъ) великимъ князьямъ Литовскимъ. Jus patronatus, тѣсно связанное съ вотчиннымъ правомъ на землю (патрономъ могъ быть не только вел. князь, но и всякій землевладѣлецъ), ставило церковь и ея служителей въ зависимость отъ патрона, который назначалъ и смѣнялъ священниковъ (въ монастыряхъ—игуменовъ), распоряжался церковными доходами и т. п. Если jus patr., въ рукахъ лицъ православнаго исповѣданія, оказало большія услуги православію въ періодъ гоненія на него, то, съ другой стороны, въ рукахъ землевладѣльцевъ—католиковъ, оно послужило въ тотъ же періодъ надежнымъ орудіемъ притѣсненія православія и содѣйствовало распространенію уніи.—Изъ нашихъ грамотъ видно, что приходское духовенство, по крайней мѣрѣ въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Смоленскѣ, находилось въ зависимости отъ мѣстныхъ епископовъ (оно утверждалось епископами, платило налоги въ пользу его и было подсудно ему), а въ надзорѣ за церковнымъ имуществомъ принимали большое участіе прихожане, граждане города (см. слѣд. статьи). Впрочемъ, можно предполагать, что и самый выборъ священниковъ для городскихъ церквей производился, какъ это было искони въ древне-русскихъ земляхъ, прихожанами.

не вступатися, въ домъ Божій Святой Софіи и въ домъ Божій Святого Спаса и въ иные домы церковные намъ не вступатися. 38—43.

3. а въ церковные земли и въ воды не вступатися, такожъ въ монастыри 45—46.

5[1]. напередъ церквамъ Божьимъ. Въ церковныи люди, въ князскіи и въ панскіи и въ боярскіи [106]), и въ земли, и во вси доходы и въ приходы не вступатися, 19—22.

5[2]. Напервѣй церквамъ Божьимъ: въ церковные люди и въ земли и во вси доходы и приходы намъ не вступатися. 45—48.

XXII. О надзорѣ за церковными домами и объ управленіи церковными землями.

2. а церковныи домы присмотряти старостамъ городскимъ [107]); а церковныхъ земль владычнымъ слугамъ не держати [108]). 218—221.

XXIII. Опредѣленіе отношеній низшаго духовенства къ мѣстному епископу [109]).

1. И тежъ Владыцѣ на попѣхъ Витебскихъ зборная куница шерьстью [110]). 90—91.

2. А также владыцѣ на попѣхъ Полоцкихъ куница соборная шерстью; а въ пригонъ попомъ и игуменомъ ко владыцѣ не ходити [111]); 216—218.

---

[106]) Слова: „въ князскіи и въ панскіи и въ боярскіи“ здѣсь совершенно не нужны, такъ какъ рѣчь идетъ лишь о церковныхъ доходахъ и имуществахъ; въ подтвердит. грамотѣ указан. слова, какъ и слѣдовало, выпущены.

[107]) Эти старосты выбирались прихожанами отдѣльныхъ городск. приходовъ для надзора какъ за зданіемъ самой церкви, такъ равно и за домами и усадьбами, принадлежавшими церкви и находившимися въ городѣ. Такое участіе городской общины въ надзорѣ за церквами и въ управленіи недвижимыми церковными имуществами объясняется тѣмъ, что и церкви и дома церковные не только находились на городской землѣ, но и строились обыкновенно на доброхотныя даянія прихожанъ, которые заботились о благолѣпіи храмовъ и безбѣдномъ существованіи причтовъ.

[108]) Епископъ не долженъ отдавать въ пользованіе своимъ слугамъ церковныхъ земель.

[109]) Объ отношеніяхъ слугъ и закладней, живущихъ на церковныхъ и монастырск. земляхъ и усадьбахъ, къ епископу и монастырск. властямъ и о правѣ послѣднихъ производить судъ надъ первыми см. ниже ст. XXXIV и XCIII.

[110]) „Зборная куница шерстью“ или просто „сборное“—сборъ съ духовенства на содержаніе архіерейскаго дома (Академич. Слов. IV, 85).

[111]) Священники и игумены не обязаны отбывать натуральныхъ повинностей въ пользу владыки.

XXIV. Запрещеніе гривострижцу разъѣзжать по волости.

2. А гривострызцу [112]) по волости не ѣздити, а ни льну брати. 221—222.

Д. О сословныхъ правахъ и отношеніяхъ.

XXV. Уравненіе мѣстной шляхты съ Литовскою въ правахъ и обязанностяхъ.

3. А которое право далъ его милость княземъ и паномъ и бояромъ Литовскимъ, тое жъ право далъ его милость княземъ, паномъ, бояромъ Смоленскимъ [113]). 92—95.

4. И тежъ всимъ бояромъ, шляхтѣ и всему посполитству въ повѣтѣ Кнетовскомъ такъ же дали есмы чрезъ нинѣйшій листъ и даемъ вси права и вольности хрестянскіи, яко есмо дали земли Литовской, и яко отецъ нашъ речоный [114]) ихъ продкомъ, бояромъ, то есть Бутримови, Стропѣ и Нарвидови, зъ иншыми бояръми и посполитствомъ пречеченого повѣту Кнетовского далъ; а тыи

Item omnibus nobilibus bojaris, totique communitati districtus Knitoviensis, similiter dedimus et concessimus, praesentium tenore mediante, concedimus et damus, omnia jura et libertates christianitatis, prout terrae Lithuaniae concessimus, et quemadmodum, ginitor noster praefatus, eorum praedecessoribus bojaris, videlicet: Batrimo, Stroupi et Giervido, cum ceteris bojaris et communitati dicti di-

---

[112]) Постановленіе о „*гривострижцѣ*“ въ Полоцкой устав. грамотѣ стоитъ рядомъ съ постановленіями, приведенными въ двухъ предыдущихъ статьяхъ (см. ст. XXII и XXIII). Это обстоятельство заставляетъ думать, что гривострижецъ принадлежалъ къ числу лицъ, состоявшихъ при епископѣ. Кто такіе были, однако, „гривострижцы“, не упоминаемые въ другихъ грамотахъ, опредѣленно сказать трудно. Можно лишь предполагать, что гривострижцемъ называлось лицо, состоявшее при епископѣ и принимавшее извѣстное участіе въ совершеніи обряда постриженія. Кромѣ того, на гривострижцѣ же, по всей вѣроятности, лежала обязанность взимать въ пользу епископа съ лицъ, посвящаемыхъ во священники и діаконы (и выбранныхъ для этой цѣли прихожанами), пошлинъ за поставленіе, или посвященіе.

[113]) Рѣчь идетъ о правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ шляхетскими грамотами (см. выше стр. 16—21) Литовской шляхтѣ. Всѣ эти права и преимущества распространяется на высшіе классы населенія земли Смоленской, а равно и другихъ земель (см. слѣд. грам.).

[114]) Т. е. вел. кн. Казиміръ.

боярове и тыи шляхты того повѣту у томъ першомъ осмотреню [115]) будемъ держати, яко освѣцоный король Владиславъ, и освѣцоный князь Витовтъ, и тежъ отецъ нашъ мѣлъ и тримал, со всими кметьми и со всимъ посполь-ствомъ пречеченого повѣту. 53—66.

strictus Cnethoviensis, dederat et concesserat et bojaros ac nobiles ejusdem districtus, in eadem primeva honestate et provisionibus, tenebimus, eodem modo quo serenissimus dominus Vladislaus rex, et praeclarus dux Witowdus, nec non genitor noster, tenuit et habuit, cum omnibus cmethonibus et tota communitate districtus praefati. 61—78.

5[1]. *a*) А Кіянина, какъ и Литвина, во чти держати и во всѣхъ врадѣхъ ни въ чомъ не понизити [116]). 99—101.

b) А которые князи и панове и бояре Литовскіе держатъ имѣнья въ Кіевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣней съ Кіяны, самимъ своими головами [117]). 104—108.

5[2]. *NB. Здѣсь въ обоихъ пунктахъ дословно тоже, что и въ предыдущей грамотѣ.* 124—125; 128—131.

6. нижьли, коли панове рада [118]) наша великого князства Литовского, для котороѣ великоѣ потребы земскоѣ [119]), зволятъ который платъ съ своихъ людей дати [120]); тогды князи и панове и вся шляхта Волыньскоѣ земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати. 155—161.

---

[115]) „У томъ першомъ (въ латин. текстѣ: primeva=primaeva) осмотреню"—съ прежнею заботливостью (попеченіемъ).

[116]) А Кіянина (уроженца Кіевской земли) держать въ такомъ же почетѣ, какъ и Литвина, не понижая его въ к.-л. должностяхъ („урядахъ").

[117]) Литовская шляхта (князья, паны и бояре), владѣющая имѣніями въ Кіевской землѣ, несетъ военную службу съ своихъ имѣній лично, наравнѣ съ туземцами.

[117]) Т. е. члены Литовской Рады (см. примѣч. 24), которые въ тоже время были и крупными землевладѣльцами (см. прим. 120).

[119]) Для к.-л. настоятельной государственной нужды.

[120]) Т. е. согласятся на обложеніе своихъ крестьянъ какою-либо временною податью. —Начиная съ половины XV в., со времени изданія шляхетской грамоты 1457 г. (см. въ ней ст. 11 *), владѣльческіе крестьяне постепенно и повсемѣстно (см. рубрику подъ лит. З) освобождаются отъ различныхъ податей въ пользу великокняжеской и государственной казны. Отсюда и постановленіе Волынской грамоты: владѣльческіе крестьяне облагаются податью лишь въ случаѣ чрезвычайной государственной нужды и при томъ съ согласія

XXVI. Распространеніе дѣйствія польскаго земскаго права на шляхту (Бѣльскаго повѣта), какъ пожалованіе особенной льготы.

7. а ижъбы оны пречечоныи земяны не были втѣснены нѣкторымъ правомъ въ длугу и тежъ въ несправедливости, а звлаща.... замково право: онымъ Польскій земскій *(привилей)* написаный допустилихмо, и нынѣйшимъ (листомъ) допущамы и даемы, въ онымъ правѣ оны хцунцы *(вм. хотячи)* заховать во вшисткихъ онего въ правахъ и тежъ у—въ обычаѣхъ и члонкахъ, едно вынемши нѣкторе впады. Съ которыхъ же то первшый естъ [121]): 37—46.

Et ut expressi terrigenae, non opprimantur aliquo jure indebito, et injusto, et maxime castrensi: ipsis jus polonicum terrestre scriptum admisimus, et praesentibus admittimus et damus: in eo ipso conseruare uolentes in omnibus ipsius juris consuetudinibus, punctis, articulis; casibus duntaxat aliquibus exceptis. Quorum primus est. 42—49.

XXVII. Подтвержденіе шляхетскаго достоинства за лицами, пользовавшимися (въ Жмудской землѣ) имъ прежде.

4. Тежъ то: которая шляхта была часу короля Владыслава, князя Витовта и тежъ отца нашого, тыи вси, (съ) того часу, хочемъ мѣти и держати шляхта; 67—70.

Item, qui nobiles fuerunt tempore Vladislai regis et ducis Witowdi et genitoris nostri, eos omnes ut ex nunc pro nobilibus tenebimus et habebimus. 79—82.

вотчинниковъ. Впрочемъ, подать, которую согласились вносить съ своихъ крестьянъ землевладѣльцы Литовскіе, члены Литовской Рады (которая до половины, приблизительно, XVI в. представляла собою не только верховный совѣтъ при особѣ вел. князя, но и сеймъ Литовскій **), была обязательна и для крестьянъ всѣхъ прочихъ вотчинниковъ, владѣвшихъ имѣніями въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства.

*) Нумерація статей шляхетск. грам. 1457 г. здѣсь и ниже цитируется по изданію ея, помѣщенному въ „Христоматіи по исторіи рус. права“ (вып. 2).

**) „Starożytnosci Polskie“, t. II, 63; см. также „Христоматію по ист. рус. пр.“ (вып. 2, стр. 36) и выше примѣч. 24.

[121]) Смыслъ тотъ: съ цѣлью гарантировать землянъ Бѣльскаго повѣта отъ несправедливаго суда, а въ особенности для того, чтобы освободить ихъ отъ замкóвой юрисдикціи (въ замкѣ судилъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ староста), распространяется на нихъ

XXVIII. Право временнаго отъѣзда (представл. шляхтѣ).

5[1]. А которые княжата и панове всхотятъ ѣхати до чужихъ земль, и они возвѣстившися намъ, а любо нашому намѣстнику [122]) чоломъ ударивъ, и во своемъ имѣньи службу осадивъ, такъ добрую какъ бы и сами, а безъ себе зъ своими людьми, до кого будетъ дѣло, кому право велятъ давати: тогды могутъ, зъ докладомъ, ѣхати, ажъ земскоѣ службы не будетъ [123]); а безъ нихъ, имѣней ихъ не рушити: только въ непріятелскую землю не ѣхати противъ насъ и нашое земли [124]). 81—91.

5[2]. *NB. Кромѣ отличія, указаннаго въ 122 примѣчаніи, въ данномъ мѣстѣ подтвердит. грамота тождественна съ предыдущею.* 105—115.

XXIX. Личныя права шляхты по отношенію къ правительственной власти.

5[1]. А коли проступитъ бояринъ, ино намѣстнику нашому осудивъ и за поруку давши, до насъ отложити; мы пакъ волни будемъ въ той винѣ [125]), взяти и отпустити [126]). 76—79.

5[2]. *NB. Кромѣ отличія, указаннаго въ 122 примѣч., въ данномъ мѣстѣ подтвердит. грамота тождественна съ предыдущею.* 102—105.

дѣйствіе польскаго земскаго права, за исключеніемъ, однако, тѣхъ случаевъ, которые перечислены ниже, и въ которыхъ мѣстные обычаи сохраняютъ попрежнему свою обязательную силу.

[122]) Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г.: „воеводѣ".

[123]) Если не будетъ ратной службы, т. е. въ мирное время.

[124]) Въ мирное время мѣстной шляхтѣ („князямъ и панамъ") дозволяется отправляться въ чужіе края съ разрѣшенія вел. князя или мѣстнаго намѣстника (воеводы), но съ условіемъ, чтобы уѣзжающій оставлялъ въ своемъ имѣніи надежное лицо для отправленія военной повинности съ имѣнія и исполненія въ немъ обязанностей вотчиннаго судьи; имѣнія уѣхавшаго въ время его отсутствія не конфискуются, если только онъ не отправился въ непріятельскую землю. Слова: „только въ непріятелскую... и т. д." показываютъ, что отъѣздъ въ непріятельскую землю разсматривался, какъ побѣгъ, какъ верховная и земская измѣна.—Право, о которомъ говоритъ здѣсь Кіевская устав. грамота, и которое было предоставлено всей шляхтѣ Литовско-Русскаго государства жалованною грамотою Казиміра, не представляетъ собою того права полнаго выселенія изъ земли или государства, о которомъ упоминаютъ Витебская и особенно Полоцкая устав. грамоты (см. ст. XIII свода): подъ нимъ разумѣется лишь право отлучки изъ предѣловъ государства для какой-либо временной цѣли. Это видно не только изъ приведеннаго мѣста Кіевской грамоты, но также изъ параллельныхъ мѣстъ шляхетской грамоты 1457 г. (см. 5 ст. этой грам.) и Л. Статута 1529 г. (р. III, ар. 8), гдѣ пояснено, что шляхтичъ можетъ уѣхать въ чужіе края для пріобрѣтенія лучшихъ средствъ къ жизни или для полученія образованія.

6. А князей и пановъ и земянъ старостѣ нашому злыми словы не соромотити [127]), у казнь и у вѣжу [128]) ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або панъ, або земянинъ, ино старостѣ насъ обослати: какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, пито бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки нашое то вчинити [129]). 43—51.

XXX. Свобода шляхты отъ государственнаго тягла [130]).

4. Тежъ тыи боярове [131]) не мають быти повинни, а ни поступовать жадныхъ роботъ замковыхъ [132]), а ни тежъ къ выправеню земскому, то есть на заставу [133]). 102—105.

Item dicti bojari, ad labores castrorum ambulare non debent, nec tenebuntur, neque etiam ad expeditionem territorialem, alias na zastawę. 116—119.

---

[125]) *Вина*—уголовный штрафъ.

[126]) Судъ по уголовному дѣлу надъ бояриномъ (или вообще—надъ лицомъ, пользующимся шляхетскими правами) принадлежитъ намѣстнику (воеводѣ), который и постановляетъ приговоръ; не приводя этого приговора въ исполненіе, намѣстникъ отдастъ подсудимаго на поруки, а о своемъ приговорѣ доноситъ вел. князю, отъ котораго уже и будетъ зависѣть взыскать или не взыскать съ обвиненнаго уголовный штрафъ.—Мѣсто это, какъ и параллельное мѣсто Волынской грамоты (№ 6), не только не противорѣчитъ общему правилу о непроизводствѣ суда (по уголовн. дѣламъ) за предѣлами земли (см. ст. свода XIII и примѣч. 79), но, напротивъ, подтверждаетъ его. Отсюда видно, однако, что мѣстная шляхта въ эпоху уставныхъ земск. грамотъ, хотя и подсудна была воеводскому или намѣстничьему суду, но пользовалась нѣкоторыми преимуществами: приговоръ воеводы надъ шляхтичемъ подлежалъ конфирмаціи вел. князя. Еще бо́льшія преимущества предоставлены были шляхтѣ Волынской земли. См. ниже примѣч. 129.

[127]) Не поносить бранными словами (можетъ быть: не подвергать публичному выговору въ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ).

[128]) *Казнь* и *вѣжа (вежа)*—слова однозначущія: тюрьма.

[129]) Старостѣ хотя и принадлежитъ судъ надъ князьями, панами и земянами Волынской земли, но тотъ или иной приговоръ надъ ними онъ можетъ постановить не иначе, какъ съ вѣдома и по указанію („подлѣ науки") вел. князя и отнюдь не долженъ (см. нач. приведен. пункта грам.) собственною властью подвергать ихъ какому-либо наказанію.

[130]) Многочисленные случаи освобожденія отъ податей и натуральныхъ повинностей прочихъ классовъ населенія сведены въ рубрикѣ подъ литерой *З*.

[131]) Въ подтвердит. грамотѣ 1574 г.: „шляхта, бояре".

[132]) „Работы замковыя"—работы, состоявшія въ устройствѣ и исправленіи королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій.

[133]) Подъ „выправой земской", поясненной словомъ—„застава", разумѣется здѣсь охраненіе королевскихъ замковъ и различн. укрѣпленныхъ мѣстъ, другими словами, гарни-

5[1]. А княземъ и панóмъ и бояромъ съ послы къ Ордѣ не ходити, слугамъ [134]) ходити; а кого будетъ бояръ къ Ордѣ надобѣ съ послы нашими ѣхати, и мы маемъ листомъ нашимъ тыхъ обослати, и они мають ѣхати, какъ было за великого князя Витовта [135]).

149—154.

5[2]. *NB. Кромѣ отличія, указаннаго въ 135 примѣчаніи, подтвердит. грамота въ данномъ мѣстѣ тождественна съ предыдущею.* 165—169.

XXXI. Регламентація совмѣстнаго пользованія бояръ и мѣщанъ доходами съ городскихъ вѣсовъ (въ Полоцкѣ).

2. Такожъ важницу мѣти въ зàмку, або въ мѣстѣ нашомъ Полоцкомъ, которую перво того держали бояре посполъ зъ мѣщаны [136]), за предковъ нашихъ и за отца нашого Казимера короля его милости, а потомъ съ тоѣжъ важницы братъ нашъ Александръ король его милость платъ [137]) былъ взялъ къ его милости скарбу [138]): ино мы, зъ ласки нашое, зася тую вагу и платъ съ нее дали бояромъ и мѣщаномъ на-полы, по давному, подлѣ суда и уставы отца нашого; мають въ кождый годъ держати по два боярины, а по два мѣщанины, и платъ съ нее выбирати, и свою половину бояре мають обернути на свои потребы [139]). 115—128.

зонная служба.—Этимъ пунктомъ шляхта (Жмуд. земли) освобождается не только отъ замковыхъ работъ, но и отъ гарнизонной службы. Личное участіе въ отбываніи военной повинности шляхта принимаетъ лишь въ случаѣ объявленія посполитаго рушенья, т. е. всенароднаго ополченія.

[134]) Т. е. путнымъ слугамъ, или такъ называемымъ путнымъ боярамъ (см. прим. 75).

[135]) Князья, паны и бояре не обязаны сопровождать великокняжескихъ пословъ въ Орду (Крымскую), такъ какъ эта обязанность лежитъ на путникахъ (путныхъ боярахъ); впрочемъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ можетъ быть посланъ для сопровожденія великокняжескихъ пословъ и бояринъ (слово „бояринъ“ употреблено здѣсь въ его древнѣйшемъ значеніи), но для этого требуется особый приказъ („листъ“) вел. князя.—Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г. слова: „какъ было..... Витовта“—опущены („а онъ маетъ ѣхати въ посельствѣ“).

[136]) Доходами съ которой (т. е. съ важницы, или городск. вѣсовъ) прежде пользовались бояре вмѣстѣ („посполъ“) съ мѣщанами.

[137]) Доходъ.

[138]) Въ великокняжескую казну.

[139]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г слово „бояре“ совершенно основательно выпущено, такъ какъ одна половина доходовъ съ городск. вѣсовъ шла въ пользу бояръ, а другая въ пользу мѣщанъ, а слѣд. и тѣ и др. могли одинаково обращать свою часть доходовъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ.

XXXII. О кметахъ (Бѣльскаго повѣта).

7. Часу Витовта, щастливей памѣти, кгды ку саженью [140]) кмѣтове были везваны, теды 14 дни презъ еденъ рокъ вшелкій кмѣть зъ волоки [141]) робилъ въ повѣтѣ. Мы уставили, ижь вшелкій кмѣть зъ волоки на тыйдень [142]) мялъ робить еденъ день, а съ полвлочки на двѣ недѣли день. Надъ то ино, таковѣ кмѣте на чотыри толокы мають быть возваны въ рокъ.

И естли бы кмѣть отъ нѣкоторого земянина до иншего земянина, або до князя великого, або до мѣста хотѣлъ бы ити, а рукоемь бы за нь была [145]): теды отстанего [146]) зъ волоки ма за-

Tempore Withowdi felicis memoriae, dum ad possessionem seu locationem kmethones uocabantur, ex tunc quatuordecim dies in anno *quilibet kmetho de manso laborabat in districtu. Nos vero statuimus quod unusquisque* [143]) kmetho de manso possessionato per eum, in septimana unam diem laborare tenebitur, de medio uero manso in duabus septimanis diem. Insuper, et huiusmodi kmethones, ad quatuor tlokas in anno uocati, laborare tenebuntur.

Et si kmeto alicuius terrigenae, sub alium terrigenam, aut ducem magnum, aut ciuitatem, surgere uoluerit, et fideiussus pro

---

[140]) Для поселенія.

[141]) *Волока*—главная поземельная мѣра въ Литвѣ и Польшѣ. Литовская волока—участокъ земли нѣсколько болѣе 19 нашихъ десятинъ.

[142]) „На тыйдень“ (in septimana)—въ недѣлю.

[143]) Напечатанное курсивомъ—вставка Дзялынскаго.

[144]) Во времена Витовта всякій изъ кметовъ (см. примѣч. 11), поселившихся по вызову на частновладѣльческихъ земляхъ, долженъ былъ работать въ пользу землевладѣльца 14 дней въ годъ за каждую занятую волоку. Вел. кн. Александръ увеличилъ число рабочихъ дней съ волоки до 52 въ годъ (въ недѣлю 1 день), а съ полволоки до 26, вм. прежнихъ 14 и 7. Сверхъ того кметы должны 4 раза въ годъ являться къ землевладѣльцу на толоку.—Толокою производились сельскохозяйственныя работы, требовавшія участія всего поселка (всѣхъ поселившихся въ извѣстномъ имѣніи кметовъ): сборъ хлѣба, кошеніе сѣна, молотьба и пр.

[145]) „Рукоемь“, или рукоемство (въ латин. текстѣ: fideiussus)—порука, поручительство (fidejussio). Кметъ, за которымъ была „рукоемь“—кметъ, связавшій себя извѣстнымъ условіемъ съ землевладѣльцемъ, напр., относительно срока своего выхода, обработки земли и т. п.,—обезпеченнымъ, кромѣ неустойки, поручительствомъ стороннихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, напр., землевладѣльца, у котораго кметъ жилъ раньше, и который поручился за его исправность. Можно также допустить, что такими поручителями иногда являлись, какъ это было въ Московскомъ государствѣ, всѣ члены того поселка, къ кото-

платить копа грошей [147]) земянинови, отъ которого отходитъ, а сходелного [148]) ма заплатить полкопы; отъ полвлочки *(же—половину того)* [149]).

И естли бы которы съ земянъ, для лѣпшего осаженья кмѣтевъ, легчейшу працу и данья въ своей земли хотѣлъ бы уставитъ, на шкоду посполиту земянъ: таковый земянинъ, не ховуючый таковыхъ уставъ нашихъ, намъ, за вину нашу, ма дать сто копъ грошей [150]). 199—219.

eo fuerit, ex tunc, surrectiones, alias wstanego de manso integro, alias włoka, sexagenam terrigenae, a quo recedit; in ortualium, alias stodolnego, mediam sexagenam soluere tenebitur; de medio uero manso, medium huius.

Si quis terrigenarum, causa possessionis melioris, kmethones, leuiori datia et labore, in terra sua locare vellet, in damnum commune terrigenarum, talis terrigena non obseruans huiusmodi instituta nostra, camerae nostrae, pro poena, centum sexagenas soluere tenebitur. 226—254.

рому принадлежалъ тотъ или иной вольный крестьянинъ (кметъ).—Совсѣмъ иначе объясняетъ слово „рукоемь“ Ѳ. И. Леонтовичъ. По его мнѣнію, едвали согласному съ истиною, рукоемь—заемъ, пособіе, полученное кметомъ отъ землевладѣльца при своемъ поселеніи („Крестьяне Юго-Западной Россіи“, стр. 57). Не распространяясь по этому поводу, замѣтимъ только, что при такомъ объясненіи выходило бы (см. текстъ грамоты), что кметъ могъ уйти безъ возврата полученнаго пособія, отдѣлавшись лишь ничтожнымъ, сравнительно, платежомъ „отстанего“, который Ѳ. И. Леонтовичу пришлось признать *„процентомъ, платившимся за оказанное пособіе,* и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ признанія той зависимости, изъ-подъ которой крестьянинъ выходилъ“. (См. указан. изслѣд., стр. 57, примѣч. 2).

[146]) *„Отстанее“* (въ латин. текстѣ: surrectio)—отсталое (подъемное) — платежъ, вносимый, какъ кажется, лишь тѣмъ кметомъ, который уходилъ съ нарушеніемъ заключеннаго условія (см. пред. примѣч.); такимъ образомъ, плата эта имѣла значеніе неустойки.

[147]) Копа грошей Литовскихъ въ нач. XVI в. стоила около 6 руб. нынѣш. монетою.

[148]) *„Сходелное“*—выходныя деньги, выходная куница—платежъ, вносимый всякимъ кметомъ, покидающимъ свой участокъ; взносъ этотъ (сходный отчасти съ древне-русскимъ *пожилымъ*) имѣлъ значеніе единовременной платы землевладѣльцу за пользованіе его землею.

[149]) Кметъ, желающій оставить занимаемый имъ участокъ въ имѣніи одного и перейти въ имѣніе другого земянина, или на землю вел. князя, или въ городъ, долженъ уплатить выходныя деньги въ размѣрѣ полкопы грошей съ каждой волоки, которою онъ пользовался; кромѣ того, если онъ былъ связанъ съ владѣльцемъ земли какимъ-либо условіемъ (и нарушилъ его), то уплачиваетъ въ видѣ неустойки копу грошей „осталаго“ съ волоки; съ полволоки въ обоихъ случаяхъ уплачивается половина.

XXXIII. Воспрещеніе свободнаго перехода крестьянъ [151]) *съ господарскихъ (в.-княжескихъ) земель на частныя и наоборотъ.*

3. А бояромъ Смоленскимъ въ закладни [152]) людей своихъ не казалъ его милость пріймати. 66—68.

5[1]. А имъ нашихъ людей [153]), а ни Литовскихъ не пріймати, а намъ церковныхъ людей и князскихъ и панскихъ за себе не пріймати, отчинныхъ людей непоходячихъ [154]). 144—147.

5[2]. А людей нашихъ тамошнихъ, а ни Литовскихъ имъ за себе не пріймовати, а намъ королю и великому князю церковныхъ людей и князьскихъ и паньскихъ за себе не пріймовати отчизныхъ людей непохожихъ. 158—163.

---

[150]) Если бы какой-либо земянинъ для привлеченія въ свое имѣніе кметовъ установилъ въ немъ (за пользованіе землею) болѣе легкія издѣльныя работы и меньшіе платежи, во вредъ прочимъ земянамъ, то таковой земянинъ, не соблюдающій вышеупомянутыхъ постановленій (о кметахъ), уплачиваетъ шрафъ въ пользу вел. князя въ размѣрѣ 100 копъ литов. грошей.

[151]) Здѣсь имѣются въ виду не вольные крестьяне (кметы, люди похожіе), но крестьяне зависимые, несвободные, прикрѣпленные къ землѣ и обыкновенно называемые *непохожими* въ противоположность *людямъ похожимъ,* или вольнымъ. Впрочемъ, для многочисленной категоріи несвободныхъ крестьянъ существовали и иныя названія. См. изслѣдованіе *Ѳ. И. Леонтовича*: „Крестьяне Юго-Запад. Россіи по литовск. праву XV и XVI ст.“, Кіевъ, 1863 г., стр. 13 и слѣд.

[152]) *Закладень* (см. ниже ст. XCIII: „человѣкъ, котораго держатъ въ неняхъ“)—должникъ, отдавшій себя въ закладъ своему кредитору, поступившій къ нему въ услуженіе до отработки долга.

[153]) Т. е. крѣпостныхъ крестьянъ. „Крѣпостное населеніе Литовской Руси сложилось въ теченіе XV и XVI ст. собственно изъ двухъ элементовъ: слугъ или челяди и людей (крестьянъ). Въ періодъ первыхъ двухъ Статутовъ было еще хоть формальное различіе между челядью и людьми, главнымъ образомъ въ томъ, что челядь относилась къ личной прислугѣ господина, тогда какъ отчизный человѣкъ сидѣлъ на господской землѣ.... Но уже въ первомъ Статутѣ челядь и люди называются невольными, т. е. людьми безъ права выхода. Потеря этого существеннаго права каждаго свободнаго человѣка положила первое начало сближенію людей съ челядью. Съ др. стороны, уже до Статута челядь составляла существенную часть имѣній, въ особенности королевскихъ..... Полное сліяніе сельской челяди съ отчичами совершено Статутомъ 1588 г.“ (*Ѳ. И. Леонтовичъ*: указан. соч., стр. 14).

[154]) „Отчинные люди непоходячіе“, или отчизные люди непохожіе — крѣпостные крестьяне, перешедшіе по наслѣдству вмѣстѣ съ землею.—Воспрещеніе свободнаго перехода крестьянъ съ господарскихъ земель на частныя и наоборотъ встрѣчается уже въ шляхетской грамотѣ 1457 г. (ст. 12). –О подчиненіи крестьянъ юрисдикціи землевладѣльцевъ см. ст. свода XCIII.

XXXIV. Постановленія о слугахъ и закладняхъ, живущихъ въ городахъ (дозволеніе вотчинникамъ селить ихъ на своихъ дворахъ и городскихъ усадьбахъ и опредѣленіе отношеній между ними и вотчинниками).

2. *a*) Такожъ которые домы и мѣстца церквамъ Божьимъ здавна наданы [155]) отъ предковъ нашихъ, або владыка, и игуменья, и иные князи и бояре, и мѣщане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божьимъ, и тые домы и мѣстца [156]) суть въ замку, або середъ мѣста Полоцкого: и будуть ли за панованья щастноѣ памяти отца нашого Казимера короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звѣчныхъ мѣстцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мѣли [157]); мы и теперь владыцѣ и игумены дозволяемъ въ тыхъ церковныхъ домѣхъ и на тыхъ мѣстцахъ ихъ слуги и иные закладни за собою мѣти и ихъ садити [158]), а то тымъ обычаемъ, ижь мають имъ служити, а поземъ [159]) имъ господаремъ своимъ съ тыхъ мѣстъ мають давати; 128—144.

b) Такожъ бояре Полоцкіе, тымъ же обычаемъ, которые съ нихъ отчизные [160]) свои домы и мѣстца внутри города мають, або на мѣстѣ Полоцкомъ, и тежъ естли будетъ еще за отца нашого Казимера и за брата нашого Александра, королей ихъ милости, отцы ихъ и они сами слушнымъ а врядовымъ обычаемъ [161]) которые дворища покупили, або зъ данины ихъ милости [162]) мають: тымъ и теперь мы дозволяемъ на тыхъ дворищахъ слугъ и людей за собою садити и ихъ судити потомужъ; 153—164.

---

[155]) Пожертвованы.

[156]) Усадебныя мѣста.

[157]) См. примѣч. 152 и 153.

[158]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г.: „судити".

[159]) *Поземь*—поземельная подать, плата за пользованіе землею; здѣсь: плата за пользованіе дворами и огородами (въ городѣ).—Это постановленіе о слугахъ и закладняхъ позднѣйшаго происхожденія, ибо въ грамотѣ, данной Полоцку въ 1456 г., сказано: „владыцѣ и бояромъ закладневъ за собою въ мѣстѣ Полоцкомъ не надобѣ мѣти, нижьли только одного подворника по своимъ подворьемъ" (Ак. Зап. Рос. I, № 60).

[160]) Полученные по наслѣдству.

[161]) Законнымъ образомъ (съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ формальностей).

[162]) Вслѣдствіе пожалованія вел. князей.

XXXV. Запрещеніе селить на поляхъ и фольваркахъ за городомъ людей торговыхъ и ремесленныхъ.

2. А которые за мѣстомъ фольварки [163]) и поля и сѣножати церковные владыка и игуменья мають, на тыхъ поляхъ и на сѣножатехъ не мають торговыхъ людей, а ни ремесляныхъ за собою садити: нижьли мають садити людей сельскихъ, которые бы тамъ хлѣбъ робили [164]). 147—153.

XXXVI. Обязанность владѣльч. крестьянъ, поселенныхъ въ городѣ, участвовать вмѣстѣ съ мѣщанами въ уплатѣ государствен. налоговъ и въ отбываніи натуральныхъ повинностей.

2. *a*) а будуть ли которые зъ нихъ [165]) торгомъ ся обыходити [166]), и они мають серебщизну и ордынщину [167]) зъ мѣстомъ нашимъ платити. 144—147.

b) а которые бы съ нихъ [168]) хотѣли купецтвомъ або ремесломъ которымъ ся обыходити, тые мають зъ мѣщаны нашими серебщизну и ордынщину платити и иные слушные поплатки, къ пожитку нашому и земскому [169]). 164—169.

---

[163]) Фольваркъ—мыза, хуторъ, ферма.

[164]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г. вм. „робили"—„пахали".—Цѣль этого постановленія лишить всякаго занимающагося торговлею или ремеслами человѣка возможности уклониться отъ уплаты различн. государствен. налоговъ, которые онъ долженъ вносить наравнѣ съ мѣщанами. См. слѣд. ст. свода.

[165]) Рѣчь идетъ о церковныхъ слугахъ и закладникахъ.

[166]) Заниматься торговлею.

[167]) *Серебщизна* и *ордынщина*—подати, которыя вносились серебромъ. Послѣдняя изъ нихъ въ актахъ упоминается довольно рѣдко и, повидимому, не принадлежала къ числу постоянныхъ податей (см. Ак. Запад. Рос. II, стр. 78); общая сумма ордынщины распредѣлялась для уплаты между отдѣльными городами, какъ это видно изъ дошедшей до насъ росписи ордынщины отъ 1530 г. (Ак. Запад. Рос. II, № 168); отсюда также узнаемъ, что на г. Полоцкъ ордынщина была наложена въ размѣрѣ 40 копъ Литовскихъ грошей, а на г. Витебскъ—30 копъ. Что же касается серебщизны, то это была постоянная подать, уплачиваемая сначала съ воловъ и лошадей, а потомъ, приблизительно съ полов. XVI ст., съ сохъ (Ак. Зап. Рос. II, № 12: „съ воловоѣ и коньскоѣ сохъ"); подать эта въ различное время взималась въ размѣрѣ 3 или 5 грошей. На ряду съ постоянною существовала и временная серебщизна, которая налагалась лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ (напр. по случаю войны) и на опредѣленный срокъ на всѣ податные классы населенія (при чемъ она платилась не только съ сохъ, но и съ земельн. участковъ и дворовъ); такъ изъ одного акта (Ак. Зап. Рос. III, № 24, стр. 105) узнаемъ, что такая серебщизна назначена была на 2 года (въ размѣрѣ 5 грошей).

3. *a*) А люди князскіе и околничихъ, и боярскіе, и игуменскіе, которые въ мѣстѣ живуть и торгомъ ся обыходять, тые бы вси сторожовщину [170]) зъ мѣстомъ платили по силамъ. 216—220.

b) Такожъ которыхъ людей церковныхъ и князскихъ и боярскихъ [171]) маршалокъ нашъ [172]) панъ Литаворъ Хребтовичъ привернулъ зъ мѣстомъ службу тяглую тягнути, кромъ доспѣшныхъ и служебныхъ мѣщанъ [173]), тые люди вси зася отъ мѣста отнималися и не хотѣли посполъ зъ мѣстомъ намъ служити; и коли будетъ потреба человѣка, або дву, къ нашой службѣ, подъ посла, або подъ гонца нашого, а любо на которую на иншую нашу потребу, ино деи подвойскій [174]) зъ околничихъ слугами все мѣсто обходятъ, для одного человѣка, або для двухъ, рекучи, а зъ людей по грошу поберуть, для чого жъ тому мѣсту нашому шкода и тяжкость великая дѣлалася [175]): ино вжо мы писали о томъ до пана Юрья Глѣбовича, какъ отъ насъ Смоленескъ держалъ, приказуючи ему, абы тымъ людемъ церковнымъ и боярскимъ велѣлъ посполъ зъ мѣстомъ служити, по тому какъ маршалокъ нашъ панъ Литаворъ ихъ къ мѣсту привернулъ; 224—244.

---

[168]) Т. е. изъ боярскихъ слугъ и закладней.

[169]) Въ пользу великаго князя и государствен. казначейства.

[170]) Такъ названъ здѣсь денежный сборъ, замѣнившій натуральную повинность—*сторожовщину*, или поставку сторожей въ зáмки, остроги и пр.

[171]) Подразумѣвается: живущихъ въ городѣ и занимающихся торговлею и ремеслами.

[172]) Т. е. маршалокъ дворный. Кромѣ маршалка земскаго (великаго), были еще маршалки дворные. Кругъ обязанностей и правъ маршалковъ (до Люблинской уніи) не достаточно выясненъ; обыкновенно маршалковъ дворныхъ приравниваютъ современнымъ министрамъ двора. Извѣстно, впрочемъ, что маршалки дворные имѣли право присутствовать въ засѣданіяхъ Рады, были представителями в.-княжескихъ дворянъ, входили въ составъ великокняжескаго суда и пр. Маршалки дворные не всегда находились при вел.-княжескомъ дворѣ; нѣкоторые изъ нихъ посылались для управленія отдѣльными областями.

[173]) Тѣ изъ мѣщанъ Смоленскихъ, которые несутъ доспѣшную, или панцырную, службу (охраняютъ городскія укрѣпленія, содержатъ караулы въ пограничныхъ мѣстахъ) или иную к.-л. опредѣленную службу, освобождаются отъ всѣхъ прочихъ натуральныхъ повинностей.

[174]) *Подвойскіе*—исполнительные чиновники. Подвойскіе были не только въ Смоленскѣ, но и въ др. древне-русскихъ городахъ, напр., въ Полоцкѣ (см. Ак. Зап. Рос. I, № 60); въ Смоленскѣ они состояли при намѣстникѣ и окольничихъ. См. также ст. XLII.

[175]) Владѣльческіе крестьяне, жившіе въ Смоленскѣ и приписанные къ нему для совмѣстнаго съ мѣщанами отбыванія различныхъ натуральныхъ повинностей, постоянно уклонялись отъ всякихъ службъ. Этимъ пользовались подвойскіе: для того, чтобы отыскать

5². а въ право мѣстское, и въ службы, и въ поплатки людей ихъ не мають привлащати, кромъ, хто будетъ въ рынку клѣтку [176]) мѣти и купчити и торгомъ ся обыходити, тотъ будетъ повиненъ зъ мѣстомъ поплатки наши господарскіе платити [177]); 273—279.

XXXVII. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ, поселенныхъ въ городѣ, отъ войтовской (мѣщанской) юрисдикціи.

5². А людей ихъ, которые въ мѣстѣ нашомъ мѣшкають [178]), не мають они *(войтъ и мѣщане)* судити, а ни рядити: судити тыхъ людей господаремъ ихъ, хто кому служитъ [179]); 270—273.

XXXVIII. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ отъ городскихъ сборовъ и налоговъ.

2. А што ся дотычетъ серебщизны [180]), которую войтъ и бурмистры и радцы [181]) на своѣ потрёбы кладутъ на мѣсто нашо, того церковнымъ и боярскимъ людемъ помогати не надобѣтъ. 169—173.

5². а поборовъ ихъ мѣстскихъ, што войтъ и мѣщане будуть межи себе на свои потребы покладати, не будуть повинни [182]) посполъ съ ними платити и въ томъ имъ помогати, а ни передъ ними въ жадное право не мають ся становити [183]). 279—284.

6. и тежъ войту Луцкому на людехъ князьскихъ и паньскихъ

одного или двухъ человѣкъ для сопровожденія великокняжескихъ пословъ или гонцовъ, они обходили весь городъ и со всякаго уклонявшагося отъ этой повинности крестьянина (приписаннаго къ городу) взыскивали въ свою пользу по грошу; въ результатѣ же, вся тяжесть натуральныхъ повинностей падала на однихъ лишь мѣщанъ.

[176]) Лавка (ларь, рундукъ) на рынкѣ: „Такожъ который платъ рѣзники даютъ съ клѣтокъ мясныхъ...“ (Ак. Запад. Рос. II, стр. 76).

[177]) Къ мѣщанскому суду, къ отбыванію натуральныхъ повинностей и къ уплатѣ различн. городскихъ налоговъ княжескіе и боярскіе люди (живущіе въ городѣ) не должны быть привлекаемы; тѣ же изъ нихъ, которые занимаются торговлею, обязаны участвовать лишь въ уплатѣ налоговъ въ пользу вел. князя.

[178]) Живутъ.

[179]) О вотчинномъ судѣ см. ст. XCII.

[180]) См. примѣч. 167. Здѣсь серебщизной названъ денежный сборъ на городскія нужды.

[181]) *Бурмистръ* и *райцы* (радцы) избирались мѣщанами; первый былъ предсѣдателемъ, а вторые членами городской рады, завѣдывавшей городскими дѣлами и городскими имуществами. О войтѣ см. примѣч. 8.

[182]) Подразумѣвается: владѣльческіе крестьяне.

[183]) Владѣльческіе крестьяне не подчиняются войтовской юрисдикціи.

паньскимъ и боярскимъ, на воеводъ становъ не рядити [210]), и стацей [211]) имъ и слугамъ ихъ и подводъ не давати. 249—256.

XLVII. Опредѣленія размѣровъ нѣкоторыхъ пошлинъ (кромѣ судебныхъ), взимаемыхъ органами мѣстнаго управленія, въ видахъ охраненія населенія отъ произвольнаго ихъ возвышенія.

α) *Соляная пошлина.*

2. Также воеводѣ нашому отъ варь [212]) имати гостинца, по полукопѣ грошей [213]) отъ всякоѣ вари. 249—251.

β) *Пошлина со стадъ.*

3. *a)* Тежъ въ томъ же листѣ его милости выписано, абы конюшые [214]) брали съ конского и зъ животинного стада зъ мѣстского куницу, по двадцати грошей на лѣто, подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало, за великого князя Витовта и за Жикгимонта. 198—203.

γ) *Мостовая пошлина.*

b) А хто коли помостное завѣдаетъ [215]) на городѣ, тотъ бы съ тыхъ людей, которыхъ дѣлница сказится [216]), а зася [217]) замостить, по грошу бралъ; а чія дѣлница мосту будетъ цѣла, на томъ бы ничого не бралъ [218]). 209—214.

δ) *Брачныя пошлины.*

c) А куницы змирскіе [219]), свадебные [220]) брано бы зъ нихъ по шести грошей, а вдовью куницу [221]) по дванадцати грошей. 214—216.

---

[210]) Квартиръ не отводить (для ночлега, отдыха и пр.).

[211]) *Стацеи*—повинность, состоявшая въ доставкѣ (безденежно) разныхъ съѣстныхъ припасовъ для вел. князя и его свиты, а равно для воеводъ съ его слугами и проч. должностныхъ лицъ, во время ихъ проѣзда, остановки, ночлега и пр.

[212]) Варь (варница)—соловарня, заводъ для выварки соли.

[213]) См. примѣч. 147.

[214]) Конюшіе—шталмейстеры.

[215]) Наблюдающій за исправностью мостовъ.

[216]) Чей участокъ испортится.

[217]) Снова, потомъ.

[218]) Указанная пошлина взыскивалась только съ того, чей участокъ пришелъ въ неисправность вслѣдствіе плохаго за нимъ присмотра. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мостовая повинность замѣнена денежнымъ взносомъ: тотъ, чей участокъ пришелъ въ неисправность, сверхъ уплаты одного гроша, долженъ самъ привести свой участокъ въ надлежащій видъ.

5[1]. што ся тычетъ куницъ свадебныхъ, коли нашъ человѣкъ въ князского человѣка, або въ панского, або въ земянского пойметъ дѣвку, ино выводная куница тому государю, въ чіего человѣка дѣвку пойметъ; а пойметъ князскій, або панскій, або земянскій человѣкъ въ нашого человѣка дѣвку, ино куница выводная нашому воеводѣ зъ нашого человѣка [222]). 166—174.

5[2]. *NB. Дословно то же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 182—190.

XLVIII. Запрещеніе органамъ мѣстнаго управленія брать незаконныя пошлины.

2. А воеводѣ нашому отъ пригоновъ городскихъ посуловъ не брати [223]). 246—248.

4. Тежъ, кгды бы есмо, зъ нашое ласки, нѣкоторому нѣшто дали, або его чимъ осмотрѣли [224]): отъ того жадный тивунъ, маючи взглядъ на таковое опатренье и обдаренье, не маетъ брать отъ таковыхъ посулу. 119—123.

Item, quando de liberalitatis nostrae gratiae, quid dabimus, aut providebimus alicui, ab illo, respectu ejusmodi nostrae donationis et provisionis, nullus civonorum, euxemia alias possuły repetere et exigere non debet. 133—138.

---

[219]) *Куница змирская*—мировая пошлина, пошлина съ тяжущихся сторонъ, примирившихся до судебнаго разбирательства. См. ст. СП.

[220]) *Куница свадебная*—брачная пошлина. Пошлина эта, взимавшаяся съ брачущихся мѣщанъ и крестьянъ, обыкновенно шла въ пользу представителя мѣстной власти (воеводы, намѣстника или старосты). Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣста (крестьянка) бралась изъ шляхетскаго имѣнія, брачная пошлина шла въ пользу владѣльца этого имѣнія. См. слѣд. грамоту.

[221]) *Куница вдовья*—пошлина (брачная) съ вдовы, вступающей въ новый бракъ. Пошлина эта, какъ отсюда видно, была въ два раза больше обыкновенной брачной пошлины.

[222]) Здѣсь обстоятельно опредѣляется, въ какихъ случаяхъ брачная пошлина съ крестьянъ шла въ пользу воеводы и въ какихъ—въ пользу землевладѣльцевъ. Что же касается того, въ какихъ размѣрахъ пошлина эта взималась въ Кіевской землѣ, данная устав. грамота умалчиваетъ; въ устав. же грамотѣ, пожалованной (въ 1494 г.) Кіевскимъ мѣщанамъ, находимъ слѣд.: „А свадебную куницу давати имъ шерстью; а не будетъ куницы шерстью, ино пять грошей за куницу“ (Ак. Запад. Рос. I, № 120).

[223]) Посулъ—взятка, незаконный поборъ. Такъ какъ „пригонами“ обыкновенно назывались различ. тяглыя, издѣльныя работы, то общій смыслъ настоящаго пункта, повидимому, слѣдующій: воевода не долженъ извлекать для себя к.-л. личныхъ выгодъ съ производящихся въ городѣ тяглыхъ работъ.

6. А слугамъ старостинымъ, ѣздячи по селомъ, зарукъ не заручати [225]): нижьли бы хто хотѣлъ на чые имѣнье моцно наѣхати, альбо кого збити, а онъ будетъ заручати, а на то доводъ вчинитъ: то есть справная зарука [226]). 77—81.

7. Зася по вмерломъ чоловѣцѣ, близкими будучимъ, за добра, правомъ близкости, отъ онего жо ницъ не ма быть взято отъ старосты и судьи и подсудка [227]). 91—94.

Item post mortuam manu, propinquis, agentibus pro bonis jure propinquitatis, ab eisdem, nihil recipi debet, a capitaneo, judice et subjudice. 99—102.

XLIX. Отмѣна, по жалобѣ населенія, всякаго рода нововведеній и притѣсненій, вызванныхъ корыстолюбіемъ и самовластіемъ органовъ мѣстнаго управленія.

3. *а*) А што его милость смотрѣлъ ихъ съ паны радою своею, о томъ, ижъ панъ Миколай Радивиловичъ, воевода Виленскій [228]), канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости Смоленескъ держалъ, хотѣлъ имъ новины вводити тые: коли зъ города Смоленска ѣздживалъ по

---

[224]) „Осмотрѣть"—тоже, что лат. providere и польск. opatrywać; отсюда упомянутое ниже „опатренье" (opatrzenie; въ лат. текстѣ—provisio)—попеченіе, забота, поддержка.

[225]) *Зарука*—обезпеченіе, закладъ, а также пеня за самоуправство. Изъ различныхъ литовско-русскихъ законодат. памятниковъ видно, что тотъ, на жизнь или имущество котораго послѣдовали угрозы со стороны другого, обыкновенно хлопоталъ о выдачѣ ему *заручнаго* или охранительнаго листа, въ которомъ опредѣлялись размѣры пени на случай исполненія угрозы (листы эти обыкновенно выдавались изъ вел.-княжеской канцеляріи). Во время земельныхъ тяжбъ заручные листы выдавались той изъ тяжущихся сторонъ, которая опасалась наѣздовъ и грабежа, т. е. самоуправнаго нарушенія своего владѣнія противною стороною. См. Лит. Стат. 1529 г., р. I, ар. 12; р. VII, ар. 7; Лит. Стат. 1566 г., р. I, ар. 21, а также Ак. Зап. Рос. т. III, стр. 34, 181 и др.

[226]) Слуги старостъ при разъѣздахъ своихъ по частновладѣльческимъ имѣніямъ не въ правѣ взыскивать собственною властью „зарукъ" или штрафовъ за самоуправство; „зарука" считается взысканной законнымъ образомъ („справная зарука") лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ, на жизнь и владѣльческія права котораго было сдѣлано посягательство со стороны другого, докажетъ это на судѣ („на то доводъ вчинитъ") и будетъ требовать взысканія съ виновнаго пени за самоуправство.

[227]) Органы мѣстнаго управленія не должны взимать съ лицъ, наслѣдующихъ по закону („по праву близкости", т. е. по праву родства) никакихъ пошлинъ.

[228]) Николай Радзивилъ, управлявшій Смоленскою землею при Казимірѣ, былъ назначенъ воеводою Виленскимъ въ 1508 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Рус. Исторія", т. II, в. I, стр. 79.

дворомъ Смоленскимъ, а любо въ ловы, тогды въ нихъ подводы биривалъ зъ мѣста подъ себе и подъ свои рѣчи, и околничіе Смоленскіе, и намѣстникъ, и слуги пана Миколаевы такожъ въ нихъ подводы зъ мѣста биривали; а коли на Глушицы панъ Миколай мѣшкивалъ, ино слуги его много въ нихъ зъ мѣста чоликовъ зъ людми [229]) бирали подъ его рѣчи, которые коли до него къ Глушицы проваживали; такожъ, коли самъ мѣшкивалъ въ городѣ въ Смоленску, тогды велѣлъ имъ сторожи [230]) давати на свой дворъ со всего мѣста, чого жъ здавна, за великого князя Витовта и за Жикгимонта и за отца нашого короля его милости, николи не бывало: нижьли только давали по два сторожи до скарбу намѣстниковъ Смоленскихъ, въ тотъ часъ, коли они зъ города зъѣзджали, и то съ тяглыхъ людей, которые здавна тую службу служивали. 98—121.

b) Такожъ рядничій пана Миколаевъ биралъ взвѣстку у гостей у купцовъ [231]), которые пріѣзджають со Мстиславля, съ Крычова и зъ иншихъ городовъ, чогожъ передъ тымъ не бывало, а противъ того [232]), на Смолянѣхъ во Мстиславли и въ Крычовѣ и въ иныхъ городѣхъ взвѣстку бирали; а здавна, рядничіи намѣстниковъ Смоленскихъ на Мстиславцахъ и на Кричовцахъ и на иныхъ купцахъ нашихъ городовъ и мѣстъ взвѣстки не бирали, нижьли бирали взвѣстку на Москвичахъ, на Тферичахъ и на иныхъ купцахъ чужоземцахъ. 142—153.

c) Такожъ околничіе Смоленскіе и врядники намѣстниковъ [233]) Смоленскихъ ново ввели: на тыхъ купцахъ, которые зъ Вязмы и зъ Дорогобужа и зо Мстиславля и зъ селъ привозятъ къ городу мясо

---

[229]) Лодокъ съ гребцами.

[230]) Сторожей.

[231]) Подъ *рядничимъ* здѣсь разумѣется намѣстничій урядникъ, завѣдывавшій торговыми рядами; на немъ, какъ это видно изъ даннаго пункта грамоты, лежала, между прочимъ, обязанность взимать торговыя пошлины. *Взвѣстка* или вѣсчее—пошлина за взвѣшиваніе товара; пошлина эта взималась въ Смоленскѣ лишь съ пріѣзжихъ купцовъ и при томъ чужеземныхъ, а не иноземныхъ или иногородныхъ. Въ Полоцкѣ доходъ съ городскихъ вѣсовъ былъ предоставленъ въ пользу города,—бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ. См. ст. XXXI.

[232]) А вслѣдствіе этого.

[233]) „Врадники (урядники) намѣстниковъ"—низшіе органы мѣстнаго управленія, состоявшіе при намѣстникѣ.

продавати цѣлыми стяги [234]), бирали съ стягу по полугрошку; а того здавна не бывало, нижьли съ тыхъ рѣзниковъ, которые въ мѣстѣ живуть и мяса продають, тотъ доходъ околничіе бирали. 153—161.

d) Такожъ и тую новину панъ Миколай ввелъ былъ имъ: велѣлъ имъ со всего мѣста люди выгоняти на Есеную, прудовъ сыпати [235]), а здавна того мѣщане не дѣлывали, нижьли тяглые люди пруды сыпывали. И отецъ нашъ король его милость, съ паны радою своею, довѣдавшися того достаточнѣ отъ нихъ и отъ князей и пановъ и бояръ земли Смоленскоѣ, ижъ тые пошлины вси имъ ново введены, и зася тые вси новины вышеписаные его милость имъ отложилъ, а вчинилъ все по старому, какъ передъ тымъ бывало. 169—180.

5[1]. Такожъ просили насъ князи и паны и земяне Кіевскіе, ижъбы имъ новины вводили врядники наши воеводы Кіевскіе: зъ ихъ людей куницы свадебные беруть, и тежъ на имѣнья ихъ слугъ своихъ насылають и безъ каждого права грабятъ [236]) ихъ самихъ и людей ихъ; такожъ хто бы ся заложилъ [237]) у которое право на насъ господаря, и они ихъ до насъ не допущають; тежъ о мыта [238]) новые, гдѣ здавна не бывали, а ново вставлены; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тые новины отложили. И мы о томъ помысливши съ паны радою нашою, уставляемъ такъ [239]): 154—166.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 169—182.

---

[234]) Стягъ—туша убитаго рогатаго скота. Акад. Слов. IV, 242.

[235]) Рыть пруды.

[236]) *Грабежъ*—обычная мѣра приведенія въ исполненіе судебнаго приговора, въ случаѣ уклоненія осужденной стороны отъ добровольнаго удовлетворенія истца или потерпѣвшаго (Л. Стат. 1529 г., р. VI, ар. 31). Такой грабежъ назывался „урядовымъ“ въ отличіе отъ „безправнаго“, или самоуправнаго. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о наѣздѣ и грабежѣ, учиненныхъ безъ уполномочія суда („безъ каждаго права“), т. е. о самоуправномъ нарушеніи владѣнія. См. также ст. свода CIII.

[237]) См. ст. XCVIII. Здѣсь имѣется въ виду тотъ случай, когда тяжущіяся стороны приходили къ взаимному соглашенію передать свой споръ на рѣшеніе вел. князя. Изъ ст. XCII видно, что обращеніе (по гражд. дѣламъ) къ суду великокняжескому мимо суда воеводы допускали и Кіевская и Волынская устав грамоты; срокъ для явки къ суду вел. князя назначалъ воевода. См. примѣч. къ ст. XCII.

[238]) См. ст. LXV, а также примѣч. 247.

[239]) Постановленія, вызванныя этою просьбою объ отмѣнѣ „новинъ“, введенныхъ Кіевскими воеводами, отнесены по принадлежности къ различнымъ статьямъ свода. См. ст. XLVII (грам. № 5), CIII, XCII и LXV.

L. Право и способъ обжалованія неправильныхъ по суду дѣйствій органовъ мѣстнаго управленія (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).

7. Едно бы ся кгды пригодило съ пригоды, судья съ подсудкомъ нѣкторего земянина судили, а естли бы ся ему видѣло зъ тего кривду; теды таковый земянинъ може судью съ подсудкомъ позвать предъ насъ. 113—117.

Casu uero quo judex cum subjudice terrigenam judicarent ut ex eorum sententia, sibi uideretur grauamen, extunc, talis terrigena, judicem et subjudicem euocare et citare ad nostram praesentiam poterint [240]). 122—127.

3. Постановленія относительно государственныхъ податей, пошлинъ и натуральныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различныхъ господарскихъ даней и службъ.

LI. Подымщина (подать съ дымовъ или жилищъ); освобожденіе отъ нея владѣльческихъ крестьянъ.

5[1]. А о подымщинѣ, какъ будетъ было за великого князя Витовта. 79—81.

5[2]. А подымщины людемъ ихъ намъ господарю [241]) не давати: нижьли мають они паномъ своимъ давати, хто кому служитъ [242]). 261—264.

---

[240]) Такъ у Дзялынскаго (Zb. pr. lit., 80); между тѣмъ по смыслу должно быть— „poterit“.

[241]) „По литовскимъ законамъ, государственныя подати назначались на господарскую (королевскую) „потребу“ и потребу земскую. Подъ господарскою потребою разумѣлись издержки, шедшія собственно на короля и дворъ... Потребы земскія обозначали преимущественно чрезвычайныя издержки, въ какихъ нуждалось государство только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., въ виду предстоявшей войны и въ др. случаяхъ. Потребы перваго рода имѣли постоянное значеніе; поэтому и назначавшіяся на нихъ подати были постоянными, собирались на основаніи опредѣленныхъ окладовъ и въ положенные сроки“. *Ѳ. И. Леонтовичъ*: „Крестьяне...“, 80.

[242]) См. также ст. LIII, LVIII, LX, LXI и др. Свобода владѣльческихъ крестьянъ отъ многихъ господарскихъ податей и повинностей была провозглашена еще шляхетскою грамотою 1457 г. (ст. 11), но полнаго и повсемѣстнаго освобожденія своихъ имѣній отъ господарскихъ налоговъ, поборовъ и повинностей землевладѣльцы достигли (какъ это видно, между прочимъ, изъ нижеслѣдующихъ статей настоящей рубрики) лишь въ началѣ XVI в. Такимъ образомъ, то, что въ Московскомъ государствѣ (а до половины XV в. и въ Литовскомъ) было предметомъ содержанія особыхъ (льготныхъ) грамотъ, являлось особою

LII. Куничная дань или промысловая подать.

4. А которыи за дань давали куницы, часу князя Витовта, тыи и теперъ мають давать и платить тыи куницы. 116—118.	Qui vero contributiones mardorum, tempore ducis Witowdi solvebant et contribuebant illos et nunc dictos mardores et contribuere et exolvere volumus. 128—132.

LIII. Освобожденія владыльческихъ людей (въ Волынск. земли) отъ платежа воловщины [243]).

6. А къ тому тежъ, зъ особливоѣ ласки нашое, бачучы ихъ вѣрную, а пильную, накладную, николи не отмѣшканую службу [244]), которую жъ они здавна, завжды, не лютуючи горлъ своихъ, цнотливе [245]), предкомъ нашимъ и намъ, пану своему дѣдичному, оказывали, зъ ласки нашое на ихъ покорную просьбу и чоломбитье, пожаловали есмо ихъ, отпустили есмо имъ зъ ихъ людей воловщину по всей Волыньской земли, которую жъ воловщину здавна, за предковъ нашихъ, люди ихъ давали; а пожаловали и отпустили есмо имъ вѣчно на вѣки вѣчныи, и тоѣ воловщины мы вжо господарь не маемъ зъ людей ихъ брати, а ни потомкове наши: 141—155.

LIV. Освобожденіе жителей (Полоцкой области) отъ уплаты постоянной серебщизны.

2. *a*) и тежъ серебщизну [246]) отпустили есмо имъ вѣчнѣ. 195—196.

b) *NB. Постановленіе о совмѣстной уплатѣ временной серебщизны и ордынщины мѣщанами и крестьянами вошло въ составъ XXXVI ст. свода.*

привилегіей для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, въ Литовской Руси, благодаря упадку великокняжеской власти и непомѣрному возвышенію шляхетскаго сословія (см. выше стр. 19—21), обратилось въ нач. XVI в. въ общее правило, въ общую юридич. норму, санкціонированную Литовскимъ Статутомъ (Л. С. 1529 г., р. I, ар. 22).

[243]) *Воловщина*—подать съ крестьянскихъ воловъ. Отъ этой подати имѣнія Волынской шляхты были освобождены еще въ 1503 г. (вел. кн. Александромъ), но только на 14 лѣтъ (Ак. Зап Рос. I, № 201); настоящимъ пунктомъ Волынск. устав. грамоты (1509 г.) воловщина отмѣняется навсегда.

[244]) Вѣрную, усердную, накладную (убыточную) и всегда безотлагательную службу.

[245]) Не щадя своей жизни, доблестно...

[246]) О *серебщизнѣ* и *ордынщинѣ* см. прим. 167

LV. Случаи освобожденія жителей отъ платежа провозныхъ пошлинъ [247]) *(на пространствѣ всего государства).*

1. Также есмо имъ и мыта отпустили по всей отчинѣ нашой вѣчно. 75—76.

2. Также есмо и мыта имъ отпустили по всей нашой державѣ, 194—195.

LVI. Постановленіе о тамгѣ.

3. Тежъ тамга [248]) на горожанахъ Смоленскихъ намъ не надобѣ, нижьли на гостѣхъ тамга брати. 53—55.

LVII. Отмѣна нѣкоторыхъ налоговъ, существовавшихъ лишь въ Смоленскѣ.

3. А сто рублевъ, што зъ города давали на годъ, то его милость имъ на вѣки отпустилъ; а што Тферичи, мѣстичи Смоленскіе [249]), двадцать рублевъ грошей давали, и то его милость имъ такожъ отпустилъ. 62—66.

LVIII. Тяглыя работы (полевыя, луговыя, дворцовыя, ѣздовыя и пр.) и случаи освобожденія отъ нихъ.

1. А сябровъ городскихъ [250]) въ пригонъ нашъ не гнати, а ни въ подводы, а ни въ ловы. 60—62.

---

[247]) Въ приведенныхъ ниже постановленіяхъ рѣчь идетъ именно о провозныхъ пошлинахъ, или проѣздномъ и подорожномъ мытѣ (различался мытъ водяной, сухопутный, мостовой и пр.), а не о торговомъ мытѣ, или пошлинахъ при продажѣ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ и пр. (вѣсчее, помѣрное, повозное и пр.; мытъ рыбный, мясной, хлѣбный и пр.). Такое заключеніе, между прочимъ, можно сдѣлать изъ слѣд. пункта грамоты на магдебургское право, пожалованной Полоцку въ 1510 г.: „Будуть тежъ вольни вси мѣщане Полоцкіе отъ мыта, сухимъ путемъ и водою, черезъ все князьство великое Литовское..“ (Ак. Зап. Рос. II, № 61).

[248]) *Тамга* (первонач. значеніе—клеймо, знакъ)—внутренняя таможенная пошлина. См. „Христоматію по ист. рус. пр.“ I, 126; Акад. Слов. IV, 270.

[249]) Рѣчь идетъ о выходцахъ изъ Тверской земли, бѣжавшихъ оттуда въ Литву, можетъ быть, вслѣдствіе событій 1484 г. и пріобрѣвшихъ осѣдлость въ г Смоленскѣ. (Въ 1484 г. Тверское княжество было занято войсками вел. кн. Іоанна III, а кн. Тверской Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ къ Казиміру).

[250]) Въ ст. свода XCIII: „мѣщанскіе сябры“. Трудно рѣшить, кто именно разумѣется здѣсь подъ *сябрами*. Въ Псков. суд. грамотѣ слово „сябръ“ употребляется въ смыслѣ совладѣлецъ земли, сотоварищъ по предпріятію. См. „Христом. по ист. рус. пр.“ I, 165 и 160. Въ смыслѣ же совладѣльца нераздѣленнаго движимаго или недвижимаго имущества упо-

2. такожъ зъ боярскихъ и зъ мѣщанскихъ селъ людемъ не надобѣ ни на какую службу тягнути къ нашимъ княжимъ дворомъ. 99—102.

4. *a*) И тымъ, которыи, часу пановъ князей Витовта и Казимира наречоныхъ, не косили сѣна, тыи и теперъ не мають косити. 30—32.

b) а которыи люди зъ поспольства поступовали службы, часу короля Владыслава и князя Витовта и тежъ отца нашого, такіи тежъ службы и намъ мають поступовати. 70—74.

c) А нашихъ коней не мають они николи стравовати[251]) а ни пастьвити. 114—115.

Item qui tempore dominorum ducum, Witowdi et Casimiri, praefatorum faenum non falcarunt, isti modo etiam falcare non tenentur. 36—39.

Quicunque vero homines de communitate seruitutes suas quomodo exhibebant tempore Vladislai regis, ducis Witowdi et genitoris nostri: pari modo nobis easdem servitutes debent et nunc impendere. 82—87.

et equi nostri per eos non debent pabulari. 127—128.

5[1]. А церковнымъ людемъ и князскимъ и панскимъ ѣзовъ [252]) не ѣзити, а сѣна не косити, а дворовъ нашихъ не селити: только имъ знати своихъ государовъ, хто кому служитъ, какъ будетъ было за великого князя Витовта [253]); а наши дворы нашими людми селити. А што придали люди князь Александро и князь Семенъ [251]), тымъ

треблено слово „сябръ“ и въ Лит. Стат. 1529 г. (р. VI, ар. 32). Указанное затрудненіе происходитъ глав. образомъ оттого, что въ ст. XCIII мѣщанскіе сябры упоминаются на ряду съ боярскими людьми, при чемъ и тѣ и др. освобождаются отъ суда мѣстн. правит. органовъ и подчиняются суду „своихъ господарей“. Впрочемъ, имѣя въ виду, что слово „сябръ“ значитъ не только—участникъ, товарищъ, но и сосѣдъ (см. Слов. Линде т. V, 249; Акад. Слов. IV, 265), можно предположить, что въ Витебскѣ и Полоцкѣ „сябрами“ именовались такъ называемые *подсосѣдки*, т. е. крестьяне, которые, по словамъ Ѳ. И. Леонтовича, не имѣли своихъ дворовъ и земель, но жили по чужимъ угламъ („Крестьяне...“, стр. 29); мѣщанскими же или городскими—сябры, упоминаемые Витебской и Полоцкой грамотами, назывались м. б. оттого, что жили въ сосѣдяхъ или подсосѣдкахъ на дворахъ, принадлежавшихъ мѣщанамъ. (Разрядъ крестьянъ, называемыхъ „подсосѣдками“ или просто „сосѣдями“, былъ извѣстенъ еще Вислицкому Статуту. См. Ак. Зап. Рос. I, стр. 12).

[251]) Кормить, доставлять кормъ.

[252]) См. примѣч. 208.

[253]) Въ подтвердит. грам. 1529 г. слова: „какъ будетъ ....Витовта“—опущены.

людемъ такжо ѣзовъ не ѣзити, а сѣна не косити и дворовъ нашихъ не селити. 122—131.

b) А въ облаву церковнымъ людемъ и князскимъ и панскимъ не ходити. 147—149.

5². *a*) *NB. То же, что и въ предыд. грамотѣ, только съ отличіемъ, указаннымъ въ 253 примѣчаніи.* 146—153.

b) *NB. То же, что и въ параллельн. мѣстѣ предыдущей грамоты.* 163—164.

c) А сокольихъ гнѣздъ людемъ ихъ не стеречи. 264—265.

6. Такожъ што били чоломъ брату нашому его милости, о томъ, штожъ которыи люди церковныи, князьскіи, паньскіи и земянскіи хоживали на роботу къ зàмку Луцкому и къ дворомъ нашимъ, орати, и жати, и сѣно косити, и его милость то имъ отпустилъ [225]); 113—119.

LIX. Оправа замковая и городовая (устройство и исправленіе королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій); случаи освобожденія отъ этой повинности.

4. *a*) И тежъ на роботы замковыи не мають ходити, яко и за князей Витовта и Казимира не ходили. 33—35.

b) Тежъ дворы наши новыи у ихъ повѣтѣхъ не мають быти черезъ насъ будованы [256]), одно оныи дворы мають быти направованы и будуть тыи, которыи были часу князя Витовта. 106—110.

Item ad labores castrorum ambulare non debent, sicuti et tempore ducum, Witowdi et Casimiri, non ambulabant. 40—42.

Curiae nostrae novae in ipsorum districtibus per nos non sunt erigendae, aut edificandae, nisi illae, quae tempore ducis Witowdi erant ab antiquo reficiendae et reformandae. 120—124.

5¹. А городки [257]) Кіевскіе по старому: дѣлати города каждому надобѣ. 131—132.

5². *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 153—155.

---

[254]) Здѣсь рѣчь идетъ о крѣпостныхъ крестьянахъ, пожалованныхъ различ. вотчинникамъ Кіевскими князьями Александромъ Владимір. и Симеономъ Александр. О времени ихъ княженія см. выше стр. 67—68.

[255]) См. примѣч. 242.

[256]) Не будутъ строиться.

[257]) Городскія укрѣпленія.

LX. Сторожовщина (поставка сторожей въ замки, городовыя укрѣпленія и пр.) и станичная служба въ пограничныхъ мѣстахъ; случаи освобожденія отъ этой повинности.

3. *NB. Постановленіе этой грамоты относительно поставки сторожей въ замокъ включено въ ст. XLIX, а.*

5[1]. А которые люди церковные и князскіе и панскіе въ Чернобыли недѣли стерегуть, тымъ людемъ коней не паствити и дровъ не возити: толко имъ смотрити недѣли своее, посла да гонца [258]), какъ будетъ было за великого князя Витовта. 138—143.

5[2]. А пито люди церковные, и князьскіе и паньскіе и боярскіе стерегивали недѣли въ Чернобыли, и подводы даивали воеводамъ и посломъ и гоньцомъ, нашимъ и Татарскимъ: мы имъ и людемъ ихъ, зъ ласки нашое, то вѣчно отпустили. 256—261.

7. Ижъ десять чоловѣковъ въ замку нашомъ Белскомъ на сторожу, по недѣли мають стережчи, безъ жадней заплаты пѣняжней; и тежъ, алижъ бы велика потреба была, на войну, гдѣжъ тогды веле люду слушно быти [259]). 47—51.

Quod decem homines in castro nostro Bielscensi, pro custodia, septimanatim teneri debebuntur, sine tamen aliqua solutione pecuniae: excepto belli ardua expeditione, ubi tunc plures fieri opportunum esset. 50—55.

LXI. Подводная повинность и случаи освобожденія жителей отъ этой повинности.

1. А въ подводы коней въ городскихъ людей и въ поселскихъ путныхъ не брати. 32—34.

2. А въ подводы намъ коней въ Полочанъ не брати, ни въ посельскихъ путниковъ, ни въ сябровъ городскихъ [260]); 97—99.

---

[258]) Они должны только отбывать поочередно (по недѣлямъ) станичную службу въ Чернобыли (мѣст. Радомысльскаго уѣзда, Кіевск. губ.) и давать подводы посламъ и гонцамъ.—Подтверд. грамота (см. ниже) освобождаетъ владѣльч. крестьянъ и отъ станичной службы и отъ подводной повинности.

[259]) Для охраны замка должны являться еженедѣльно и при томъ безъ всякаго вознагражденія лишь десять человѣкъ, на войну же, въ случаѣ надобности, отправляются всѣ.

[260]) См. примѣч. 75 и 250.

3. А подводъ горожаномъ не велѣлъ давати, казалъ его милость подводы держати зъ волостей на свои потребы; а къ пріѣзду своему, и горожаномъ подводы велѣлъ его милость давати, по тому какъ и при великомъ князи Витовтѣ давали. 68—73.

5[1]. А церковнымъ людемъ и князскимъ и панскимъ село отъ села подводъ не давати, какъ будетъ было за великого князя Витовта [261]). 108—110.

5[2]. *a) То же, что и въ предыдущей грамотѣ, но съ отличіемъ, указаннымъ въ 261 примѣчаніи.* 132—133.

b) А на пословъ нашихъ и на Татарскихъ и на иныхъ, которые до насъ черезъ Кіевъ идуть, и зася назадъ, люди ихъ не мають стацей и подводъ давати [262]). 246—249.

LXII. Общая земская ратная служба (посполитое рушенье).

1. А на войну быти имъ съ нами посполу готовымъ. 48—39.
2. А съ нами имъ быти готовымъ на войну. 107—108.
7. *NB. См. въ ст. LX грамоту подъ № 7.*

И. Постановленія, относящіяся къ торговлѣ и промысламъ.

LXIII. Опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ дозволяется одной области взимать таможенныя пошлины съ жителей другой области.

3. Тежъ и то его милость выписалъ имъ привилеи своемъ: естли бы Полочане брали на Смолнянѣхъ мыто отъ соли и отъ воску, и его милость такожъ Смолняномъ велѣлъ брати на Полочанѣхъ мыто отъ соли и отъ воску; а естли бы Полочане на Смолнянѣхъ не брали, ино и Смолняномъ на Полочанѣхъ не брати. 85—92.

LXIV. Предоставленіе городу Смоленску права взимать съ пріѣзжихъ купцовъ торговый мытъ (вѣсчее) съ меду, соли и пр.

3. тежъ вѣсъ медовый, соляный, музолки, коромыслъ, тымъ его милость Смолнянъ пожаловалъ [263]). 60—62.

---

[261]) Въ подтверд. грамотѣ 1529 г. слова: „какъ будетъ ....Витовта"—опущены.

[262]) См. также ст. XLVI, *b* и примѣч. 211.

[263]) Примѣч. Археографич. Коммиссіи: „Это мѣсто переписчикомъ испорчено; въ ориг. и коп. Метрики оно стоитъ такъ: „вѣсъ дѣдовы соляны и т. д." (Ак. Зап. Рос., стр. 360). Даниловичъ (Skarbiec II, стр. 271), а за нимъ и г. Чарнецкій (Унив. Изв. 1867 г. № 5) предполагаютъ, что здѣсь говорится о пожалованіи Смольнянамъ какихъ-то селъ: Дѣдова, Селяны, Музолки и Коромыслъ. Но несмотря на нѣкоторую неясность словъ

LXV. Запрещеніе воеводамъ и землевладѣльцамъ установлять и взимать новыя (кромѣ уже издавна существующихъ) торговыя и провозныя пошлины.

5[1]. А о мыта новые такъ уставляемъ: гдѣ бы здавна не бывали, за предковъ нашихъ, за великого князя Витовта и за Жикгимонта и перво сего за отца нашого и за брата нашого короля его милости, тутъ и теперь не потребъ воеводамъ нашимъ мытъ новыхъ уставляти, нижьли старые звѣчные мыта мають браны быти по давному: 195—203.

5[2]. *NB. Дословно то же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 212—218.

6. Тежъ што братъ нашъ подавалъ князѣмъ и панѣмъ Волынскимъ новыи торги, ино дей въ тыхъ торзѣхъ мыта беруть зъ людей князьскихъ и паньскихъ; и братъ нашъ его милость тыи ихъ новыи мыта имъ отложилъ, и то имъ въ привильи своемъ выписалъ: хто бы взялъ мыто въ новомъ торзѣ, або въ ярморку, на князьскомъ, або на паньскомъ чоловѣцѣ, ино тотъ маетъ чотыри копы заплатити силы тому, чый чоловѣкъ [264]); нижьли мають тыи старыи мыта давати, гдѣ передъ тымъ будуть давали. А и мы ихъ такожъ при всемъ томъ зоставили, и тыи мыта новыи имъ отложили. 100—113.

LXVI. Запрещеніе жителямъ Смоленска держать корчмы.

3. А корчмы въ городѣ Смоленску не держати [265]). 55—56.

„музолки“ и „коромыслъ“, очевидно, что въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о торговомъ мытѣ или такъ назыв. *вѣсчемъ* (=вѣсъ). Кромѣ того, въ подтвердит. Смоленской грамотѣ, пожалованной въ 1514 г. вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ, это мѣсто изложено такъ: „Также есми пожаловалъ Смолнянъ мещанъ и черныхъ людей вѣсчимъ, съ которого товару имали вѣсчего напередъ сего, съ воску, и съ меду, и съ соли и съ иного товару“ (Собр. Грам. и Догов. I, № 149, стр. 412).

[264]) Всякій, взыскавшій мытъ съ владѣльческаго крестьянина на вновь-установленныхъ (съ разрѣшенія вел. князя) торгахъ и ярмаркахъ, долженъ уплатить штрафъ въ 4 копы литов. грошей въ пользу вотчинника, отъ котораго зависитъ этотъ крестьянинъ.

[265]) Въ подтвердит. Смоленской грамотѣ, пожалованной въ 1514 г. вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ: „Также нашимъ намѣстникомъ, и околничимъ, и княземъ, и бояромъ, и мещаномъ, и чернымъ людемъ, и ихъ людемъ и всѣмъ урядникомъ Смоленскіе земли корчемъ не держати“ (Собр. Грам. и Дог. I, стр. 412).

LXVII. Постановленія о великокняжескихъ правахъ охоты и о правахъ на звѣроловство и рыболовство населенія земель.

2. А бобры гнати по старой пошлинѣ [266]). 114.

4. *a*) Тежъ за ся кожды можетъ лововъ поживати, тамъ гдѣ теперъ суть ловы, кромъ тыхъ лововъ, въ которыхъ ловѣхъ панове князи Витовтъ и Казимиръ ловили. 24—27.

b) И тежъ звѣръ всякій посполитый [267]) въ лѣсѣхъ и рыбы въ рѣкахъ такъ яко (съ) стародавна ловили, того имъ и теперъ допущаемъ. 111—113.

Item quilibet potest venari, ubi prius venabatur, exceptis venationibus, in quibus domini duces Witowdus et Casimirus sunt venati. 29—32.

Item feras et bestias silvestres in silvis, et in ripis et fluviolis, ut ab antiquo eis venari permittimus: 125—127.

5[1]. А бобровъ по церковнымъ селамъ и по князскимъ и по панскимъ и по боярскимъ не гонити: гонити нашимъ бобровникомъ по тымъ полосамъ, куда будуть бобровницы гонивали великого князя Витовтовы, и нашимъ бобровникомъ по тымъ же полосамъ гонити. 132—138.

5[2]. А бобровъ по церковнымъ и по князьскимъ и по паньскимъ и по боярскимъ селамъ не гонити: гонити нашимъ бобровникомъ по нашимъ землямъ и водамъ. 155—158.

LXVIII. Пожалованіе жителямъ города Витебска трехъ урочищъ для застройки и для городскихъ выгоновъ.

1. И еще пожаловали есмо ихъ, придали имъ, на садибу и на выгонъ, Койтинъ боръ, а Михайловскій боръ, а Заручевьскій боръ [268]). 76—79.

---

[266]) Въ чемъ заключалась эта старая пошлина о бобровыхъ гоняхъ, объясняетъ конецъ „Записи о Смоленской посощинѣ, 1453 г. (или позже)“. См. Ак. Зап. Рос. I, № 55. См. также ниже грам. подъ № 5[1].

[267]) Всѣхъ вообще звѣрей.

[268]) Въ подтвердит. Витеб. грамотѣ 1509 г., единственное изданіе которой принадлежитъ Дзялинскому (Zb. pr. lit., 91—101), вм. „боръ“ стоитъ „wor“. Даниловичъ (Skarbiec, II, стр. 268) совершенно неосновательно замѣняетъ слово „боръ“ словомъ „дворъ“. То же дѣлаетъ и г. Чарнецкій.

I. Постановленія, относящіяся къ гражданскому праву [269]).

LXIX. О завладѣніи пчелами.

7. Естли бы который земянинъ бчолы въ гродѣ мѣлъ, у границахъ своихъ ма взяти рой и свѣпетъ, а таковы на ся заховать [270]). 134—136.

Et si aliquis terrigena, apes in horto habuerit, in graniciebus suis debet recipere examen, alias roj, et swyepiotho, et pro se talia reseruare. 144—147.

LXX. О находкѣ.

7. Русиномъ на ся жалуючимъ о быдло блудно [271]), кони и далѣй, такове земянинъ третего дня на замокъ ма отдать; а староста таковому земянинови, который оно блудно до замку бы привелъ, отъ кождого быдлетя ма грошъ дать [272]). 174—179.

Ruthenis huiusmodi se quaerulantibus, animalia errantia, wlgariter błądne, ut sunt, equus, bos etc. huiusmodi terrigena ad tercium diem, ad castrum praesentare tenebitur, capitaneusque huiusmodi terrigenae, qui errantia, błądne, ad castrum adduxerit, a quolibet, aut pecude, grossum dare tantum tenebitur. 196—203.

---

[269]) Постановленія литовско-русскихъ устав. земск. грамотъ, относящіяся къ области матеріальнаго гражданск. права, касаются лишь права вещнаго и наслѣдственнаго. Что же касается немногихъ опредѣленій уставн. грамотъ, посвященныхъ отношеніямъ семейственнымъ, то они самостоятельнаго значенія не имѣютъ и относятся, главнымъ образомъ, къ наслѣдству.

[270]) Земянинъ, имѣющій въ своемъ саду пчелы, въ правѣ завладѣть роемъ и „свѣпетомъ“, сѣвшими въ этомъ саду. Здѣсь, полагаемъ, рѣчь идетъ не только о дикихъ пчелахъ, никому не принадлежащихъ, но также и о тѣхъ, которымъ стало тѣсно въ бортяхъ прежняго хозяина, и которыя въ пору роенія отдѣлились, или, выражаясь языкомъ пчеловодовъ, отроились отъ стараго роя, и съ молодой маткой во главѣ отправились искать себѣ новаго помѣщенія. Что такое *свѣпетъ* (въ лат. текстѣ—swyepiotho), неизвѣстно; замѣтимъ только, что ни въ Рус. Правдѣ, ни въ Вислицк. Статутѣ, ни въ Литовск. Статутѣ съ такимъ словомъ мы не встрѣчались.

[271]) Заблудившееся домашнее животное.

[272]) Настоящее постановленіе о находкѣ, включенное въ Бѣльскую грамоту (1501 г.) по просьбѣ Русиновъ, подтверждаетъ стародавній, извѣчный обычай, санкціонированный еще Судебникомъ 1468 г. (ст. 23). Смыслъ этого постановленія слѣд.: Всякій, ч.-л. нашедшій, долженъ возвратить найденную вещь ея хозяину и во всякомъ случаѣ не можетъ удержать у себя найденное болѣе 3-хъ дней; если же въ теченіе этого срока хозяинъ вещи не сыщется, то находка представляется въ „замокъ“ и, какъ вещь, лишившаяся

LXXI. О купленныхъ и родовыхъ вотчинахъ. (Неприкосновенность частной собственности) [273]).

1. *a*) и въ купленины, которыи будуть куплены зъ нашимъ дозволеньемъ [274]) *(не маемъ вступатися)*, 25—27.

b) А отчинъ въ нихъ не отнимати, такожъ и въ села ихъ купленыи и въ поля не вступатися. 43—45.

c) А гдѣ чыя отчина, селца, рѣки, або озера, намъ и въ то не вступатися; 70—72.

2. А въ купленины въ Полоцкіе намъ не вступатися, 70—71.

4. Дали есмы всимъ бояромъ и посполству, Кнетовскому, Пер-

Praetereaque dedimus et concessimus omnibus bojaris et toti

своего хозяина, обращается въ пользу государства, а находчикъ получаетъ извѣстное вознагражденіе (по Бѣльской грам. уплачивается по грошу отъ каждой штуки найденнаго скота; въ Судебникѣ это вознагражденіе названо „переемомъ"). Судебникъ 1468 г. дополняетъ постановл. Бѣльской грамоты: 1) нашедшій ч.-л. обязанъ оповѣстить околицу о своей находкѣ; 2) всякій, утаившій находку, подлежитъ такому же наказанію, какое полагается за воровство. См. также Лит. Стат. 1529 г., р. XIII, ар. 24.—Замѣтимъ здѣсь, что г. Чарнецкій (Унив. Изв. 67 г., № 1, стр. 30) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Рус. Ист. II, 1, 117) совершенно неправильно толкуютъ постановленіе Судебника 1468 г. о находкѣ: по ихъ мнѣнію, найденная вещь, если въ теченіе 3-хъ дней хозяинъ ея не сыщется, обращается въ собственность находчика.

[273]) Постановленія, вошедшія въ составъ этой и слѣд. двухъ статей, направлены къ обезпеченію правъ частныхъ лицъ на принадлежащія имъ недвижимыя имущества. Недвижимое имущество въ устав. земск. грамотахъ называется обыкновенно *имѣніемъ*, при чемъ слово это употребляется въ теперешнемъ его значеніи (см. ст. LXXII, 2; LXXIII—2, *a*; LXXVII—2, 4, 5). Иногда, впрочемъ, этимъ же терминомъ обозначается вся совокупность кому-либо принадлежащихъ вещей, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ (ст. LXXIII—1 и 2, *b*). Кромѣ того, для обозначенія имущества недвижим. употребляются выраженія: *купленина*, *отчина* и *выслуга* (см. ст. LXXI—1, 2; LXXII—5[1] и 5[2]; LXXIII—5[1]). Послѣднія наименованія, объясняющія, какимъ способомъ пріобрѣтено то или др. недвиж. имущество, показываютъ, что наши грамоты различаютъ имущества благопріобрѣтенныя, родовыя и жалованныя. Объ объемѣ правъ частныхъ лицъ на недвижимыя имущества, а также и о томъ, кто могъ быть субъектомъ этихъ правъ, см. примѣч. 275 и 280. Замѣтимъ здѣсь, что постановленія о родовыхъ вотчинахъ нельзя было выдѣлить въ отдѣльную статью свода, такъ какъ они тѣсно связаны въ однѣхъ грам. съ постановл. о „купленинахъ", а въ др. съ постан. о „выслугахъ"; этимъ только, а не тѣмъ, что сумма правъ на родовыя вотчины была совершенно одинакова съ суммой правъ на в. купленныя, и объясняется то обстоятельство, что постанов. нѣкот. грамотъ о вотч. родовыхъ попали въ одну статью съ постановленіями о куплен. вотчинахъ.

[274]) При куплѣ—продажѣ поземельныхъ имуществъ требовалось особое на то дозволеніе вел. князя. См. примѣч. 280.

норовскому, Росіенскому, Крожскому, Медницкому, Койжовскому и Постонигенскому повѣтомъ тоѣ земли Жомонтскоѣ, тые вси, которыи (съ) стародавна, часу короля Владыслава, князя Витовта и отца нашого, мѣли и держали, яко села и иншыи речи держали, при тыхъ ихъ вѣчнѣ и неотмѣннѣ заховываемо. 83—91.

communitati Knitouiensi, Pervamensi, Rosievensi, Chrosnensi, Mednicensi, Gbosciviensi et Postoviensi districtus ejusdem terrae Samogitiae et omnia quae ab antiquo tempore Vladislai regis, ducis Witowdi et genitoris nostri, tenebant et possidebant villas et alia: quae eos pro praesenti volumus tenere et possidere irrevocabiliter, et perpetuo. 97—106.

5[1].
5[2]. } *NB. О вотчинахъ родовыхъ говорится въ этихъ грамотахъ на ряду съ выслугами (см. ст. LXXII).*

7. *NB. См. ст. LXXIII.*

LXXII. О выслуженныхъ вотчинахъ. (Неотъемлемость имѣній, выслуженныхъ у прежнихъ вел. князей).

1. Тежъ который будетъ князь, або бояринъ, або слуга, або мѣщанинъ [275]) што выслужилъ на предкохъ нашихъ великихъ князехъ, того намъ у Витблянъ не отнимати по грамотамъ тыхъ князей; 119—123.

2. Также хто держить отчизные имѣнья свои, а любо што кому будетъ великій князь Витовтъ далъ, и великій князь Скиркгайло далъ, и отецъ и братъ нашъ короли ихъ милость што кому дали, и мы што кому дали, то ему и держати, какъ въ королевствѣ Польскомъ князи и панове и мѣщане держатъ [276]): 61—67.

---

[275]) Не только въ до-статутовый періодъ, но и послѣ изданія Литовскаго Статута 1529 г. (до Люблинской уніи) землевладѣніе не составляло шляхетской привилегіи: на ряду съ шляхтичемъ могъ владѣть землею и мѣщанинъ и всякій вообще лично свободный человѣкъ, пользуясь одинаковыми съ шляхтичемъ правами и неся одинаковыя съ нимъ обязанности, связанныя съ владѣніемъ землею. См. Лит. Стат. 1529 г., р. II, арт. 1 и Ак. Зап. Рос. III, № 4 (1547 г.), пунктъ 17.

[276]) Здѣсь, какъ и ниже (въ грамотѣ № 5), о вотчинахъ родовыхъ говорится на ряду съ вотчинами жалованными: и тѣ и друг. одинаково считаются неотъемлемыми. Прежнее, несомнѣнно существовавшее различіе между первыми и вторыми въ правахъ распоряженія исчезло еще въ началѣ XV в., со времени изданія шляхетск. грамотъ 1413 и 1457 гг., гдѣ вотчины жалованныя сравнены съ родовыми относительно всѣхъ правъ распоряженія; при этомъ въ грамотѣ 1457 г. и жалован. и родовыя имущества одинаково называются „отчинами“. См. Zb. pr. lit., стр. 12—13 и ст. 6 шляхетск. грамоты 1457 г.

4. Тежъ подаваня [277]), которыи шляхтамъ и бояромъ князи Витовтъ, Швидригайлъ и Жигимонтъ и тежъ отецъ нашъ даровали, хочемъ то ховати и держати. 36—39.

Item donationes quas nobilibus et bojaris duces, Witowdus, Swidrigall et Sigismundus, ac genitor noster donaverunt, tenere et servare volumus. 43—46.

5[1]. А отчины и выслуги не отнимати [278]): што которые будуть выслужили у великого князя Витовта и Жикгимонта, и въ отца нашого короля его милости, и въ брата нашого, и што придали предки наши, то имъ потвержаемъ. А што придали князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чюжыи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то потвердимъ зъ ласки нашое, и то вже будетъ нашо данье [279]). 43—52.

5[2]. А отчинъ и выслугъ не отнимати: што которые будуть выслужили у великого князя Витовта и у великого князя Жикгимонта, и што придали великій князь Витовтъ, и великій князь Жикгимонтъ, и отецъ нашъ, и потомъ князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чужіи, и съ того ихъ не рушаемъ и то все имъ потвержаемъ. 69—76.

7. *NB. См. ст. LXXIII.*

LXXIII. О правахъ распоряженія имуществами и въ частности отчинами и выслугами [280]).

1. а во своемъ имѣньи *(Витеблянинъ)* воленъ во всемъ: идя прочь продастъ, або откажетъ, намъ въ то не вступатися [281]). 108—110.

---

[277]) Жалованныя недвижимыя имущества.

[278]) Изъ дальнѣйшихъ словъ этого пункта Кіевск. грамоты можно сдѣлать выводъ (дополняющій сказанное въ примѣч. 276), что съ родовыми вотчинами сравнены лишь тѣ изъ выслуженныхъ, которыя были пожалованы давно и при томъ не въ пожизненное, а въ потомственное владѣніе. (Вотъ примѣръ такого пожалованія: „А дали то есмо ему у вотчину, вѣчно... и его княгини, и ихъ дѣтемъ и потомъ будучимъ ихъ счадкомъ...“ Ак. З. Р. I, № 172).

[279]) Среди выслугъ, или жалованныхъ вотчинъ, Кіевская грамота различаетъ выслуги, полученныя отъ вел. кн. Литовскихъ, и выслуги, пожалованныя Кіевскими князьями Александромъ Владиміровиц. и Симеономъ Александр. Съ родовыми сравниваются пока лишь первыя изъ нихъ; относительно же вторыхъ дѣлается оговорка: вел. князь удостовѣрится въ законности владѣнія, а затѣмъ уже утвердитъ эти вотчины за ихъ владѣльцами своими жалованными грамотами. Въ подтвердит. грамотѣ этой оговорки уже не существуетъ.

[280]) Общее правило относительно правъ распоряженія недвижимыми имуществами установлено еще Городельскою привилегіею 1413 г., которая, сравнивая имущества родовыя съ жалованными, для всякаго акта распоряженія какъ тѣми, такъ и другими

2. *а*) всхочетъ ли свои имѣнья хто продати, или отдати, или замѣнити съ кимъ, ино намъ, або намѣстникомъ нашимъ явивши, продати и замѣнити [282]). 67—70.

требуетъ согласія на то главы государства или мѣстнаго его представителя (Zb. pr. lit., стр. 12, п. VI; см. также шляхет. грамоту 1457 г., ст. 6). Такого же правила относительно правъ распоряженія родовыми и жалован. вотчинами держатся и уставныя земск. грамоты (см. въ наст. ст. постановл. Полоцкой, Кіевской и Бѣльск. устав. грамотъ). Тоже правило, наконецъ, распространяется и на купленныя вотчины. Такъ, въ ст. свода LXXI приведено постановленіе Витебской грамоты, изъ котораго видно, что при покупкѣ недвижимаго имущества требовалось дозволеніе на то вел. князя; въ наст. статьѣ приведено постановленіе Полоцкой грамоты (№ 2, п. *а*), которое гласитъ, что всякій, желающій продать, отдать или промѣнять „свои имѣнья", т. е. купленную, родовую или жалованную вотчину, можетъ сдѣлать это лишь съ разрѣшенія вел. князя или его намѣстника; еще обстоятельнѣе и яснѣе постановленіе Бѣльской грамоты (см. въ наст. ст. грамоту № 7), откуда также видно, что всякій актъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, будетъ ли оно родовое или даже пріобрѣтенное куплей, возможно лишь съ разрѣшенія и соизволенія на то верховной власти или мѣстнаго ея представителя—старосты. Такимъ образомъ, права распоряженія купленными вотчинами б. ограничены въ такой же степени, въ какой это ограниченіе существовало для вотчинъ родовыхъ и жалованныхъ; не только отчужденіе, но и пріобрѣтеніе всякаго (куплен., родов. и жалован.) поземельнаго имущества путемъ к.-л. сдѣлки должно б. совершаться съ вѣдома и разрѣшенія вел. князя, который затѣмъ всякую сдѣлку, всякій переходъ вотчины отъ одного лица къ другому санкціонировалъ своею грамотою. Такая сильная примѣсь элемента пожалованія ко всѣмъ источникамъ пріобрѣтенія поземельныхъ имуществъ, такое подведеніе подъ одинъ уровень относительно правъ распоряженія всѣхъ видовъ вотчинъ показываетъ, что полнаго права собственности на поземельныя имущества въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ указанную эпоху не существовало: владѣльцу такого имущества принадлежали лишь права владѣнія и пользованія, права же распоряженія были ограничены верховными на всѣ поземельныя имущества правами главы государства. Въ частности, всѣ указанныя выше ограниченія объясняются тѣмъ, что на всякомъ недвижимомъ имуществѣ, какой бы ни былъ источникъ его пріобрѣтенія, т. е. было ли оно благопріобрѣтенное, родовое или жалованное, и кто бы имъ не владѣлъ, одинаково лежала военная повинность (Лит. Стат. 1529 г., р. II, ар. 1; Ак. Зап. Рос. I, № 120; III, № 4 п. 17 и др.); въ виду этого для главы государства б. не безразлично, къ кому переходило недвижимое имущество: онъ долженъ былъ знать, кто будетъ новымъ владѣльцемъ этого имущества, чтобы судить, въ состояніи ли онъ надлежащимъ образомъ нести съ имѣнія военную службу.—Замѣтимъ, однако, что права на куплен. вотчины, несмотря на всѣ указанныя выше ограниченія, не были окончательно принижены до уровня правъ на вотчины родовыя и жалованныя, и что въ объемѣ правъ на первыя и вторыя существовало нѣкоторое отличіе въ пользу купленныхъ вотчинъ: владѣльцы этихъ послѣднихъ, вообще ограниченные въ своихъ правахъ распоряженія, могли, однако, безконтрольно распорядиться своими куплями на случай смерти, т. е. могли завѣщать ихъ даже въ пользу стороннихъ лицъ безъ особаго на то разрѣшенія властей. См. Лит. Стат. 1529 г., р. V, ар. 18; см. также ниже примѣч. 290.

b) а во всемъ имѣньи своемъ *(Полочанинъ)* воленъ, идучи прочъ, продати, а любо которому пріятелю своему приказати: въ то намъ не вступатися. 235—238.

5[1]. А князи и панове, которые выслуги держатъ, а кому потвердимъ листы нашими, въ томъ волни, по души къ церкви дати, замѣнити, и продати, и отдати, зъ нашимъ призволеньемъ[282]). 62—66.

5[2]. *NB. Дословно то же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 87—91.

7. Допустилихмо презъ нинѣйше листы, ижъ земяне пречеными сего повѣту добра свои дѣдичне, альбо за пѣнязѣ куплены[283]), тежъ продать, замѣнить, заставить[284]), и тежъ къ ужиткомъ своимъ добрымъ могуть обротить, яко ся будетъ имъ лѣпѣй видяло, и могуть выдать, а вшакожъ зъ нашимъ або зъ нашего старосты дозволеньемъ, кторы бы былъ на тенъ часъ; кторему старостѣ допустного онъ, кторы купуетъ, копу маетъ дати[285]). 52—61.

Admittimus per praesentes, quod terrigenae expressi districtus, bona sua haereditaria, aut pecuniis empta, eadem, vendere, commutare, arendare, et in usus suos beneplacitos conuertere, prout alicui ipsorum melius videbitur, expedire possint, et ualeant, nostro tamen, aut capitanei nostri consensu, quicunque pro tempore fuerit, pro admissione, wlgariter dopustnego, pars emens, sexagenam dare tenebitur. 55—64.

---

[281]) Здѣсь, какъ и ниже въ грам. № 2 (пунктъ *b*), подъ „имѣньемъ" разумѣется не только движимое, но и недвижимое имущество. Оба указан. пункта находятся въ связи съ XVIII ст. свода, гдѣ говорится о правѣ выселенія изъ земли и государства. Выселяющійся изъ земли или государства Витеблянинъ или Полочанинъ въ правѣ распорядиться своимъ имуществомъ, какъ ему угодно.

[282]) См. примѣч. 280.

[283]) Употребленныя здѣсь вм. обычныхъ *отчинъ* и *купленинъ* выраженія: „добра дѣдичне" и „добра за пѣнязѣ куплены", очевидно, представляютъ собою переводъ латинскихъ: „bona haereditaria" и „bona pecuniis empta".

[284]) Отдавать въ залогъ; этому не противорѣчитъ и „arendare" латинск. текста, ибо по литовскому *заставному* праву кредиторъ впредь до возврата занятой у него суммы денегъ вступалъ во владѣніе (безотчетное) заложеннымъ (заставленнымъ) ему имѣніемъ (Лит. Стат. 1529 г., р. IX, ар. 5, 6 и др.).

[285]) Всякій, пріобрѣтающій съ разрѣшенія вел. князя или его старосты к.-л. недвижимое имущество, уплачиваетъ пошлину („допустное") въ размѣрѣ копы Литовскихъ грошей.

LXXIV. Права угодій въ чужихъ имуществахъ:

1. О правѣ въѣзда въ лѣса.

2. Тежъ которые бояре будуть мѣти близко мѣста, зъ стародавна, свои лѣсы и боры, и дубровы и гаи, въ тыхъ ихъ лѣсѣхъ и борѣхъ и дубровахъ и въ гаѣхъ не маютъ мѣщане на свои потребы мѣстскіе дерева брати, на будованье домовъ и на дрова: нижьли маютъ мѣщане на свои потребы дерево брати около мѣста, въ нашихъ [286]) борѣхъ и лѣсѣхъ и дубровахъ и гаѣхъ, гдѣ здавна будуть бирали, а въ боярскихъ не маютъ брати; а естли бы который бояринъ, своею доброю волею, дозволилъ мѣщаномъ у своимъ лѣсѣ и въ борѣхъ и дубровахъ и гаѣхъ дерево брати, ино то есть въ его воли. 173—186.

3. Да и то въ томъ листѣ его милости выписано: абы князи, и околничіе, и бояре Смоленскіе, у своихъ лѣсѣхъ, которые около Днѣпра маютъ, и въ дубровахъ своихъ не боронили имъ хоромовъ рубити и дровъ сѣчи, подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало [287]). 203—209.

5[2]. А войтъ и мѣщане Кіевскіе въ пущи, то есть въ лѣсы и дубровы церковные и въ князьскіе и паньскіе, своволнѣ не маютъ всылати, дерева и дровъ безъ вспроса ихъ брати, а маютъ брати дерево и дрова въ лѣсѣхъ нашихъ, гдѣ будуть передъ тымъ бирали [288]). 265—270.

---

[286]) Т. е. въ великокняжескихъ въѣзжихъ лѣсахъ.

[287]) Отсюда видно, что въ Смоленской землѣ древнее право въѣзда въ чужіе лѣса не подверглось тѣмъ ограниченіямъ, какія уже существовали въ Полоцкой землѣ (см. грам. № 2): попрежнему всякій Смольнянинъ, имѣвшій нужду въ строевомъ матеріалѣ или дровахъ, пользовался свободнымъ въѣздомъ во всѣ частные лѣса. Это старинное право санкціонировано и подтвердит. Смоленскою устав. грамотою, пожалованною въ 1514 г. Василіемъ Ивановичемъ. См. Собр. Грам. и Дог., I, стр. 413.

[288]) Уставная грамота Кіевской земли 1507 г. о правѣ въѣзда въ лѣса ничего не говоритъ, подтвердительная же грамота 1529 г., подобно грам. Полоцкой, не допускаетъ свободнаго въѣзда въ лѣсныя дачи частныхъ владѣльцевъ, но разрѣшаетъ таковой въ лѣса господарскіе. Но изъ устав. грамоты, пожалован. въ 1494 г. Кіевскимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что еще въ концѣ XV в. въ Кіевской землѣ, какъ и въ Смоленской, существовало неограниченное право въѣзда во всѣ лѣса: „А въ боръ—говоритъ эта грамота,—вольно имъ ѣздити по дрова, *на вси стороны*, гдѣ первѣй того здавна ѣзджывали“ (Ак. Запад. Рос., I, № 120).

LXXV. Права угодій въ чужихъ имуществахъ:

2. О правѣ на бортныя ухожья въ чужомъ лѣсу.

7. Частокроть Русиновѣ земянъ тего повѣту нагабали о древо бартне, о соснове и о дубове; для тего мы такъ уставили: кгды нѣкторе древо соснове або дубове зломило бы ся надъ бортью, теды жадный земянинъ не ма брать такового древа; естли бы тежъ нижей оней борти зломило бы ся, теды земянинъ о пень жадней вины не заплàтитъ. Естли бы тежъ нѣкторе древо бортно зъ бчолами съ земли вывернуло ся Русинови, чіе оно древо есть: земянинъ, кторый бы о томъ вывроченью вѣдалъ, ма Русинови повѣдать, штобы свою шкоду опатрилъ, и земянинъ може вытять улей, а поставить ма на борознѣ презъ одинъ годъ, а остатокъ древа може на ся взять. Русинъ тежъ таке древо бортно, тремя стримены, уступуючи, наверху ма назнаменовать, ижьбы къ выробенью было оно древо знаемо, кторе жъ древо ма стать на три лѣта; кгды выйдутъ три лѣта, естли бы древо, такъ назнаменовано, презъ Русина не было бы выробено, теды земянинъ може собѣ взять, ку своему пожитку, безъ жадней вины суду [289]).

137—159.

Saepius Rutheni terrigenas huiusmodi districtus vexabant, pro arboribus millificiorum, wlgariter barthne, pinatis et quercenis. Unde nos ita hoc statuimus: Quando aliqua arbor pinata, seu quercina, fracta fuerit, supra alueum, alias nad dzieniem, ex tunc, nullus terrigenarum huiusmodi, arborem tangere praesumere debebit, si autem inferius alueum, fracta fuerit, ex tunc, terrigena, pro trunco, alias a pień, huiusmodi arboris, nullam poenam luet. Et si aliqua arbor mellificia, alias barthne, cum apibus, de terra funditus euerteretur. Rutenus cuius arbor est: terrigena qui de ea euerisione sciverit, debet Ruteno dicere, ut damnum suum prouideat. Terrigena uero potest excidere apiastrum, alias ul, et statuere ipsum debet in sulco, alias w brozdzie, per tempus unius anni, et residuitatem arboris prose recipere poterit. Ruthenus etiam arborem huiusmodi mellificialem, tribus sirreptis, alias suziemiony, conscindens, sursum signare tenetur, ut ad laborandum nota fieret: arborque ea, per tres annos stare debet. Exspiratis demum tribus annis, si arbor sic ligata, per Ruthenum non elaborata fuerit, ex tunc terrigena huiusmodi arbore,

poterit uti, pro necessitate sua, sine aliqua poena judicii. 147—176.

LXXVI. О наслѣдованіи по завѣщанію. (Ненарушимость воли завѣщателя).

1. а который Витблянинъ, вмирая, откажетъ остатокъ своего имѣнья кому, и въ то намъ не вступатися. 30—32.

3. А хто отходя съ того свѣта кому прикажетъ свой статокъ, того не рушити. 49—50.

5[1]. А хто отходя зъ сего свѣта, у кого дѣтей не будетъ, а ни племени, а прикажетъ кому статки свои: ино намъ того не рушити [290]). 66—69.

5[2]. *NB. Дословно то же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 91—93.

---

[289]) Настоящее постановленіе Бѣльской устав. грамоты вызвано, какъ это видно изъ самаго его текста, многочисленными жалобами Русиновъ на земянъ (мѣстныхъ землевладѣльцевъ), которые неоднократно завладѣвали бортными деревьями, принадлежавшими Русинамъ. Сущность этого постановленія заключается въ слѣд.: 1) если дерево, въ которомъ Русинъ выдѣлалъ борть, будетъ сломано вѣтромъ выше борти, то земянинъ не въ правѣ воспользоваться такимъ деревомъ, если же—ниже борти, то онъ можетъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; если же, наконецъ, вѣтромъ будетъ опрокинуто съ корнемъ такое бортное дерево, въ которомъ были уже пчелы, то земянинъ, извѣстивъ объ этомъ случаѣ хозяина пчелъ, можетъ отрубить часть дерева съ ульемъ и поставить ее на бортной межѣ („на борознѣ", „in sulco"), а остатокъ дерева взять себѣ; 2) Русинъ, желающій выдѣлать борть въ деревѣ, находящемся въ лѣсу земянина, долженъ извѣстнымъ образомъ отмѣтить („назнаменовать") это дерево и затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ непремѣнно выдѣлать въ немъ борть, въ противномъ же случаѣ земянинъ въ правѣ распорядиться такимъ деревомъ, какъ ему будетъ угодно. Ср. Лит. Стат. (1529 г.), р. IX, ар. 4 и 7.

[290]) Въ постановленіяхъ, вошедшихъ въ составъ настоящей статьи свода, подтверждается право всякаго гражданина завѣщать свое имущество въ пользу не только родственниковъ, но и лицъ стороннихъ. По аналогіи съ терминомъ, встрѣчающимся въ др. древнѣйшихъ и позднѣйшихъ памятникахъ *), да и по самому, такъ сказать, грамматическому своему смыслу, *остатокъ* Витебской грамоты, какъ и равнозначущія съ нимъ слова: *статокъ* Смоленской и *статки* **) Кіевской уставн. грамоты, означаетъ все то, что осталось или должно остаться послѣ умершаго: все его имущество во всей своей совокупности, какъ движимое, такъ и недвижимое, какъ наличное, такъ и то, которое должно получиться. Имѣя, однако, въ виду, что права распоряженія родовымъ и жалованнымъ недвижимымъ имущ. были ограничены (см. ст. LXXIII и въ частности постан. грам. № 5; см. также прим. 280), надо заключить, что, кромѣ движимостей, совершенно свободно (т. е. не испрашивая на то согласія вел. князя) можно было завѣщать изъ недвижимыхъ лишь имущества, пріобрѣтенныя посредствомъ купли; для завѣщанія же родовыхъ и жалован. недвиж. имуществъ требовалось согласіе вел. князя (см. ст. LXXIII—5[1]). Подтвержденіе этого находимъ и въ Лит. Стат. 1529 г. (р. V, ар. 18), который разрѣшаетъ со-

LXXVII. О наслѣдованіи жены послѣ умершаго мужа и о вторичныхъ бракахъ вдовъ; о приданомъ и вѣнѣ (посагѣ); о наслѣдованіи по закону нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ (дѣтей и племени) [291]).

1. и жонъ ихъ силою замужъ не давати [292]); 29.

2. Также который бояринъ, а любо мѣщанинъ отойдетъ съ сего свѣта, ино жона тая вдова, доколѣ на вдовьемъ столцѣ сѣдитъ, имѣньемъ мужьимъ володѣетъ; а коли всхочетъ пойти за иного мужа, ино ее силою замужъ не давати, а пойти ей съ тымъ што ей будетъ мужъ записалъ, а штобы то было съ вѣдома племени первого

ставленіе тестаментовъ, или завѣщаній, только относительно вещей движимыхъ и купленныхъ вотчинъ.

*) Ст. 12 „Договора Смоленск. кн. Мстислава съ Ригою, 1229 г.“ (Христ. по ист. рус. пр. I, 98) показываетъ, что древне-русское слово „остатокъ“ или „статокъ“ означало не однѣ только вещи, оставшіяся послѣ умершаго, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи (см., напр., Н. Дювернуа: „Источ. права и судъ“, стр. 141, 144, 148 и слѣд.), но все имущество, въ понятіе котораго входятъ, кромѣ вещей (движим. и недвижим.), также долги и требованія. См. также „Обзоръ ист. рус. пр.“ (вып. 2, стр. 160—61) М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Въ смыслѣ же всего вообще имущества извѣстнаго лица употреблено слово „статки“ и въ 17 арт. V-го разд. Литов. Стат. 1529 г. (ср. Л. С. 1566 г. и 1588 г., р VIII, ар. 1). Кромѣ того, несмотря на то, что въ Судебникахъ Іоанновъ III и IV слово „статокъ“ употребляется въ смыслѣ движимыхъ вещей (то же самое наблюдается и въ Литовск. Судебникѣ 1468 г., см. ст. 4 и 6), К. А. Неволинъ, опираясь на цѣлый рядъ юридич. актовъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что слово „статокъ“, какъ и равнозначительное съ нимъ слово „статки“, означающее наслѣдство вообще, относится не только къ имуществамъ движимымъ, но также и недвижимымъ, не исключая и земель (Ист. рос. гражд. зак., ч. 3, 337—38).

**) См. Ак. Зап. Рос., т. II, № 195, откуда видно, что формы: „статокъ“ и „статки“ употреблялись безразлично для выраженія одного и того же понятія (п. наслѣдства).

[291]) Бракъ, приданое и вѣно—институты семейственнаго права, но отдѣлить ихъ отъ институтовъ наслѣдственнаго права безъ явнаго вреда смыслу и ясности приведенныхъ въ настоящей статьѣ постановленій, благодаря грамматич. сжатости и слитности ихъ, было невозможно.

[292]) Здѣсь (и въ параллельныхъ пунктахъ двухъ слѣд. грамотъ) рѣчь идетъ о свободномъ вступленіи въ бракъ вдовъ, владѣющихъ вотчинами своихъ умершихъ мужей. Смыслъ и основаніе этихъ постановленій можно объяснить довольно просто, а именно строемъ Литовскаго государства, въ которомъ съ землевладѣніемъ неразрывно связана была и военная повинность: сохраняя за вдовами право владѣнія всѣми вотчинами своихъ умершихъ мужей (см. примѣч. 299), вел. князь обязуется не понуждать, въ видахъ обезпеченія

мужа [293]), а любо иным добрымъ людемъ, а имѣнье зоставити дѣтемъ, а не будетъ ли дѣтей, ино братьи, а не будетъ братьи, ино ближнимъ первого мужа [294]). 73—84.

3. А по смерти мужней, жоны зъ дому не двигнути и по неволи замужъ ихъ не давати [295]). 47—49.

4. Тежъ вдовы шляхтичовъ и боярскіи во имѣньяхъ мужовъ своихъ зоставуемъ дотуль, поколь бы вдовами были; а которыи бы иншыхъ мужовъ собѣ хотѣли мѣти (и) поймовати: ничого больши, одно тыи посаги [296]), которыи имъ першыи мужи ихъ назначили, мають мѣти; а тыи имѣнья ихъ, которыи держали будучи еще вдовами, мають прійти на пріятели або на прирожоныи першыхъ мужовъ ихъ. 44—52.

Item viduas, nobilium et bojarorum, in bonis maritorum dimittemus, quam diu in sede permanserint viduali, quae vero ad secundas nuptias convolaverint, seu alios maritos duxerint, dotaliciis, si quae eis priores mariti assignaverint, solummodo gaudeant: bonis ad proximiores ipsorum maritorum omnibus deuolutis. 53—60.

правильнаго отбыванія военныхъ повинностей, лежащихъ на имѣніяхъ, къ выходу замужъ такихъ вдовъ-вотчинницъ. Ср. параллельн. мѣста шляхетскихъ грам. 1457 и 1492 гг. (Zb. pr. lit., стр. 32 и 60) и Лит. Стат. 1529 г. (р. IV, ар. 18).

[293]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г. слова: „первого мужа"—опущены.

[294]) См. также ниже грам. № 4 и особен. грам. № 5. Послѣ умершаго наслѣдуютъ собственно его дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери (на наслѣдов. дочерей совмѣстно съ сыновьями указываетъ ст. 7 шляхетск. грам. 1457 г. и Бѣльская устав. грамота, см. ниже грам. № 7). Однако дѣти не осуществляютъ тотчасъ же своихъ наслѣдствен. правъ, ибо всѣмъ имуществомъ, оставшимся послѣ ихъ отца, владѣетъ и управляетъ его вдова, какъ глава семьи и полная хозяйка. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока вдова „сѣдитъ на вдовьемъ столцѣ" (по Рус. Правдѣ, ст. 113: „Аще жена оборчется сидѣти по мужѣ"), т. е. до тѣхъ поръ, пока она не вступитъ въ новый бракъ. Со вступленіемъ же вдовы въ новый бракъ, прекращается ея роль главы семьи и хозяйки семейнаго имущества, а это послѣднее переходитъ къ дѣтямъ; если же дѣтей у наслѣдодателя не было, то имущество отъ вдовы переходитъ къ его братьямъ или къ др. наслѣдникамъ по закону (см. прим. 299). Въ обоихъ случаяхъ вдова, выходящая замужъ, можетъ взять съ собою лишь то, что было записано ей ея покойнымъ мужемъ, т. е. *вѣно* или *посагъ* (см. прим. 298). Только-что указан. порядокъ совмѣстнаго наслѣдованія жены и дѣтей существовалъ лишь въ достатутовый періодъ. По Лит. Стат. 1529 г. вдова не остается при дѣтяхъ распорядительницею общесемейнаго имущества, но получаетъ лишь свое вѣно; если же вѣно не было записано, то получаетъ на прожитокъ изъ всего имущества, оставшагося послѣ умершаго мужа, часть, одинаковую съ частями дѣтей. Л. С. 1529 г., р. IV. арт. 2 и 3.

5[1]. А по животѣ, жонѣ и дѣтемъ держати имѣнье; а у кого дѣтей не будетъ, ино ближнему, а жона тая покуль усхочетъ по мужѣ вдовѣти, и она мужню...., а записати жонѣ на имѣньи пѣнязи... на одной части, а имѣнья не записывати; а похочетъ за иный мужъ пойти, и она съ тымъ идетъ што будетъ мужъ ей записалъ, а имѣнье дѣтемъ оставити; а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустый человѣкъ, ни дѣтей, ни племени: ино на насъ то имѣнье. 52—62.

5[2]. А по животѣ, жонѣ и дѣтемъ имѣнья держати; а у кого дѣтей не будетъ, ино ближнему, а жона тая покуль всхочетъ по мужи вдовѣти, и она мужнимъ володѣетъ [297]); а записати жонѣ пѣнязи на имѣньи, не на всемъ, но на подобной части, а имѣнья не записывати: и похочетъ за иного мужа пойти, и она съ тымъ идетъ што будетъ мужъ ей записалъ [298]), а имѣнье дѣтемъ зоставити; а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустый человѣкъ, ни дѣтей, а ни племени [299]): ино на насъ тое имѣнье [300]). 76—87.

7. Потемъ, презъ родица мужеви въ стадло дана [301]), гды

Item, nata, per parentes uiro in matrimonium tradita, mortuo

---

[295]) См. примѣч. 292.

[296]) См. примѣч. 298.

[297]) Здѣсь весьма ясно выражено, что умершему наслѣдуютъ (по закону) его дѣти или др. родственники; жена же не наслѣдуетъ, но лишь пользуется (совмѣстно съ дѣтьми, а если ихъ нѣтъ, то сама, безъ участія др. наслѣдн. мужа) всѣмъ оставшимся имуществомъ до своей смерти или до новаго замужества. См. примѣч. 294.

[298]) Рѣчь идетъ о вѣнѣ. *Вѣно* или *посагъ*, соотвѣтствующее donatio propter nuptias римскаго права, служило, подобно этому послѣднему, обезпеченіемъ цѣлости приданаго (dos), или имущества, принесеннаго въ домъ мужа. Обыкновенно съ этою цѣлью мужъ совершалъ въ пользу жены закладную на извѣстную часть своего имущества. Сначала величина этой части нигдѣ не была опредѣлена, хотя уже Городельская привилегія разрѣшила дѣлать вѣновыя записи въ пользу жены даже и на жалован. вотчины (Zb. pr. lit., 13). Не опредѣляютъ ее и устави. грамоты, выражаясь относительно этой части довольно глухо: „на одной части“, „на подобной части“. Какова же эта „подобная часть“, можно узнать лишь изъ Литов. Стат., гдѣ сказано, что вѣновую запись мужъ можетъ совершить лишь на $^1/_3$ своего недвижимаго и на всю движимость (Л. С. 1529 г., р. IV, ар. I).

[299]) Отсюда (см. также грам. № 2 и 4) можно сдѣлать заключеніе, вполнѣ подтверждаемое и шляхетскою грамотою 1457 г. (ст. 7 и 8) и Литов. Стат. 1529 г. (р. I, ар. 4; III, 9; IV, 14), что къ наслѣдству призывались всѣ родственники (при чемъ, конечно, ближайшіе исключали дальнѣйшихъ), какъ нисходящіе, такъ и боковые и восходящіе, безъ всякаго ограниченія какими бы то ни было степенями родства.

[300]) Имущество, лишенное наслѣдниковъ по закону и по завѣщанію (см. ст. LXXVI—5[1]), т. е. вполнѣ выморочное, идетъ въ пользу вел. князя. См. примѣч. 307.

[301]) Дочь, отданная отцомъ въ замужество...

умре мужъ, естли бы не мяла вѣна [302]), теды вѣно свое [303]), зъ кторымъ же мужови дана была, ма съ собою взять, а зася до родицовъ своихъ, естли бы оны мяла, або братью, або сестры, оно вѣно ма взять и звротить онымъ, презъ кторе бы выдана была. Естли бы не хтяла звротить, теды право близкости и тежъ часть отцовску тратить, а не матчинску, въ кторыхъ же ту часть мяла была: тыле едно, бы не мяла родицовъ, братью а ни сестры, гдѣжъ теды ко взроценью того вѣна не банде повинна, але на ся обротитъ отцовскіе и матчинскіе добра [304]), а остатки надвышъ того и зъ онымъ вѣномъ, яко вымовено есть. Взротивши ся [305]) до родицовъ, зъ намнѣйшей рѣчи, быдла и инныхъ всякихъ домовыхъ рѣчей спущенье, ровнѣ зъ помоцниками мужовыми, ма мѣть, едно тыле выявши зброи, кони, кторе ся годятъ на войну, кторе жъ есть для службы нашой, съ того дому не мають быть браны [306]). 62—82.

uiro, si dotalitium non habeat, ex tunc dotem suam, cum qua tradita uiro fuerat, secum recipere debet, et e contra, ad parentes suos, si eos habuerit, vel fratres et sorores, dotem eandem secum importare et restituere ipsis per quos exdotata fuerit. Quod si noluerit restituere, ex tunc, jus propinquitatis et sortem paternalium amittit, et non maternalium, in quibus sortem et portionem habebit, excepto tamen, quod parentibus, fratribus, sororibus careat, ubi tunc, ad restitutionem huiusmodi dotis non tenebitur, sed in paternalia et maternalia bona succedit. Relicta insuper huiusmodi, et cum dote, ut expressum est, reuertens ad parentes, de omni grano, pecoribus, et pecudibus et aliis suppellectilibus domus, diuisionem aequam cum superstitibus et successoribus uiri, debebit habere: exceptis tamen armis et equis bellicis, qui propter seruitia nostra bellica, ex eadem domo, tolli non tenebuntur. 65—88.

---

[302]) Т. е. имущества, записаннаго мужемъ женѣ взамѣнъ приданаго.

[303]) Въ лат. текстѣ: dotem suam, т. е. свое приданое.

[304]) Здѣсь и нѣсколько ниже знаки препинанія разставлены (въ рус. текстѣ) совершенно неправильно: по смыслу здѣсь должна стоять точка. См. латин. текстъ, гдѣ пунктуація въ данномъ мѣстѣ болѣе правильна.

[305]) Вдова, возвращающаяся къ своимъ родителямъ....

[306]) Настоящее постановленіе Бѣльской устав. грамоты во многомъ не согласно съ однородными постановленіями другихъ устав. грамотъ и, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ

LXXVIII. О безадщинахъ и отмерщинахъ [307]).

1. и въ безадщины [308]) и въ отмѣрщины Витебскіи тежъ не маемъ вступатися, 27—29.

такія подробности, какихъ нѣтъ въ этихъ послѣднихъ. Сущность этого постановленія заключается въ слѣд.: 1) Жена послѣ умершаго мужа не остается владѣлицей его имущества, но получаетъ лишь свое вѣно, а если таковаго мужъ ей не оставилъ, то свое приданое; кромѣ того, вдова получаетъ часть, равную отдѣльнымъ частямъ прямыхъ наслѣдниковъ своего мужа, изъ всего его движимаго имущества, въ составъ котораго, однако, не входятъ при дѣлежѣ оружіе и кони, потребные для отправленія военной повинности съ недвижим. имущества, оставшагося послѣ умершаго и перешедшаго къ его наслѣдникамъ; 2) получивъ свое приданое или соотвѣтствующее ему вѣно, овдовѣвшая женщина возвращаетъ его своимъ родителямъ или же др. родственникамъ (напр., братьямъ), которые выдали ее замужъ и надѣлили приданымъ; въ противномъ же случаѣ она теряетъ право на полученіе слѣдуемой ей части наслѣдства, оставшагося послѣ отца; возвратъ приданаго не обязателенъ, если она претендуетъ лишь на извѣст. часть наслѣдства, оставшагося послѣ матери, или, если, за смертью родителей, братьевъ и сестеръ, она осталась единственною наслѣдницею отцовскаго и материнскаго имущества.

[307]) Слова „*отмерщина*“ и „*безадщина*“ одинаково означаютъ имущество, оставшееся послѣ умершаго, хотя въ то же время не представляютъ собою синонимовъ. Такъ „отмерщина“ Витебской и Смоленской грамотъ и „отумерщина“ Полоцкой уставной грамоты, по всей вѣроятности, то же, что „отморшина“ Псковской судной грамоты (ст. 55), т. е. имущество, оставшееся послѣ умершаго, имѣющаго законныхъ наслѣдниковъ. Что же касается слова „безадщина“, то оно, если его толковать грамматически, произошло отъ соединенія предлога „безъ“ съ древне-русскимъ словомъ „задница“ (т. е. наслѣдство); при такомъ толкованіе, естественнѣе всего прійти къ выводу, что „безадщиной“ называлось имущество, оставшееся безъ наслѣдниковъ, т. е. вполнѣ выморочное, безхозяйное. Если данное сейчасъ объясненіе слова „безадщина“ вѣрно, то приведенныя въ настоящ. статьѣ постановленія получаютъ слѣд. смыслъ: вел. князь не только обѣщаетъ „не вступаться“ въ имущества, переходящія отъ наслѣдодателя къ его законнымъ наслѣдникамъ (отмерщины), но и отказывается даже отъ своихъ правъ на имущества выморочныя (безадщины). Такъ какъ послѣднее не согласно съ Кіевскою устав. грамотою (см. ст. LXXVII— 5² и прим. 299), по которой выморочное имущество на основаніи порядка, установившагося еще въ эпоху Рус. Правды, поступаетъ въ пользу вел. князя, то приходится въ данномъ случаѣ видѣть исключеніе въ пользу Витебской и Полоцкой земли. — Впрочемъ, можно предполагать, что словомъ „безадщина“ означалось не совершенно выморочное имущество, но лишь такое, по которому, хотя не осталось законныхъ наслѣдниковъ (задниковъ), но были наслѣдники по завѣщанію; другими словами: имущество, оставшееся послѣ умершаго, который, не имѣя наслѣдниковъ по закону, завѣщалъ его въ пользу стороннихъ лицъ. При такомъ объясненіи указан. противорѣчіе между параллельн. мѣстами Витебской и Полоцкой устав. грамотъ, съ одной стороны, и Кіевской, съ другой, исчезаетъ, такъ какъ изъ сопоставленія ст. LXXVI и LXXVII (см. въ обоихъ стат. грам. № 5), видно, что и по Кіевской грамотѣ въ пользу вел. князя идетъ лишь имущество вполнѣ выморочное, т. е. такое, которое осталось послѣ лица, не имѣющаго наслѣдниковъ ни по закону, ни по завѣщанію. Припомнимъ здѣсь, что

2. также и въ безадщины ихъ и въ отумерщины [309]) не вступатися намъ. 71—73.

3. и въ отмерщины не вступатися. 46—47.

К. Постановленія, относящіяся къ уголовному праву.

LXXIX. Объ индивидуальной виновности и наказуемости. (Устраненіе отъ отвѣтственности невинной семьи преступника).

2. А который которую вину будетъ заслужилъ, ино того самого казнити [310]) по его винѣ, а жоны и дѣтей не займати и имѣнья не рушати, нижьли который будетъ въ томъ дѣлѣ, а то вѣдалъ [311]), тыхъ и казнити: проступитъ ли отецъ, ино отца казнити; проступитъ ли сынъ, ино сына казнити, а отца за сыннюю вину не казнити, а сына за отцову вину не казнити, только того самого казнити, хто виноватъ будетъ [312]). 51—60.

5'. А который будетъ какую вину заслужилъ, ино того самого казнити по его винѣ, а жоны и дѣтей въ имѣньи не рушити: про-

---

по устав. грамотамъ можно было составлять завѣщанія даже и пользу стороннихъ лицъ (см. нач. примѣч. 290).

[308]) Примѣч. Археогр. Коммиссіи: „Въ другомъ позд. спискѣ: „въ безотщины“ (Ак. Зап. Рос. I, 352).

[309]) Въ подстроч. примѣч. къ этому мѣсту Археогр. Коммиссія (Ак. Зап. Рос. II, 87) приводитъ варіантъ изъ списка Полоцкой устав. грамоты, хранившагося въ архивѣ Полоцкаго Городоваго Магистра: „въ безотчизны и въ ихъ мѣрщины“.

[310]) Въ подтвердит. грамотѣ 1457 г. вездѣ вм. „казнити“—„карати“.

[311]) Кто принималъ к.-л. участіе въ совершеніи самаго преступленія, или только зналъ о преступномъ замыслѣ другого.

[312]) Неприкосновенные къ преступленію жена, дѣти, отецъ и др. родственники преступника не участвуютъ въ отвѣтственности; наказаніе за преступленіе несетъ лишь самъ преступникъ. Принципъ устраненія отъ отвѣтственности невинной семьи преступника, провозглашенный Полоцкою и Кіевскою уставными грамотами (см. ниже грамоту № 5), а также шляхетскою грамотою 1457 г. (ст. 4) и косвенно Судебникомъ 1468 г. (ст. 1, 5 и 6), показываетъ, что уголовное право эпохи устав. земск. грамотъ (XIV—XV вв.) представляетъ значительный прогрессъ сравнительно съ уголов. правомъ періода исключительнаго господства частнаго возмездія, когда всякое преступленіе разсматривалось съ точки зрѣнія семейныхъ интересовъ потерпѣвшаго, а не съ точки зрѣнія интересовъ общихъ, представителемъ которыхъ является государство. Впрочемъ, какъ это видно изъ указан. шляхетской привилегіи (ст. 4; см. примѣч. къ этой статьѣ М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Христ. по ист. рус. пр.“, вып. 2, стр. 26), отвѣтственность за государственныя преступленія попрежнему падала не только на самаго преступника, но и на невинную его семью

ступитъ отецъ, ино казнити отца; проступитъ сынъ, ино сына казнити, а отца сыннею виною не казнити, а сына отцовою виною не казнити; толко самого того казнити, хто будетъ виноватъ, а хто того участенъ. 35—43.

5². *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 61—69.

LXXX. Здрада или верховная и земская измѣна.

5¹. а хто будетъ што заслужилъ, тотъ тое утерпитъ, вымѣняя здрадцы [313]), хто иметъ на насъ лихо мыслити, а любо на землю нашу, того казнити шыею и имѣньемъ [314]). 32—35.

5². *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 58—61.

LXXXI. Преступленія противъ великокняжескаго регальнаго права.

1. а Витбляномъ нашихъ рѣкъ або озеръ не таити, а хто потаитъ, ино намъ тыхъ карати [315]). 72—74.

2. А Полочаномъ нашихъ рѣкъ и озеръ не таити; а хто потаитъ, и мы тыхъ казнимъ [316]). 191—193.

---

[313]) Эти слова, приведенныя въ поясненіе слова „здрадца" (zdrajca—измѣнникъ), показываютъ, что уставнымъ земск. грамотамъ извѣстны два важнѣйшихъ вида политич. преступленій: верховная и земская измѣна. (Кромѣ Кіевской устав. грамоты, о верховной измѣнѣ, хотя и вскользь, упоминаетъ и Смоленская уставная грамота, запрещая „въ господарскомъ великомъ дѣлѣ" отдавать виновныхъ на поруки: ст. свода XCVII—3). Въ Литовскихъ Статутахъ три вида политич. преступленій: a) оскорбленіе величества, b) верховная измѣна и c) земская измѣна,—сливаются въ одно понятіе—„зраженье (ображенье) маестату Господарского" (Л. С. 1529 г., I, 2; 1566 г., I, 3, 4 и др.).

[314]) Всякій преступникъ несетъ наказаніе по степени своей вины, исключая виновныхъ въ верховной или земской измѣнѣ, которые всегда (и при томъ, какъ это можно заключить изъ Литовск. Статутовъ, независимо отъ степени вины) подлежатъ смертной казни, соединенной съ конфискаціей имущества.—Впрочемъ, смертной казни подвергались не одни только государственные преступники; такъ, изъ нашихъ же грамотъ видно, что смертной казни подлежалъ также и воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, и воръ несостоятельный, т. е. такой, который не могъ уплатить потерпѣвшему цѣны украденнаго (см. ст. свода LXXXVI). Изъ Литовскаго Статута 1529 г. узнаемъ, кромѣ того, что смтртною казнію наказывались виновные въ разбоѣ, насиліи и поджогѣ (см. р. VII, арт. 1, 6, 7 и др.).

[315]) Вел. князь Литовскій былъ верховнымъ владѣльцемъ всей земли, ему же принадлежали и всѣ регаліи: водяная, горная, лѣсная и др. Витебская и Полоцкая грамоты предусматриваютъ одинъ видъ преступленій противъ великокняжескаго регальнаго права, а именно захватъ великокняжескихъ рѣкъ и озеръ (т. е. такихъ, въ которыхъ ловля рыбъ и бобровъ принадлежала исключительно вел. князю). Впрочемъ, въ чемъ заключалось наказаніе виновныхъ въ этомъ преступленіи, указанныя грамоты не поясняютъ, говоря просто:

LXXXII. Ложный доносъ и ложное обвиненіе (ябедничество).

3. На-первѣй, што ся тычетъ ябедниковъ [317]), которые ходѣчи по мѣсту людей соромотятъ, и боемъ клеплютъ [318]), и заряживаютъ заряды [319]) великіе; и коли хто бою, а любо и зарядовъ оттяжется, отъ того пересуды [320]) великіе на нихъ намѣстники и околничіе въ оный часъ биривали; ино въ томъ своемъ листѣ его милость писалъ: которые бы ябедники людей дармо клепали боемъ, а любо заряды великіе закладали, а пришодши на судъ того ся не доищутъ, ни бою, ни зарядовъ; абы тыхъ ябедниковъ винами карано, подлѣ ихъ заслуги, который чого будетъ заслужилъ [321]). 185—198.

5[1]. а любо слуга добрѣ вроженый шляхтичъ на пана своего што иметъ сочити, а не доведетъ: ино намъ того какъ потварцу казнити [322]). 92—95.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 117—119.

„намъ тыхъ карати". Можно полагать, на основаніи нѣкоторыхъ постановленій Лит. Стат., что наказаніе это заключалось въ конфискаціи захваченнаго съ присоединеніемъ къ нему соотвѣтствующаго количества изъ дѣйствительнаго имущества виновнаго (Л. С. 1529 г. I, 8; 1566 г. I, 15).

[316]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г.: „мы ихъ карати маемъ".

[317]) О ябедникахъ и сокахъ см. примѣч. 376.

[318]) Т. е. возводятъ обвиненія въ убійствѣ (и др. преступленіяхъ).

[319]) Зарядъ—платежъ, запись или договоръ о ч.-л., скрѣпленный неустойкой, закладомъ.

[320]) Подъ *пересудами* здѣсь разумѣются пошлины, взимаемыя органами судебной власти за самое производство суда, за разбирательство дѣла.

[321]) Настоящее постановленіе о ябедникахъ, находящееся въ непосредственной связи съ XVI ст. свода, имѣетъ въ виду охранить гражданъ отъ недобросовѣстныхъ обвиненій, а судебную власть отъ попытокъ ввести ее въ заблужденіе: всякій обвинитель или доносчикъ, не доказавшій своего обвиненія или доноса на судѣ, подлежитъ наказанію за ложный доносъ.—По Литовск. Статуту 1529 г., ложный доносчикъ или обвинитель подвергается тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергся бы ложно-обвиненный имъ (р. I, ар. 1).

[322]) Слуга-шляхтичъ (т. е. бѣдный шляхтичъ, поступившій на службу къ богатому землевладѣльцу-шляхтичу), обвинившій въ ч.-л. своего патрона и не доказавшій своего обвиненія или доноса, наказывается, какъ клеветникъ (потварца).—Въ дополненіе къ этому см. ст. XCIX, откуда видно, что несвободный человѣкъ вовсе не могъ выступать обвинителемъ (сокомъ) противъ своего господина.

[323]) Здѣсь предусматривается второй видъ (первый—ябедничество) преступленій противъ судебной власти: Вора, пойманнаго съ поличнымъ („приличного злодѣя"), не должно отпускать; если же кто-либо такого вора освободитъ (отъ наказанія) собственною властью, или возьметъ съ него за это выкупъ, и это будетъ доказано, то таковой за само-

LXXXIII. Самоуправство по отношенію къ вору, захваченному съ поличнымъ (самосудъ).

6. а приличного злодѣя не пускати, а хто бы его пустилъ, або на окупъ далъ, и на него бы доводъ справный былъ: тотъ маетъ вину заплатити по давному, какъ передъ тымъ было [323]). 73—77.

LXXXIV. Убійство шляхтича и головщина, уплачиваемая виновнымъ въ убійствѣ шляхтичемъ.

4. И тежъ, если бы нѣкоторому шляхтичу, або боярину пригодило бы ся, ижь бы забилъ другого шляхтича, або собѣ равного брата, тогды тотъ маетъ дати и заплатити за мужобойство 60 рублевъ [324]): 75—79.

Item si alicui ex nobilibus et bojaris etiam nobilem contingat occidere, vel similem sibi fratrem, debet occisor pro homicidio perpetrato sexaginta scudos reponere et exolvere. 88—92.

управство долженъ уплатить уголовный штрафъ („вину") на основаніи порядка, существующаго издавна. Ср. Судеб. 1468 г. ст. 12 и Лит. Стат. 1529 г., XIII, 6 и 25.

[324]) Здѣсь рѣчь идетъ объ убійствѣ непредумышленномъ („пригодномъ"): шляхтичъ за неумышленное убійство шляхтича же платитъ головщину (см. ст. LXXXV) въ 60 Литов. рублей *). Къ сожалѣнію, отсюда не видно, въ чью пользу шла эта головщина, было ли въ Литовскомъ государствѣ что-либо соотвѣтствующее древне-русской вирѣ, вліяло ли на размѣръ головщины общественное положеніе убитаго, и какъ, наконецъ, каралось убійство предумышленное. На всѣ эти вопросы находимъ отвѣты въ Лит. Стат. 1529 г. Два первыхъ вопроса разрѣшаются при помощи 29 арт. VII разд. указан. Статута, который (арт.), при буквальномъ почти сходствѣ съ приведен. въ настоящей статьѣ свода постановленіемъ Жмуд. грамоты, служитъ въ тоже время прекраснымъ къ нему дополненіемъ. Здѣсь прямо выражено, что, кромѣ 100 копъ Литов. грошей (что=60 Литов. руб. *), уплачиваемыхъ за голову шляхтича въ пользу его родственниковъ (плата эта, названная *головщиной*, соотвѣтствуетъ др.-рус. *головничеству*), виновный въ неумышленномъ убійствѣ уплачиваетъ еще штрафъ, по размѣрамъ равный головщинѣ, въ пользу вел. князя; этотъ послѣдній штрафъ, называемый обыкновенно *виною* (Лит. Стат. 1529 г., VII, 1, 3, 16 и др.), вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русской *вирѣ*. Изъ др. же мѣстъ указаннаго Статута узнаемъ, что размѣръ „головщины" (а слѣд. и „вины"), дѣйствительно, зависѣлъ отъ общественнаго положенія убитаго (см. разд. VII, арт. 29; р. XI, ар. 1—4), и что всякое убійство, учиненное при нападеніи на ч.-л. жилище, а также убійство съ цѣлью грабежа и пр. каралось смертною казнію и конфискаціею всего имущества убійцы (р. VII, ар. 1—3).

*) Рубль Литовскій содержалъ въ себѣ 100 Литов. грошей, т. е. составлялъ $1^2/_3$ Литовск. копы (копа=60 грошей). См. прим. 147.

LXXXV. Убійство и головщина съ владѣльческихъ людей, виновныхъ въ убійствѣ.

6. Тежъ который слуга, або чоловѣкъ князьскій, або паньскій, а любо земянскій убьетъ кого, ино старосты и намѣстники наши, и маршалокъ земскій, и ключникъ, и конюшый на нихъ головщыны бирали; и отецъ и братъ нашъ [325]) то имъ отпустили, и листы права ихъ милости на то передъ нами покладали: ино мы тыхъ листовъ и правъ выслухавшы, и такъ же, подлугъ тыхъ листовъ отца и брата нашого, то есмо имъ отпустили: нехай они зъ слугъ и зъ людей своихъ, хто въ головщину упадетъ, сами головщину, на слугахъ и на людехъ своихъ беруть; а старостамъ и намѣстникомъ нашимъ не надобѣ зъ ихъ слугъ и зъ людей головщины брати [326]). 29—43.

LXXXVI. Татьба. (Постановленіе о поличномъ; опредѣленіе наказанія за татьбу; отвѣтственность жены и дѣтей вора).

1. А станеться въ которого Витблянина татьба, а доищуться татьбы лицомъ: ино Витблянину вся татьба лицомъ вернути; а чого лицомъ не доищуться которое татьбы, ино истьцу съ татиного дому жоною его и дѣтми заплатити его гибель, а въ томъ тати мы вольны; а не будетъ у татя чимъ платити татьбы, ино его истьцу выдати, и гдѣ его всхочетъ тамъ его дѣнетъ [327]). 52—60.

---

[325]) Т. е. вел. князья Казиміръ и Александръ.

[326]) Сущность содерж. этой статьи заключается въ слѣд.: головщина съ владѣльческихъ людей, виновныхъ въ убійствѣ, должна идти въ пользу пана, т. е. въ пользу землевладѣльца, отъ котораго зависитъ убійца. Это требуетъ поясненія. Очевидно, что въ настоящ. пунктѣ Волынской грамоты имѣется въ виду тотъ случай, когда и убитый и убійца, оба зависятъ отъ одного и того же землевладѣльца, ибо въ томъ случаѣ, когда преступникъ и потерпѣвшій (крестьяне) были изъ различн. имѣній, головщина шла въ пользу того пана, отъ котораго зависѣлъ убитый (Л. С. 1529 г. р. XIII, ар. 20), а пану убійцы-крестьянина принадлежало лишь право на *вину*.

[327]) Сущность настоящаго постановленія Витебской устав. грамоты заключается въ слѣд.: 1) украденная вещь, если только она найдена („а доищуться татьбы лицомъ"), во всякомъ случаѣ (даже и при состоятельности вора) возвращается ея собственнику; 2) если все или часть украденнаго воръ успѣетъ растратить, а имущества его не хватитъ на вознагражденіе потерпѣвшаго (истца), то жена и дѣти вора выдаются потерпѣвшему впредь до отработки ими долга (при чемъ изъ разсматрив. постановленія не видно, чтобы такая выдача обусловливалась участіемъ въ преступленіи семьи вора), личность же самаго вора не доступна произволу истца, такъ какъ общественная власть сохраняетъ за собою

2. А доспѣетъ ся [328]) въ которого Полочанина татьба, а доищутъ ли ся татьбы, ино господару [329]) отдати; а чего не достанетъ, ино татя выдати. 111—114.

3. Такожъ и въ татиное беремя [330]) намъ не вступатися, ни намѣстнику Смоленскому: нижьли опять отдати тому, въ кого што украдено. 50—53.

5[1]. А тежъ хто [331]) што у кого вкрадетъ, а доищуться тоѣ татьбы, а татьба будетъ велика, не възможетъ того заплатити: ино татя на висѣлицу; а къ жонѣ будетъ носилъ, а жона будетъ вѣдала, а поживала зъ дѣтьми: ино и жона винна зъ дѣтьми; а што укралъ, то государю вернути, у кого вкрадено; а коли възможетъ заплатити, ино исцу заплатити татинымъ имѣньемь, а лицо на дворъ [332]). 114—122.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ, только съ отличіемъ, указаннымъ въ 331 примѣчаніи.* 136—145.

право подвергнуть преступника уголовному наказанію; 3) при полной несостоятельности вора, т. е. если у него недостаетъ имущества для удовлетворенія истца, а также нѣтъ жены и дѣтей, преступникъ выдается потерпѣвшему въ его полное и неограниченное распоряженіе.—Разсмотрѣнное постановленіе Витебской грамоты во многомъ не согласно съ постановленіями о томъ же Кіевской, Волынской и Полоцкой уставныхъ грамотъ, а также Судебника 1468 г. (см. ст. 1—6 и 12) и Лит. Стат. 1529 г. (р. XIII, арт. 1, 10, 17, 25 и 28). См. слѣд. примѣчанія.

[328]) Въ подтвердит. грам. 1547 г. „А станетъ ли..“.

[329]) Т. е. хозяину украденной вещи. Отсюда видно, что Полоцкая грамота вполнѣ солидарна съ Витебской относительно опредѣленія судьбы поличнаго (украденная вещь возвращается потерпѣвшему), но совершенно не согласна съ нею относительно гражданской отвѣтственности жены и дѣтей вора (см. конецъ примѣч. 332), что̀ можно заключить не только изъ того, что Полоцкая грам. ничего не говоритъ о выдачѣ жены и дѣтей татя (но, напротивъ, разрѣшаетъ, вопреки грам. Витебской, выдачу самаго вора, въ случаѣ его несостоятельности и утраты украден. вещи), но также изъ того, что въ нее включено общее правило, по которому невинная семья преступника освобождается отъ всякой отвѣственности за преступленіе главы семейства (см. ст. LXXIX и примѣч. 312).

[330]) „Татиное беремя“—украденная вещь. Относительно этой послѣдней Смоленская устав. грамота согласна съ Витебской.

[331]) Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г.: „А тать...“

[332]) Сущность постановленія о татьбѣ Кіевской устав. грамоты (вполнѣ согласнаго съ постановленіями о томъ же Судебника и Литов. Стат.) заключается въ слѣд.: 1) воръ уплачиваетъ потерпѣвшему стоимость украденнаго, самая же украденная вещь идетъ въ пользу „двора“ (см. пр. 334); 2) въ случаѣ несостоятельности татя, украденная вещь возвращается ея хозяину, а воръ подвергается смертной казни (вѣшается); 3) жена и дѣти татя отвѣчаютъ вмѣстѣ съ нимъ лишь при соучастіи и укрывательствѣ, выразившимися въ знаніи

6. *a*) а поличное тому, на чыемъ имѣньи злодѣя изымають [333]); 71—73.

b) А которого злодѣя имуть на ярморку, або въ городѣ и въ мѣстѣ нашомъ зъ лицомъ: заслужитъ ли шыбеницы, ино его на шыбеницу; а естли не заслужитъ шыбеницы, ино шкода платити, а вина тому чый чоловѣкъ [334]). 95—100.

LXXXVII. Порча полевыхъ межъ и незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ.

7. Естли бы нѣкоторый межу або границу преоралъ, альбо тежъ на иншего земли жалъ або косилъ, естли бы за оно у правѣ былъ превытяжонъ: тенъ ма заплатить вину земску, а другую поводови [335]), хиба [336]) границъ вѣчныхъ [337]). 129—133.

Si quis metam et limites alicuius perarauerit, aut in alterius terram messuerit, aut falca strauerit, si pro eo conuictus fuerit, luere debet poenas terrestres, et alteram actori, wlgariter powodowi: exceptis graniciebus perpetuis. 138—143.

о преступленіи и въ пользованіи плодами его. Изъ Судебника и Литов. Стат. 1529 г. узнаемъ, что въ случаѣ своей прикосновенности жена и дѣти вора несутъ отвѣтственность болѣе гражданскаго, нежели уголовнаго характера, а именно: отвѣчаютъ предъ потерпѣвшимъ своимъ имуществомъ, если же его недостаточно, то выдаются истцу головою, но лишь до отработки или до выплаты опредѣленной судомъ суммы, потребной для удовлетворенія истца (Судебн., ст. 1 и 4; Л. С., XIII, 27).

[333]) Т. е. поличное идетъ въ пользу вотчинника, которому принадлежитъ судъ надъ лицами, совершившими кражу въ предѣлахъ его территоріи. Отсюда, между прочимъ, видно, что подъ „дворомъ", о которомъ упоминаютъ и Судебникъ и Кіевская устав. грамота, разумѣется не только дворъ великокняжескій, но также и панскій, смотря по тому, которому изъ нихъ по мѣсту совершенія кражи или по инымъ причинамъ принадлежитъ судъ надъ даннымъ воромъ. См. также Л. С. 1529 г., р. XIII, ар. 28.

[334]) Кромѣ украденной вещи, въ пользу „двора" шла также и „вина", т. е. уголовный штрафъ съ вора (Судеб., ст. 3). Объ этомъ уголовномъ штрафѣ Кіевская, а равно и др. устав. грамоты, за исключеніемъ Волынской, не упоминаютъ. Эта же послѣдняя, разсматривающая въ приведен. пунктѣ тотъ случай, когда кража произведена владѣльч. человѣкомъ въ предѣлахъ территоріи, подвластной старостѣ, т. е. въ замкѣ или городѣ, показываетъ, что „вину" съ преступника получало не то лицо, которое производило судъ (въ данномъ случаѣ староста или его чиновники), а то, отъ котораго зависѣлъ преступникъ (т. е. част. вотчинникъ).

[335]) Истцу.

[336]) Кромѣ.

[337]) Одновременно съ порчей межевыхъ знаковъ здѣсь предусматривается также и незаконное пользованіе чужими посѣвами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ

LXXXVIII. Истребленіе бортнаго дерева.

7. Естли бы тежъ нѣкторему Русинови нѣкторый земянинъ древо очертилъ [338]), або въ земли [339]) запалилъ, альбо тежъ на полю нѣкторего земянина; а естли бы онего земянина за то винилъ, а до суда позвалъ: теды земянинъ власную свою присягу, за ся и за свою челядь, вниде отъ онего Русина; а естли бы тежъ Русинъ онего жъ земянина въ третій разъ о таковужъ рѣчъ до суда позвалъ, тенъ земянинъ виненъ платить на замокъ, водлугъ уставы старой [340]). 159—169.

Si alicui Rutheno, aliquis terrigena arborem siccauerit, alias uczierzscił, aut succenderit, in terra, aut campo cuiuscunque terrigenae: si terrigenam pro eo inculpauerit, et judicialiter recognouerit, ex tunc, juramento proprio terrigena pro se ipso, et pro familia, euadet ipsum Ruthenum. Si autem idem Ruthenus eundem terrigenam, tertio pro huiusmodi siccatione, aut ustione citauerit, extunc huiusmodi terrigena, tenebitur, et, astringi debebit, ad solutionem secundum consuetudinem antiquam. 176—188.

виновный долженъ уплатить двойной штрафъ: 1) гражданскій—въ пользу истца и 2) уголовный—въ пользу общественной власти. Впрочемъ, Бѣльская грамота не опредѣляетъ размѣра этихъ штрафовъ; по Литовскому же Статуту, за порчу полевыхъ межъ или, точнѣе, за переоранье межи назначенъ трехрублевый штрафъ въ пользу истца и таковой же въ пользу господаря; кромѣ того, переоравшій чужую межу долженъ привести ее въ прежній видъ. Л. С. 1529 г., р. VIII, арт. 10.

[338]) „Дерево очертить“ (arborem siccare) — подрубить корни дерева или к.-л. инымъ образомъ сдѣлать такъ, чтобы дерево засохло.

[339]) Слова „въ (*на*) земли“ стоятъ не на своемъ мѣстѣ, ихъ слѣдуетъ поставить передъ словомъ „альбо“. См. лат. текстъ.

[340]) Постановленіе это, вызванное, какъ и многія др. опредѣленія Бѣльской устав. грамоты, желаніемъ предупредить частыя столкновенія между земянами и Русинами, носитъ мѣстный характеръ и въ общемъ чрезвычайно льготно для земянъ, или Поляковъ-землевладѣльцевъ: земянинъ, повредившій или истребившій бортное дерево, принадлежавшее Русину, при первомъ и второмъ обвиненіи можетъ освободить себя отъ отвѣтственности очистительною присягой и только при третьемъ обвиненіи въ истребленіи чужаго бортнаго дерева подлежитъ уплатѣ господарской пени. Каковы размѣры этой пени, грамота не поясняетъ, а ссылается лишь на древній обычай. Лит. Стат. при истребленіи борти. дерева разсматриваетъ три случая: было ли оно въ моментъ истребленія съ пчелами, или безъ нихъ, или, наконецъ, лишь предназначалось для выдѣлки въ немъ борти; въ 1-мъ случаѣ виновный уплачиваетъ потерпѣвшему копу грошей, во 2-мъ—полкопы, а въ 3-мъ—$^1/_4$ копы или 15 грошей (Л. С. 1529 г., р. IX, арт. 14—16).

Л. Постановленія, относящіяся къ процессу.

LXXXIX. О судѣ воеводъ, намѣстниковъ и старостъ и участіи въ немъ представителей земства.

1. а ему [341]) судити по цѣлованью [342]), нашимъ судомъ [343]), досмотрѣвши права съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны [344]), а осудивши его казнити у Витебску [345]), по ихъ праву [346]). 116—119.

2. *a*) А воеводѣ нашому Полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны; 93—95.

b) ино ему [347]) судити по цѣлованью, а осудивши его, въ Полоцку жъ казнити виноватого [345]), по ихъ праву, съ Полочаны по испросу [348]). 244—246.

3. Тежъ и ловчій пана Миколаевъ новину имъ ввелъ былъ: судилъ ихъ и рядилъ по всему мѣсту и дѣцкіи свои на нихъ давалъ, чогожъ здавна не было, нижьли намѣстникъ Смоленскій и съ околничими и зъ иншими врядники суживалъ ихъ на нашомъ дворѣ [349]),

---

[341]) Т. е. воеводѣ.

[342]) См. ст. XLIV.

[343]) Представителями судебной власти вел. князя въ различ. земляхъ были воеводы (въ з. Витебской, Полоцкой и Кіевской), намѣстники (въ з. Смоленской) и старосты (въ з. Волынской и Бѣльской). Судъ свой указанные органы правительствен. власти производили „на городѣ", или въ замкѣ, служившемъ имъ мѣстопребываніемъ въ центральномъ городѣ земли; отсюда судъ этотъ носилъ въ отличіе отъ др. присудовъ наименованіе городскаго или замковаго.

[344]) „Составъ судебной власти въ землѣ—двойственный; судъ слагается изъ княжескаго органа—воеводы и представителей земства изъ служилыхъ и неслужилыхъ классовъ. Были ли то постоянные засѣдатели (избранные населеніемъ для этой функціи, какъ „окольничіе" смоленскіе), или всѣ лучшіе люди сходились на судебные сроки (судебныя вѣча), рѣшить трудно по недостатку данныхъ" (М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Христоматія", в. 2, стр. 50, пр. 14). Изъ настоящей статьи свода видно, что въ Витебской и Полоцкой землѣ воевода судитъ вмѣстѣ съ князьями, боярами и мѣщанами; по Кіевской устав. грамотѣ, при производствѣ суда требуется присутствіе князей и бояръ (см. ст. CIII—5[1]), а по Волынской—князей, пановъ и земянъ; наконецъ, Смоленская устав. грамота въ судѣ намѣстниковъ требуетъ участія окольничихъ и „иншихъ врядниковъ".

[345]) См. ст. XIII

[346]) По мѣстному обычному праву земли.

[347]) Т. е. воеводѣ Полоцкому.

[348]) См. въ ст. XVI грам. № 1, п. *b* и прим. 90.

[349]) См. прим. 343 и 344.

а ловчіи при томъ же бывали и доходцовъ своихъ врочныхъ смотривали. 162—169.

5¹. 5². } *NB. См. ст. СШ, грам. № 5¹*

6. а князя и пана и земянина старостѣ и намѣстникомъ [350]) нашимъ одному ихъ не судити: маетъ при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тежъ маетъ его судити. 130—134.

XC. Подсудность высшихъ уголовныхъ дѣлъ суду воеводъ, старостъ и намѣстниковъ.

6. А далѣй: старостѣ судити на зàмку нашомъ князьскихъ, або паньскихъ, або земянскихъ людей, што ся дотычетъ розбою приличного [351]), кгвалту, шляхетскоѣ раны, пожоги, абы ся злодѣйство не множило [352]); 64—68.

7. Нашъ староста, ено *(едно)*, чтеры артыкулы на замку ма судить: первшы артыкулъ, о розбитье альбо о злуненье на доброволной дорозѣ, альбо о крадежъ; другій артыкулъ, коли хто кгвалтомъ на чый домъ найдетъ; третый, о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ кгвалтѣ; четвертый, о пожогу. Судья тежъ съ подсудкомъ вси инны рѣчи ма судить, ницъ не допущаючъ до старосты, надъ пречечоныи артыкулы, кторы залежуть на старосту [353]). 102—112.

Capitaneus noster solum quatuor articulos in castro judicare debebit: primus articulus, qnando pro depredatione, seu spoliatione in uia libera aut de furto agitur; secundus articulus, pro uiolenta inuasione domus; tercius articulus, pro uirginum aut mulierum violenta oppressione; quartus, pro incendio. Judex autem cum subjudice omnes alias judicare debebunt, ad capitaneum nihil remittens, exceptis articulis praedictis, pro capitaneo reseruatis. 111—121.

---

[350]) Намѣстники, упоминаемые Волынскою устав. грамотою, ничего общаго не имѣютъ съ тѣми намѣстниками, о которыхъ говорилось выше (прим. 70), и которые стояли во главѣ отдѣльныхъ земель: это—низшіе органы мѣстн. управленія, урядники, подчиненные старостѣ; они замѣняли старосту при отправленіи суда по менѣе важнымъ дѣламъ, получали отъ него въ управленіе ярмарки, гдѣ производили судъ и наблюдали за порядкомъ, и т. д. См. ст. XCII, XCIV и др.

[351]) Разбою при поимкѣ на мѣстѣ преступленія.

[352]) Изъ общаго правила о подсудности всѣхъ дѣлъ и лицъ суду правителя земли или области существовали уже въ эпоху уставныхъ земск. грамотъ исключенія, по которымъ

XCI. Особыя опредѣленія относительно подсудности земянъ и русиновъ (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).

7. *a)* Кгды бы нѣкоторый съ земянъ въ нѣкоторей рѣчи былъ обвиненъ презъ Русина, таковый земянинъ ма быть позванъ до судьи и до подсудка, а не индѣ; естли бы тежъ нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка: староста нашъ и тежъ судья и съ подсудкомъ того Поляка мають судить. 95—101.

b) Ещо, земяне тегожъ повѣту за бортны древа не мають быть позваны до гаевника, але, яко первѣй выставено естъ, ма быть позванъ до судьи або до подсудка земского своего, предъ которымъ жо ма отповѣдать [354]). 169—173.

Quando aliquis terrigena, in aliquo, per Ruthenum inculpatus erit, quacunque re sit, huiusmodi terrigena, citari debet ad judicem et subjudicem, et non alibi. Si etiam aliquis Ruthenus pro mellificiis, alias o barć, Polonum citauerit: capitaneus noster cum judice et subjudice eundem Polonum judicare debent. 103—110.

Item terrigenae eiusdem districtus, pro mellificis arboribus, alias o barci, citari non debent, nec quouis modo tenebuntur, ad exactorem exactionis nostrae mellis, wlgariter hajownik, sed ut prius expressum est, debent citari ad judicem et subjudicem terrestrem suum, coram quo, respondere tenebuntur. 188—195.

юрисдикція надъ нѣкоторыми лицами принадлежала особымъ присудамъ, сословнымъ и частнымъ. Однако, указан. исключенія въ пользу особыхъ присудовъ имѣли мѣсто лишь въ дѣлахъ меньшей важности, по важнѣйшимъ же уголов. дѣламъ, каковы--разбой, насиліе, нанесеніе ранъ шляхтичу и поджогъ, право суда надъ всѣми вообще лицами и во всякомъ случаѣ принадлежало княжескому органу, т. е. воеводѣ, намѣстнику или старостѣ, смотря по тому, кто изъ нихъ стоялъ во главѣ мѣстнаго управленія.

[353]) Судебная власть въ Бѣльскомъ повѣтѣ была раздѣлена между великокняжескимъ органомъ—старостою и земскими (выборными) органами—судьею и подсудкомъ. Такое раздѣленіе, заимствованное у Поляковъ, сдѣлалось повсемѣстнымъ въ Литовскомъ государствѣ лишь съ введеніемъ Литов. Сатат. 1566 г., который предписалъ шляхтѣ каждаго повѣта выбрать судью, подсудка и писаря (разд. IV, арт. 1 и 2). Старостѣ Бѣльскаго повѣта принадлежалъ судъ по высшимъ уголовнымъ дѣламъ (разбою, кражѣ, нападенію на чье-либо жилище, насилію надъ женщиною и поджогу); всѣ же дѣла гражданскія, равно и прочія уголовныя подлежали суду выборныхъ органовъ, т. е. судьи и подсудка. Даже судъ надъ воромъ, какъ это видно изъ наказа старостѣ Дрогичинской земли (гдѣ были тѣ же судебные органы, что и въ Бѣльскомъ пов.), принадлежалъ старостѣ лишь въ случаѣ поимки вора съ поличнымъ. Ак. Зап. Рос. II, № 64.

XCII. Случаи замѣны низшей инстанціи высшею.

5[1]. А хто бы не вступая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ на господаря, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою дати имъ рокъ подобный, передъ нами имъ стати: а который бы зъ нихъ на тотъ рокъ передъ нами къ праву не сталъ, вымѣняя службы нашое, або (Боже уховай!) немоцы, а отволокая правомъ; тогды воевода нашъ маетъ моцно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждого отзыванья передъ насъ, и справедливость тому вчинити на обѣ стороны [355]). 184—195.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыд. грамотѣ, но съ отличіемъ, указаннымъ въ 355 примѣчаніи.* 201—211.

6. А далѣй въ томъ его милости привильи выписано: который князь, або панъ, або земянинъ, стоячи у правѣ передъ старостою, або передъ намѣстники, отзовется до насъ господаря на вышшое право: ино старостѣ и намѣстникомъ нашимъ того имъ не забороняти и къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли маютъ передъ нами стати; 123—130.

---

[354]) Отсюда видно, что въ Бѣльск. повѣтѣ, какъ и въ Дрогич. землѣ (Ак. Зап. Рос. II, № 64), судъ по дѣламъ, возникшимъ изъ-за бортныхъ деревъ, принадлежалъ господарскому *гаевнику* (см. лат. текстъ, откуда видно, что на гаевникѣ лежала обязанность собирать медовую дань); впрочемъ, для земянъ (т. е. Поляковъ-землевладѣльцевъ) сдѣлано исключеніе: они и въ этихъ дѣлахъ подсудны лишь судьѣ и подсудку.

[355]) Въ подтвердит. грам. 1529 г. вм. „на обѣ стороны"—„на конецъ".—Здѣсь, какъ и въ параллельн. мѣстѣ Волын. грамоты (см. грам. № 6), разрѣшается по гражданскимъ дѣламъ обращаться къ суду княжескому мимо суда воеводъ (по уголовн. дѣламъ, какъ это видно изъ ст. XIII, XXIX и CIII, судъ не м. б. производимъ за предѣлами земли; см. также прим. 79 и 126). Сущность настоящаго постановленія Кіевской устав. грамоты заключается въ слѣд.: 1) Замѣна низшей инстанціи высшею или великокняжескою, по желанію одного изъ тяжущихся, допускается лишь подъ условіемъ заблаговременнаго извѣщенія о таковомъ желаніи, а именно—до поступленія дѣла на разборъ воеводы; 2) неявившійся въ назначенный воеводою срокъ на судъ вел. князя безъ уважительной причины теряетъ право на переносъ дѣла въ высшую инстанцію, самое дѣло въ такомъ случаѣ рѣшается въ окончательной формѣ воеводою, а уклоняющійся отъ суда можетъ быть приведенъ на судъ воеводы силою. Параллельное мѣсто Волынской грамоты (см. ниже грам. № 6) предоставляетъ тяжущимся не только до разбора тяжбы на судѣ старосты, но даже и по наступленіи его („стоячи у правѣ передъ старостою") требовать переноса дѣла на судъ княжескій; староста не долженъ противиться этому требованію, но обязанъ назначить тяжущимся срокъ для явки къ суду вел. князя.

XCIII. О вотчинномъ (частновладѣльческомъ) судѣ.

2. Также на боярскіе люди и на мѣщанскіе сябры дѣцкихъ намъ и намѣстникомъ нашимъ не давати; а будетъ ли кому кривда, ино перво у господаря его искати правомъ: пакъ ли не всхочетъ господаръ его подобнымъ рокомъ права ему вчинити, ино намъ и намѣстникомъ нашимъ дѣцкихъ давати; а вина которая будетъ осужена, ино тую вину господарю своему заплатити, а въ люди намъ боярскіе не вступатися [356]). 84—93.

3. А хто коли человѣка держить въ пѣнязехъ, тые бы сами тыхъ людей своихъ судили и рядили, а околничіе бы и иншіе врядники Смоленскіе въ тое ся не вступали [357]). 220—224.

5[1]. А на церковные люди и на князскіе и на боярскіе дѣцкихъ не давати, первѣй обослати листомъ, штобы къ праву сталъ, а любо человѣка поставилъ; а не станетъ, а любо человѣка не поставитъ, до кого дѣло будетъ: ино [358]) тогда дѣцкого дати, а вину государю осуженую заплатити, чый будетъ человѣкъ [359]). 69—76.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыд. грамотѣ, но съ дополненіемъ, указаннымъ въ 358 примѣчаніи.* 94—102.

---

[356]) Общее и, такъ сказать, оффиціальное признаніе за всѣми вообще вотчинниками права производить судъ надъ своими крестьянами послѣдовало въ половинѣ XV в. вмѣстѣ съ изданіемъ шляхетской грамоты 1457 г., которая не только подчинила крестьянъ суду вотчинниковъ, но и прикрѣпила ихъ къ землѣ, воспретивъ переходъ крестьянъ съ частныхъ имѣній въ великокняжескія и наоборотъ (см. ст. 12 и 13 этой грамоты; о вотчинномъ судѣ говоритъ также и Судебникъ 1468 г., см. ст. 9—11). Смыслъ настоящаго постановленія Полоцкой устав грамоты, вполнѣ согласнаго съ аналогич. мѣстомъ указанной шляхет. грамоты, слѣд.: Вел. князь и его намѣстники не должны посылать дѣтскихъ для призыва боярскихъ людей и мѣщанскихъ сябровъ (см. прим. 250) на свой судъ; потерпѣвшій долженъ сначала обратиться за правосудіемъ къ господину виновнаго и только при отказѣ послѣдняго произвести судъ посылается великокняжескій или намѣстничій дѣтскій, но уголовный штрафъ съ виновнаго и въ этомъ случаѣ получаетъ его господинъ. См. также ст. свода XXXIV.

[357]) Судъ надъ закладнемъ (см. прим. 152) принадлежитъ его кредитору.

[358]) Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г. послѣ этого слова вставлено: „повторнѣ его обослати; не станетъ ли и повторнѣ...“.

[359]) Въ имѣнія церковныя, княжескія и боярскія дѣтскіе посылаются только тогда, когда по первому приглашенію (см. прим. 358) ни самъ владѣлецъ не явился, ни обвиняемаго не представилъ къ суду; штрафъ же съ виновнаго владѣльч. крестьянина идетъ въ пользу вотчинника. Такимъ образомъ, Кіевская устав. грамота оставляетъ за вотчинникомъ лишь право на полученіе выгодъ отъ суда, т. е. уголовнаго штрафа съ виновнаго, самый же судъ надъ владѣльческимъ человѣкомъ по этой грамотѣ принадлежитъ княже-

6. *a*) Такожъ што били чоломъ и жаловали отцу и брату нашому, ижъ старосты и намѣстники наши вины и заруки на нихъ беруть и на ихъ людехъ, и людей ихъ судятъ и рядятъ; ино отецъ и братъ нашъ [360]) то имъ отпустили: старостѣ и намѣстникомъ нашимъ вины и заруки на ихъ самыхъ и на ихъ людехъ не брати, и людей ихъ не судити и не рядити; судити имъ самымъ люди свои, и вины брати кождому съ своего чоловѣка [361]): нижьли, кому хто заручитъ колько копъ на насъ, а та бы зарука [362]) доведена была на кого справнымъ доводомъ, ино то̀ есть въ нашой воли. 52—64.

b) а злодѣя приличного гдѣ коли имуть на чыемъ имѣньи, тамъ его мають судити и тамъ жо маетъ каранъ быти, подлугъ давного обычая [363]); . . . . . 69—71.

XCIV. О смѣстномъ судѣ (изъ органовъ великокняжескаго и частнаго) на ярмаркахъ.

6. Такъ же о ярморки о Жидичиньскіи и о Дорогобужскіи, што староста даетъ отъ себе слугамъ своимъ тыи ярморки въ жалованье, намѣстничьство по годомъ держати; и тыи дей его намѣстники самыхъ ихъ и людей ихъ судятъ и рядятъ на тыхъ ярморкахъ и

скому органу. Такое постановленіе, несогласное съ постановленіями проч. устав. грамотъ, рѣшительно противорѣчитъ друг. извѣстіямъ о вотчинномъ судѣ въ Кіевской землѣ (см., напр., Ак. Зап. Рос. I, № 130). Недоумѣніе, вызванное указан. противорѣчіемъ, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣсколько ниже, въ той же Кіевской устав. грамотѣ находится др. пунктъ (см. ст. свода XXVII), изъ котораго видно, что и въ Кіевской землѣ судъ надъ владѣльческими людьми принадлежалъ вотчинникамъ.

[360]) Т. е. вел. князья Казиміръ и Александръ.

[361]) Здѣсь подтверждается то общее правило, по которому вотчинникъ самъ судитъ зависимыхъ отъ него людей и взыскиваетъ съ нихъ *вины* (уголов. штрафы) въ свою пользу. См. также ст. LXXXVI (гр. № 6, п. *b*), откуда видно, что выгоды отъ суда принадлежали землевладѣльцамъ даже и въ томъ случаѣ, когда судъ надъ зависимыми отъ нихъ людьми производился въ замкѣ, т. е. правительственнымъ органомъ. См. еще ст. LXXXV.

[362]) См. ст. XLVIII, 6 и прим. 225 и 226.

[363]) Отсюда видно, что судебная власть вотчинника простиралась на всякое вообще лицо, совершившее к.-л. преступленіе (кромѣ указан. въ ст. XC) въ предѣлахъ частной вотчины, все равно было ли это лицо зависимо или независимо отъ мѣстнаго землевладѣльца. См., кромѣ того, ст. LXXXVI—6, *b*, откуда также видно, что принципъ подсудности по мѣсту совершенія преступленія беретъ верхъ надъ принципомъ подсудности по общественному положенію обвиняемаго и по мѣсту постояннаго его жительства.—О поличномъ, остающемся въ пользу судьи-вотчинника, см. ст. LXXXVI—6, *a*.

потворныи [364]) заруки и вины на людехъ ихъ беруть; ино отецъ и братъ нашъ то имъ установили подъ тою мѣрою: на ярморки старостины намѣстники мають ѣздити по давному, а людей ихъ одинъ намѣстникъ не маетъ судити, маетъ тотъ чоловѣкъ судью собѣ съ своее руки посадити, которого земянина обравши [365]); 81—94.

XCV. Порядокъ призыва къ суду и послѣдствія неявки отвѣтчика на судъ.

5[1]. 5[2]. *NB. О порядкѣ призыва къ суду владѣльческихъ людей по этой грамотѣ см. ст. XCIII; кромѣ того, о порядкѣ призыва къ суду князей, бояръ и пановъ говорится въ ст. CIII.*

6. Ижъ старосты и намѣстники наши не мають на нихъ [366]) дѣцкихъ своихъ слати первымъ разомъ; а коли на кого жалоба прійдетъ, ино того первымъ листомъ и другимъ обослати: и коли на тыи два листы не станетъ, тогды дѣцкого послати; а коли за тымъ дѣцкимъ не станетъ, ино дѣцкованье [367]) маетъ заплатити, а старостѣ и намѣстникомъ нашимъ на томъ усказати отправити [368]). 20—29.

7. Вшелкій земянинъ, позваный, на первшій рокъ естли бы не сталъ, за вину... ма заплатить 12 грошей [369]). 226—228.

Quilibet terrigena citatus ad primum terminum si non paruerit, pro poena non comparitionis, wlgariter niestannego, fertonem soluere tenebitur. 259—263.

---

[364]) Т. е. несправедливо, незаконно.

[365]) Ярмарка, какъ мѣсто, куда періодически и временно съѣзжались и сходились для торга люди изъ различныхъ селъ и городовъ,—территорія нейтральная. Настоящимъ пунктомъ Волынской грамоты разрѣшается вопросъ, кому должно принадлежать на этой территоріи право суда надъ шляхтичемъ и человѣкомъ, зависимымъ отъ шляхтича: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимымъ или отвѣтчикомъ будетъ шляхтичъ или частновладѣльческій человѣкъ, составляется судъ смѣстный. Постояннымъ членомъ такого суда долженъ быть намѣстникъ старосты, временнымъ же, т. е. для даннаго дѣла,—земянинъ, выбранный обвиняемымъ; судятъ же оба органа совмѣстно.

[366]) Рѣчь идетъ о шляхтѣ Волынской земли.

[367]) Т. е. пошлину въ пользу дѣтскаго. О размѣрахъ этой пошлины см. ст. CIX.

[368]) Изъ Кіевской устав. грамоты (см. ст. CIII) видно, что за отвѣтчикомъ, неявившимся послѣ двукратнаго вызова, посылался дѣтскій для привода его въ судъ По Лит. Стат., отвѣтчикъ по уголов. или гражд. дѣлу, не явившійся на судъ послѣ двукратнаго приглашенія посредствомъ позывныхъ листовъ и послѣ вызова, произведеннаго дѣтскимъ, заочно обвинялся или проигрывалъ дѣло, а судебный приговоръ приводился въ исполненіе съ репрессаліями, т. е. посредствомъ грабежа (Л. С. 1529 г., р. VI, арт. 4 и 20).

XCVI. Освобожденіе вдовы отъ явки къ суду въ теченіе траурнаго года (по Бѣльск. грамотѣ).

7. По вмерломъ мужу, жона вмерлого земянина, презъ жданья едного року и недѣля, отъ права ма быть у покою захована, хиба бы невѣста, не ждучи того року, пошла бы замужъ [370]). 195—198.

In mortuo uiro, uxor terrigenae defuncti, per spatium anni et septimanae, a jure in pace fieri debet: excepto quo mulier non expectato huiusmodi tempore, alium uirum superduceret. 221—225.

XCVII. Запрещеніе заключать въ оковы и тюрьму подсудимаго, могущаго представить по себѣ поручителей.

1. черезъ поруку въ желѣза ихъ не сажаючи [371]), а ни въ которую муку. 41—43.

2. а чрезъ поруку, въ пятство [372]) не сажати, 95—96.

3. а коли который человѣкъ впадетъ у вину, а любо на которомъ человѣцѣ заплату [373]) присудять кому, и въ иншихъ малыхъ дѣлѣхъ, слуги пана Миколаевы и владычины и околничихъ слуги ихъ въ доводню [372]) сажають, а на поруку не дають; которое жъ дѣло его милость на той мѣрѣ поставилъ: коли кого вина обойдетъ, а любо который человѣкъ кому будетъ чимъ виноватъ, и тежъ до права, черезъ поруку, тыхъ всихъ не казалъ его милость въ доводню сажати въ таковыхъ малыхъ дѣлѣхъ, а велѣлъ ихъ за поруку давати, кромъ своего великого дѣла, въ которомъ же не пригодится на поруку давати [374]). 128—141.

5[1]. } *NB. Постановленія этихъ грамотъ объ отдачѣ бояръ на поруки отнесено*
5[2]. } *къ ст. XXIX.*

---

[369]) Земянинъ, не явившійся въ судъ послѣ перваго призыва платитъ штрафъ въ 12 грошей.

[370]) Аналогичное постановленіе о траурномъ годѣ включено и въ Лит. Стат. 1529 г. (р. IV, арт. 17).

[371]) „Не сажаючи"—ошибочно вм. „не сажати". См. выше, стр. 77—78, прим. 5.

[372]) Въ тюрьму.

[373]) Т. е. взысканіе по гражданскому дѣлу.

[374]) Отсюда видно, что поручительство практиковалось, какъ мѣра пресѣченія, до суда и послѣ суда. Очевидно, что въ первомъ случаѣ поручители ручались предъ судомъ, что отданный имъ на поруки не укроется отъ судебнаго преслѣдованія и явится на судъ,

XCVIII. Выдачка (договоръ о явкѣ къ суду, скрѣпленный закладомъ) [375].

1. а коли о чомъ посваряться и выдадуть ся въ колцѣ оба, то вина на насъ; а выдасть ся одинъ, а другій не выдасть ся, за то ихъ намъ не казнити. 82—85.

2. также, коли посваряться Полочане и выдадуться оба въ кольцѣ, ино то вина наша: а будетъ ли одинъ выдасться, а другій не выдасться, то есмо имъ отпустили. 199—202.

3. А такожъ въ роки выдавки, што одинъ выдасть ся, а другій не выдасть ся, тутъ вины нѣтъ; а коли оба выдадуть ся, ино судомъ дошодъ, на виноватомъ вина взяти, 56—59.

4. *NB. См. ст. CVII (латин. текстъ) и прим. 395.*

5[1]. А о выдачку, коли ся оба-два выдадуть и оба шапками вергуть, ино то выдачка; а одинъ ся выдастъ, а другій ся не выдастъ, ино то не выдачка. 111—114.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыдущей грамотѣ.* 133—136.

а во второмъ, что онъ не уклонится отъ присужденнаго уголовнаго наказанія или гражданскаго взысканія. Отсюда же видно, что порука, какъ мѣра пресѣченія отвѣтчику способовъ уклоняться отъ суда или наказанія, не примѣнялась лишь въ одномъ случаѣ, а именно—при государственныхъ преступленіяхъ. См. прим. 313.

[375]) Обычай заключать устный договоръ о будущихъ процессуальныхъ отношеніяхъ, т. е. о предметѣ спора и срокѣ явки къ суду, въ формѣ пари (битья объ закладъ) существовалъ съ древнѣйшихъ временъ у многихъ славянскихъ народовъ. Такъ, въ Чехіи такой договоръ назывался *вданьемъ* (wzdanie, wdánie). См. „Rad prawa zemského“ (одинъ изъ сводовъ чешскаго права, составленный въ полов. XIV ст.), переводъ котораго помѣщенъ въ собр. соч. Н. Д. Иванишева (стр. 110 - 148). Впрочемъ, литовско-русская *выдачка* („выдавка“) сопровождалась иными символами и влекла за собою иныя (менѣе суровыя) послѣдствія, нежели чешское *вданье*. Изъ приведенныхъ въ настоящей статьѣ постановленій видно, что въ Литвѣ символомъ совершенія выдачки служило бросаніе вверхъ шапокъ (см. грам. № 5). При выдачкѣ стороны не только точно опредѣляли предметъ спора и срокъ явки къ суду, но и условливались о размѣрахъ той суммы, которая должна б. служить закладомъ, и которая передавалась обѣими сторонами на руки стороннихъ третьихъ лицъ, присутствовавшихъ при заключеніи договора. Послѣдствія заключеннаго договора, повидимому, были слѣд.: сторона, не явившаяся въ судъ въ назначенный срокъ („въ роки выдавки“), теряла свой закладъ въ пользу противной стороны; въ томъ же случаѣ, когда являлись въ судъ обѣ стороны, находящійся на сохраненіи у третьихъ лицъ закладъ вручался судьѣ, затѣмъ производился судъ, и тотъ изъ тяжущихся, который на судѣ оказывался неправымъ, терялъ свой закладъ въ пользу судебной власти. См. также ст. XLIX, 5 („такожъ хто бы ся заложилъ у которое право на насъ госу-

XCIX. О сокахъ (доносчикахъ и обвинителяхъ) и свидѣтеляхъ; запрещеніе холопамъ быть соками и свидѣтелями [376]).

1. А холопу и робѣ вѣры не няти, 34.

2. А холопу и робѣ вѣры не няти. 96—97.

5'. *a*) Такожъ хто иметъ на кого сочити, ино того сока съ нимъ поставити [377]); 91—92.

b) А коли будетъ человѣкъ или холопъ, или роба, на государя своего сочити, ино съ человѣкомъ и съ холопомъ и съ робою суда нѣтъ, а человѣка и холопа и робу государю выдати [378]). 95—99.

5². *NB. Въ этой грамотѣ въ обоихъ пунктахъ то же, что и въ грам. предыдущей.* 115—117. 120—123.

6. а потворнымъ [379]) зарукамъ и свѣткомъ [380]) не вѣрити. 94—95.

C. О новыхъ показаніяхъ, данныхъ обвиняемымъ послѣ пытки.

2. а по мýцѣ вѣры не няти. 96.

даря...") и прим. 237. Въ Жмудской землѣ, договоръ о явкѣ къ суду на срокъ назывался „видавщизной". См. ст. CVII (лат. текстъ) и прим. 395.

[376]) Дополненіемъ къ приведеннымъ въ настоящей статьѣ пунктамъ устав. грамотъ служатъ постановленія, отнесенныя къ ст. XVI (запрещеніе налагать наказанія по одному только доносу, безъ суда) и къ ст. LXXXII (кара за ложный доносъ или ложное обвиненіе). Упомянутые въ наст. статьѣ (грам. № 5) *соки* (см. также ст LXXXII), какъ это видно изъ различ. памятниковъ литовско-рус. права, выступали въ процессѣ только тогда, когда виновникъ преступленія не былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; такимъ образомъ, дѣятельность соковъ (соченье) направлена была на открытіе преступника или отысканіе поличнаго (плата, получаемая соками за свой трудъ, называлась *просокой*). См. Судебникъ 1468 г., ст. 2, 16—18. Были ли соки низшими судебными урядниками, какъ это думаетъ Ѳ. И. Леонтовичъ (Рус. Правда и Лит. Стат., стр. 41), или сыщиками, если такъ можно выразиться, по призванію и ремеслу,—трудно рѣшить. Впрочемъ, изъ разсматр. статьи свода (см. грам. № 5) видно, что сокомъ могъ быть всякій свободный человѣкъ, а слово „сочить" значитъ не только отыскивать, разыскивать, выслѣживать, но и просто—возбуждать дѣло доносомъ, обвиненіемъ, выступать противъ к.-л. частнымъ обвинителемъ.

[377]) См. ст. XVI и прим. 89 и 94.

[378]) Въ устав. грамотѣ, пожалованной въ 1494 г. Кіевск. мѣщанамъ: „А холопу и робѣ не вѣрити, а ни на свѣточьство не пущати; а ни суда съ неволнымъ не надобѣ" (Ак. Зап. Рос. I, № 120).

[379]) Ложнымъ.

[380]) О зарукахъ см. прим. 225. Свѣтки—свидѣтели.

CI. Опредѣленіе продолжительности судебныхъ засѣданій и постановленіе о выдачѣ копій судебныхъ рѣшеній (по Бѣльской устав. грамотѣ).

7. Зася судья съ подсудкомъ ма судить, по ранней мши ажъ до нешпору [381]); а по правѣ, кому бы потреба была выписовъ съ книгъ земскихъ, мають братъ. 222—225.

Post matutinarum uero, usque ad uesperarum judicare debent, judex cum subjudice, et post resignationem juris, cui necessarium fuerit, rescripta, seu minutas, de libro terrestri recipere, recipiet. 255—259.

CII. Окончаніе дѣла миромъ до судебнаго разбирательства и по наступленіи его (еднанье или мирщина) и мировая пошлина съ тяжущихся.

1. Тежъ, которыи Витбляне межи собою побъються, а за дѣцкимъ поеднаються, ино намъ куница шерстью зъ мирьщины [382]); 79—82.

2. А которые Полочане межь собою побьються, а за дѣцкимъ простятся [383]), ино намъ куница шерстью зъ мирщины [384]); 196—199.

7. *a*) Зася, кгды бы нѣкторыи земяне, таемнѣ [385]), межи собою ся побили, алижъ до крывавыхъ ранъ, а за тою звадою, стали бы ко праву, а естли бы тежъ сами межи собою вошли у згкоду [386]): а за те битье зложили бы судьи и подсудку тылько пять грошей [387]). 118—123.

Item, quando aliqui terrigenae mutuo inter se contenderint, etiam ad cruenta wulnera, posito, quod pro eadem contentione inter se composuerint: judici et subjudici, quinque *grossos* duntaxat persoluere tenebuntur. 127—132.

---

[381]) Отъ ранней обѣдни до вечерни.

[382]) „Куница змирская", т. е. мировая пошлина, по Смоленской устав. грамотѣ равнялась 6 грошамъ. См. ст. XLVII, *b* (грам. № 3).

[383]) Въ подтвердит. грамотѣ 1547 г.: „поеднають ся".

[384]) Здѣсь, какъ и въ грамотѣ № 1, говорится объ окончаніи дѣла миромъ до судебнаго разбирательства: примиреніе между тяжущимися, состоявшееся въ присутствіи дѣтскаго (т. е. до суда), влечетъ за собою лишь судебную пошлину въ пользу вел. князя.

[385]) „Таемнѣ" переведено въ лат. текстѣ посредствомъ mutuo—взаимно.

[386]) Вошли въ соглашеніе, заключили мировую.

b) Такежъ за вшистки посполите члонки, земянѣ, кгды ся могуть таемнѣ зкгодить, судьи и подсудку маютъ дать пять грошей, ено не тыкаючи членковъ замковыхъ, кторе залежуть на старосту [388]). 124—128.

Similiter, pro omnibus generaliter articulis, mutuo inter se possunt concordari, judici et subjudici quinque grossos dando: exceptis tamen articulis castrensibus, quae sunt de judicio capitanei. 133—137.

CIII. Приведеніе судебнаго приговора въ исполненіе (урядовый грабежъ) [389]).

5[1]. А о грабежы безправные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь, або панъ, або человѣкъ нашъ пожаловалъ нашому воеводѣ на князя, або на пана, або на боярина Кіевского: ино ему обослати его листомъ [390]), абы передъ нимъ къ праву сталъ; а пакъ ли бы на листъ его не сталъ, ино [391]) послати дѣцкого и поставити къ праву, и, сѣдшы съ князи и съ бояры Кіевскими, того досмотрѣти: и хто въ томъ останетъ виненъ, на виноватомъ суженое отправити. 174—184.

5[2]. *NB. То же, что и въ предыд. грамотѣ, но съ дополненіями, указанными въ 390 и 391 примѣч.* 190—201.

---

[387]) Отсюда видно, что примиреніе могло состояться и по явкѣ въ судъ для разбора дѣла.

[388]) Здѣсь дополняется предыдущій пунктъ Бѣльской грам.: примиреніе можетъ имѣть мѣсто лишь въ менѣе важныхъ дѣлахъ, по высшимъ же уголов. дѣламъ (см. ст. XC и прим. 353), подсуднымъ старостѣ (въ др. земляхъ—воеводѣ), примиреніе не допускается. См. также ст. LXXXIII (и прим. 323), откуда видно, что мировая сдѣлка съ воромъ разсматривалась, какъ преступленіе противъ судебной власти.

[389]) Однимъ изъ способовъ приведенія судебныхъ приговоровъ въ исполненіе былъ *грабежъ*. Онъ, какъ это видно изъ Лит. Стат., состоялъ въ конфискаціи имѣнія отвѣтчика, уклонявшагося отъ добровольнаго подчиненія судебному приговору, съ отдачей этого имѣнія во владѣніе истца и съ назначеніемъ срока для выкупа пограбленнаго имущества (Лит. Стат. 1529 г., р. VI, арт. 31). Такой грабежъ долженъ б. производиться въ присутствіи судей и дѣтскаго и носилъ поэтому названіе урядоваго въ отличіе отъ грабежа „безправнаго", т. е. произведеннаго истцомъ самовольно, безъ вѣдома уряда. О послѣднемъ грабежѣ вскользь упоминаетъ приведенный въ наст. статьѣ пунктъ Кіевской земск. грамоты, устанавливающій поря докъ обжалованія и призыва къ суду виновныхъ въ учиненіи безправнаго грабежа, т. е. самоуправнаго нарушенія чужаго владѣнія. Что касается грабежа урядоваго, то о чемъ говоритъ лишь Бѣльская грамота. См. въ наст. статьѣ грам. № 7 и прим. 393.

[390]) Въ подтвердит. грамотѣ 1529 г. прибавлено: „по два кроть".

[391]) Ibid. прибавлено: „третій разъ".

7. Староста съ судьею и съ подсудкомъ, ку злупенью [392]) земянина, тылько мають двухъ земяниновъ послать, а не вѣнцей; а естли бы былъ непослушонъ, а недбалымъ былъ, теды ма презъ старосту до темницы всаженъ, хиба кгды бы не былъ добрѣ оселый. А который добрѣ оселый, не ма быть всаженъ, тылько у винахъ ма быть сказанъ; а вины мають быть презъ три роки: кгды выйдутъ три роки, ма презъ старосту и презъ судью быть грабенъ [393]). 180—189.

Capitaneus cum judice et subjudice, ad pignorandum terrigenam possessionatum, ministerialem, solum cum duobus terrigenis mittere debet, et non plures. Si autem inobediens, et incurabilis fuerit, ex tunc, per capitaneum detineri, et incarcerari debet, et hoc, dum non bene possessionatus fuerit. Possessionatus incarcerari non debet, tantum in poenis sententiari, poena post poenam, per trinos terminos. Elapsis autem trinis terminis, debet per capitaneum et judicem pignorari. 203—215.

CIV. Опредѣленіе размѣровъ „закладной куницы“.

1. А за закладную куницу на насъ брати по десяти грошей, 85—86.

2. А за закладную куницу брати по десяти грошей, 202—203.

CV. Судебная пошлина съ оправданнаго отвѣтчика („помоцнее“).

7. Зася который бы... съ казанья судьина, былъ бы правъ

Item quicunque ex sententia judicis, liber pro eo, pro quo ad

---

[392]) Археограф. Коммассія (Ак. Зап. Рос., I, стр. 225, прим. 7) дѣлаетъ слѣд. поправку: „кажется, должно читать „къ злапанью“, т. е. поимкѣ; въ перев. „ad pignorandum terrigenam“. Но указан. поправка, какъ это между прочимъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ разсм. пункта, невѣрна: „къ злупенью земянина“, „ad pignorandum terrigenam“ надо перевести въ настоящемъ случаѣ такъ: „для взысканія съ земянина по судебному рѣшенію к.-л. суммы денегъ“.

[393]) Смыслъ наст. пункта Бѣльской устав. грамоты слѣд.: Для взысканія съ земянина по судебному рѣшенію какой-либо суммы денегъ судъ можетъ послать лишь служебника (ministerialem) и въ качествѣ понятыхъ двухъ земянъ; если же отвѣтчикъ откажется уплатить присужденную съ него сумму, то онъ по распоряженію старосты сажается въ тюрьму. Впрочемъ, тюремному заключенію въ указан. случаѣ можетъ подвергнуться лишь земянинъ, не имѣющій прочной осѣдлости; земянину же съ прочной осѣдлостью даются три льготныхъ срока („три роки“), въ которые онъ долженъ уплатить присужденное, и только по истеченіи ихъ неисправный земянинъ-отвѣтчикъ подвергается грабежу въ присутствіи старосты и судьи.

о то, о што былъ до суду позванъ: теды помоцнего ма дать судьи и подсудку пять грошей. 229—232.

judicium tractus fuerit, pronunctiatus fuerit, extunc, pomocnego quinque grossos judici et subjudici soluere tenebitur. 263—267.

CVI. Пошлина присяжная (съ роты или присяги).

7. Зася, пречечени земяне ротнего не мають дати судьи и подсудку, едно два гроша. 83—84.

Item, expressi terrigenae: rothnego non tenebuntur judici et subjudici plus dare, praeter duos grossos. 89—91.

CVII. Судебная пошлина, взимаемая при гражданскихъ искахъ („пересудъ").

4. Тежъ выдаваны пересуды не мають быти межи ими [394]). 28—29.

Item obligatio vadium alias widawszczyzna [395]), nec etiam judiciales alias peresudy de cetero inter ipsos fieri non debent. 33—35.

CVIII. Пошлина межевая (за возобновленіе межъ).

7. А естли бы который земянинъ зъ своимъ сусѣдомъ гра-

Si quis terrigena cum uicino suo granicies innouare exposcat,

---

[394]) Въ латинскомъ переводѣ эта статья изложена полнѣе (см. лат. текстъ). —Въ 1509 г. съ цѣлью прекратить существовавшія злоупотребленія была издана „Устава о пересудѣхъ" (Ак. Зап. Рос., II, № 52); сущность ея содержанія заключается въ слѣд.: 1) если истецъ не докажетъ („не доищется") своей претензіи, то отвѣтчикъ не платитъ никакого „пересуда"; 2) если же искъ будетъ доказанъ, то самъ же истецъ долженъ уплатить пересудъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ суммы иска (отъ рубля 10 грошей, отъ 10 руб.—1 руб. и т. д.).

[395]) Въ лат. текстѣ Жмудской грамоты, изданномъ Дзялынскимъ (Zb. pr. lit., 68), а также и въ подстроч. примѣч. Археогр. Коммиссіи (Ак. Зап. Рос. I, стр. 120) вм. widawszczyzna стоитъ wiławszczyzna (вилавщизна). Что такая транскрипція этого слова неправильна, это видно изъ соотв. ему лат. термина „obligatio vadium" (vadium—род. пад. отъ vas=vadimonium), подъ которымъ разумѣется договоръ о явкѣ къ суду на срокъ (д., скрѣпленный закладомъ), и который соотвѣтствуетъ „выдачкѣ" др. грамотъ (см. ст. XCVIII и прим. 375). На основаніи этихъ соображеній мы и позволили себѣ сдѣлать въ текстѣ указан. поправку. (Г. Чарнецкій полагаетъ, что здѣсь говорится о натуральн. повинности, состоящей въ отысканіи бродовъ!)

ницу хтялъ бы узновить, теды двонастѣ грошей ма заплатить; а кгды бы были згожоны о положенье границы, зъ отпущенья и тежъ упущенья судьи и подсудкова, и съ права могли бы быть взяты такове границы узновять. 84—90.

et tunc fertonem ministeriali soluere tenebitur, et eum pro graniciebus ponendis et sipandis, terrigenae inter se concorditi fuerint, de licentia et admissione judicis et subjudicis, de jure recepta, poterint huiusmodi granicies, innouare et sipare. 91—99.

CIX. Пошлина, взимаемая дѣтскими и др. исполнит. чиновниками въ свою пользу.

1. а борцу по два гроши, такожъ дѣцкованье отъ рубля по чотыри гроши, а на милю по грошу; а владычиному слузѣ и боярскому потомужъ дѣцкованье [396]). 86—90.

2. а поборцу по два гроши, тежъ дѣцкованья отъ рубля по чотыри гроши, а помильного по грошу; а владычнему слузѣ и боярскому потомужъ дѣцкованье. 203—207.

3. *a*) а дѣцкованье по старому; 59—60.

b) Такожъ слуги пана Миколаевы, и владычины и околничихъ слуги, дѣцкованья почали были много на нихъ брати, не по тому какъ передъ тымъ бирано, отъ рубля по чотыри гроши, а отъ полтины по два гроши, а на милю дѣцкованья по грошу; а коли на справу пошлються, ино по два гроши на милю на нихъ бирано; 122—128.

CX. „Повежное"—пошлина, взимаемая съ заключеннаго въ тюрьму.

7. Зася, кгды нѣкторый земянинъ былъ бы всаженъ у вежу, теды строжовѣ вежи, вежнему, два гроши повежного ма заплатить, хиба артыкуловъ замковыхъ [397]), а вшакожъ кторе вины заставилихомъ на старосту. 190—194.

Item, dum aliquis terrigena incarceratus fuerit in turrim, ex tunc, custodi turris, uidelicet wieszneinu, duos grossos incarceratus, powiesznego, soluere tenebitur: exceptis tamen articulis castrensibus, quos et cum poenis eorum, pro capitaneo relinquimus. 215—221.

---

[396]) Дѣтскіе (см. прим. 77) состояли не только при вел. князѣ, воеводахъ, намѣстникахъ и старостахъ, но и вообще при всякомъ лицѣ, которое имѣло судебную власть.

[397]) См. ст. свода XC, 7 и прим. 353.

М. Заключительныя статьи.

CXI. Указанія на великокняжескія (королевскія) печати, привѣшенныя къ уставнымъ грамотамъ для доказательства обязательной силы и достовѣрности послѣднихъ.

1. А на то на все дали есмо имъ сесь нашъ листъ твердо и вѣчно, и печать нашу казали есьмо привѣсити къ сему нашому листу. 129—132.

2. А для лѣпшого свѣдомья и большоѣ твердости, и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. 268—271.

3. А для лѣпшого свѣдомья и болшоѣ твердости, и печать нашу маестатную казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. 284—287.

4. къ которому жъ привилью наша печать естъ завѣшена. 135—136.

Harum quibus, sigillum nostrum subappensum est, testimonio litterarum. 152—154.

5[1]. А на твердость того, и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. 214—216.

5[2]. А на твердость того, и печать нашу маестатную великого князьства Литовского казали есьмо привѣсити къ сему нашому листу. 295—298.

6. А для лѣпшого свѣдомья и твердости, и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. 161—163.

7. Ку кторымъ же то винсткимъ и особливымъ, къ моцности ихъ и къ вѣрѣ, печать наша къ нинѣйшимъ листомъ естъ завѣшона. 233—235.

In quorum omnium et singulorum robur et fidem, sigillum nostrum praesentibus est appensum. 268—270.

CXII. Перечень радныхъ пановъ, присутствовавшихъ при пожалованіи или подтвержденіи уставной грамоты.

1. При томъ были: бискупъ Виленскій князь Войтѣхъ; а воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Радивиловичъ; а маршалокъ, охмистръ королевое, намѣстникъ Ковенскій панъ Войтѣхъ Яновичъ. 133—138.

2. При томъ были велебный и урожоныи: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорей Стани-

славовичъ Остиковича; панъ Троцкій, староста Жомонтскій панъ Станиславъ Яновичъ; воевода Полоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ; староста Городенскій панъ Станиславъ Петровичъ; воевода Витебскій, маршалокъ и секретаръ панъ Иванъ Сопѣга; маршалокъ, староста Берестейскій панъ Юрьи Ивановичъ Ильиничъ; маршалокъ, намѣстникъ Мелницкій панъ Немира Гриманичъ и иные панове рада наша. 255—268.

3. А при томъ были панове рада наша: панъ Мартинъ, бискупъ Жомонтскій; а воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Радивиловичъ; воевода Троцкій, маршалокъ земскій панъ Миколай Миколаевичъ; панъ Троцкій, староста Жомонтскій панъ Станиславъ Яновичъ; воевода Полоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ; а гетманъ и маршалокъ панъ Станиславъ Петровичъ; а маршалокъ дворный, намѣстникъ Бѣльскій князь Михайло Львовичъ Глинскій; а подчашый, намѣстникъ Новгородскій панъ Олбрахтъ Мартиновичъ и иные многіе князи и панове, рада наши. 271—284.

4. При томъ же были вельможныи, уроженыи, шляхетныи панове: панъ Войтѣхъ, бискупъ Виленскій; а Миколай Радивиловичъ, воевода Виленскій, канцлеръ великого княжьства Литовского; а Петръ Яновичъ, воевода Троцкій; а Янъ Заберезинскій, староста Полоцкій; а Станиславъ Яновичъ, староста Жомонтскій; а князь Олександро, староста Городенскій; а Янъ Довойновичъ, староста Волковыскій; Станиславъ Ивашковичъ,...; а Станиславъ Глѣбовичъ, староста Мерецкій, и иншыхъ при томъ не мало. 139—151.

Praesentibus ibidem magnificis, generosis, strenuis et nobilibus dominis: venerando patre domino Albertro electo vilnensi confirmato; Nicolao Radiwiłłowicz vilnensi et magni ducatus Lithuaniae cancellario; Petro Janowicz trocensi, palatinis; Joanne Zabrzezinski polocensi, Stanislao Janowicz samogitiensi, duce Alexandro horodensi, Stanislao Kociewicz kownensi, Georgio Paczewicz nowogrodensi, Joanne Dawojnowicz wolkoniensi, Stanislao Iwaskowicz et Stanislao Chlebowicz merecensi, capitaneis; tenutariis, et marschalcis nostris; pluribus aliis fide dignis testibus circa praemissa. 157—171.

5[1]. А при томъ были панове рада наша: князь Войтѣхъ, бискупъ Виленскій; а панъ Виленскій князь Александро Юрьевичъ; а воевода

Троцкій панъ Миколай Миколаевичъ; а маршалокъ земскій, староста Городеньскій панъ Янъ Юрьевичъ; а староста Жомонтскій панъ Станиславъ Яновичъ; а маршалокъ панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича, а маршалокъ и секретарь панъ Иванъ Сопѣга и вси панове.

206—214.

5². И при томъ были панове рада наша: князь Янъ, бискупъ Виленьскій; князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій; князь Миколай, бискупъ Жомойтскій; князь Миколай, бискупъ Кіевскій; воевода Троцкій, гетманъ нашъ навышшій, староста Брацлавскій и Виницкій, князь Костянтинъ Ивановичь Острозскій; воевода Виленьскій, канцлеръ нашъ, староста Бѣлскій и Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Виленьскій, староста Городеньскій, маршалокъ нашъ дворный, державца Лидскій и Бѣлицкій, панъ Юрьи Миколаевичь Радивиловича; панъ Троцкій, староста Жомойтскій, панъ Станиславъ Станиславовичь Яновича; маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, державца Меречскій и Ошменьскій и Довкговскій, панъ Янъ Яновичь Заберезиньскій; воевода Полоцкій, староста Дорогицкій, державца Ожскій и Переломскій, панъ Петръ Станиславовичь; воевода Витебскій, маршалокъ нашъ, панъ Янъ Юрьевичь Глѣбовича; староста Берестейскій, маршалокъ нашъ, державца Вилкейскій и Остриньскій, панъ Александръ Ивановичь Ходкѣвича; воевода Подляшскій, маршалокъ нашъ, панъ Иванъ Богдановичь Сопѣга; подскарбій земскій, маршалокъ и писарь нашъ, державца Слонимскій и Каменецкій, панъ Богушъ Боговитиновичь; подскарбій дворный, державца Веленьскій, панъ Иванъ Андреевичъ, и иные панове рада наши великого князьства Литовского. 298—328.

6. *NB. Именъ радныхъ пановъ не означено.*

7. Кторы были при темъ, хвалебный, вельможни, вродливы, шляхетни: Войтехъ, бискупъ Виленскій; Миколай Радывилъ, воевода Виленскій, великого княжства нашого канцлерь; Янъ Заберезынскій, воевода Троцкій и найвышшій маршалокъ у княжствѣ Литовскомъ; князь Александро

Praesentibus ibidem: reuerendis, magnificis, generosis et nobilibus: Alberto episcopo vilnensi, Nicolao Radziwiłowicz palatino vilnensi et magni ducatus nostri Lithuaniae cancellario, Joanne de Zabrzezie palatino et castellano trocensi, et magni ducatus nostri supremo mareschalco, Alexandro

Юрьевичъ, панъ Виленскій, староста Городенскій; Станиславъ Яновичъ, староста Жомонтскій, панъ Виленскій [398]); Станиславъ Глѣбовичъ, маршалокъ нашъ, воевода Витебскій; Юрьи Ильиничъ, маршалокъ двора нашого, державца Лидскій; Войтехъ Клочко, кухмистръ двора нашого; Янъ Стецко маршалокъ нашъ, староста Дорогицкій; Матей Стецковичъ, державца Вышеградскій, и при иншихъ веле людей. 238—253.

Juriewicz castellano vilnensi et capitaneo grodnensi, Stanislao Janowicz capitaneo samogitiensi et capitaneo vilnensi, Stanislao Hlebowicz marschalco et capitaneo witepscensi, Georgio Ilinicz mareschalco et tenutario lidensi, Alberto Kłoczko magistro curiae ducatus nostri et mareschalco, Joanne Steczko capitaneo drohicensi, Mathia Steczko tenutario illius curiae, alias Wischehrod, et aliis quam plurimis, 273—290.

CXIII. Мѣсто и время выдачи грамоты.

1. Писанъ у Вильни, въ лѣто 7011 [399]), мѣсяца Іюля въ 16 день, индикта 6. 132—133.

2. Сталая и дано въ Берестьи, на великомъ соймѣ, лѣта Божьего тысяча пятьсотъ первогонадесять, мѣсяца Іюля въ двадцать третій день, индикта четвертогонадесять. 251—255.

3. Писанъ и данъ въ Берестьи, на соймѣ, въ лѣто 7013 [400]), мѣсяца Марта въ 1 день, индикта 8. 287—288.

4. Данъ у Вильни, въ середу октавы Внебовзятія панны Маріи [401]), року Божого тысяча и чотыриста и деветьдесятого второго. 137—139.

Datum Vilnae, feria quarta in octava assumptionis Mariae. Anno millesimo, quadringentesimo nonagesimo secundo. 154—156.

5[1]. Писанъ въ Городнѣ, въ лѣто 7016 [402]), мѣсяца Декабря въ 8 день. 216—218.

---

[398]) Археограф. Коммиссія (ссылаясь на №№ 176, 182 и 191, помѣщ. въ 1-мъ томѣ Ак. Зап. Рос.) дѣлаетъ слѣд. поправку: "слѣдуетъ читать „панъ Троцкій". См. Ак. Зап. Рос. I, стр. 226.

[399]) Въ 1503 г. по Р. Х.

[400]) Въ 1505 г. по Р. Х.

[401]) „Внебовзятіе панны Маріи", Assumptio (Beatissimae virginis) Mariae—Успеніе Пресвятыя Богородицы, 15 Августа.

[402]) Въ 1508 г. по Р. Х.

5². Писанъ у Вильни, подъ лѣты Божьего нароженья, тысяча пятьсотъ двадцать девятого, мѣсяца Сентября въ первый день, индикта третего. 328—331.

6. *NB. Datum нѣтъ* [403]).

7. Дѣяло ся и дано у Вильни въ понедѣлокъ Святого Петра катедры, 22 Лютего [404]), лѣта Божего 1501 году. 235—238.

Actum et factum Vilnae, feria secunda, ipso die Sancti Petri ad cathedram. Anno domini, millesimo quingentesimo primo. 270—273.

CXIV. Подписи государей и другихъ лицъ.

1. „Ивашко Сопѣжичъ, писаръ". 138.

5². „Рука королевская".—„Олбрахтъ Кгаштолтъ, канцлеръ".—„Копоть, писарь". 331—333.

7. Презъ руки Станислава Вената, писаря, который былъ при тымъ [405]). 253—255.

per manus Stanislai Veneti notarii, qui praesentia habuit in commissis. 290—291.

---

[403]) Примѣч. Археогр. Коммиссіи: „Въ Метрикѣ эта грамота записана между актами, при которыхъ поставлены мѣсяцъ Августъ и индиктъ 12, слѣдовательно она писана въ 1509 году". См. Ак. Зап. Рос. II, стр. 66.

[404]) 22 февраля.

[405]) Въ прочихъ устав. грамотахъ и въ томъ числѣ въ Полоцкой нѣтъ указаній на подписи; въ подтвердит. же Полоцкой устав. грамотѣ, пожалованной въ 1547 г., находимъ слѣдующее: „У того листу привилея подписъ руки короля его милости тыми словы: „Sigismundus Augustus Rex", а подписъ руки писарскоѣ тыми словы: „Иванъ Горностай, маршалокъ дворный, подскарбій земьскій и писарь". См. Ак. Зап. Рос., т. III, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ

рубрикъ и статей систематическаго свода уставныхъ земскихъ грамотъ.

Содержаніе рубрикъ и статей.	Страницы.	Въ какихъ грамотахъ находится данная статья.
А. Вступительныя статьи.		
I. Обозначеніе имени и титула государя, дающаго грамоту, съ прибавленіемъ обычной вступительной формулы.	101	1—7.
II. Обозначеніе классовъ населенія земли, получающей уставную грамоту.	103	1—7.
III. Изложеніе просьбы населенія о выдачѣ уставной земской грамоты съ объясненіемъ мотивовъ этой просьбы.	106	1—3, 5[1]—7.
IV. Резолюція государя на просьбу о выдачѣ устав. земской грамоты съ изложеніемъ мотивовъ, руководившихъ имъ при пожалованіи таковой грамоты.	109	1—7.
Б. Мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ.		
V. Подтвержденіе всѣхъ земскихъ правъ и обычаевъ, санкціонированныхъ грамотами прежнихъ великихъ князей.	112	4, 5[1], 6.
VI. Обѣщаніе государя, дающаго уставную грамоту, охранять и соблюдать заключающіяся въ ней права и постановленія и не допускать нарушенія ихъ со стороны мѣстныхъ правительственныхъ органовъ.	114	3, 4, 5[2].
В. Основныя земскія права.		
VII. Положеніе отдѣльной земли въ составѣ всего государства (Удостовѣреніе, что Жмудская земля присоединилась къ государству Литовскому вполнѣ добровольно).	115	4.

VIII. Недѣлимость и цѣльность состава земли.	116	3.
IX. Право земскихъ бояръ на управленіе волостями земли; управленіе пригородами.	116	3, 5[1], 5[2].
X. Обѣщаніе вел. князя не жаловать никого волостями и городами земель и въ частности не жаловать воеводъ управленіемъ центральнаго города земли на правахъ владѣнія по частному праву.	117	1, 2.
XI. Объ участіи населенія въ назначеніи и смѣнѣ воеводъ, старостъ и другихъ лицъ мѣстнаго управленія.	118	1, 2, 4.
XII. Обѣщаніе вел. князя не посылать жителей земли, получающей устав. грамоту, въ др. города для гарнизонной службы, а равно безъ ихъ согласія не присылать къ нимъ гарнизоновъ.	119	1, 2.
XIII. Обѣщаніе не производить суда за предѣлами земли.	120	1, 2, 4.
XIV. Обѣщаніе вел. князя не мѣнять судебныхъ рѣшеній, получившихъ законную силу.	122	1, 2.
XV. Право населенія производить судъ о вѣсахъ и мѣрахъ и торговыхъ проступкахъ.	122	1, 2.
XVI. Огражденіе личности гражданъ земли отъ посягательства со стороны властей (Обѣщаніе вел. князя наказывать только по суду и по степени вины и не карать по одному доносу, безъ предварительнаго гласнаго суда).	123	1, 2, 4—5[2].
XVII. Право петицій.	125	1, 2.
XVIII. Право выселенія изъ земли и государства.	125	1, 2.
Г. О правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ.		
XIX. О неприкосновенности православной вѣры.	125	3.
XX. Огражденіе правъ Литвиновъ и Ляховъ, принявшихъ православіе.	126	1.
XXI. О невмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла, церковные доходы и недвижимыя имущества церкви.	126	1—3, 5[1], 5[2].
XXII. О надзорѣ за церковными домами и объ управленіи церковными землями.	127	2.
XXIII. Опредѣленіе отношеній низшаго духовенства къ мѣстному епископу.	127	1, 2.
XXIV. Запрещеніе гривострижцу разъѣзжать по волости.	128	2.
Д. О сословныхъ правахъ и отношеніяхъ.		
XXV. Уравненіе мѣстной шляхты съ Литовскою въ правахъ и обязанностяхъ.	128	3—6.
XXVI. Распространеніе дѣйствія польскаго земскаго права на шляхту (Бѣльск. повѣта), какъ пожалованіе особенной льготы.	130	7.
XXVII. Подтвержденіе шляхетскаго достоинства за лицами, пользовавшимися (въ Жмудской землѣ) имъ прежде.	130	4.

XXVIII. Право временнаго отъѣзда (предоставл. шляхтѣ).	131	5^1, 5^2.
XXIX. Личныя права шляхты по отношенію къ правительственной власти.	131	5^1—6.
XXX. Свобода шляхты отъ государственнаго тягла.	132	4—5^2.
XXXI. Регламентація совмѣстнаго пользованія бояръ и мѣщанъ доходами съ городскихъ вѣсовъ (въ Полоцкѣ).	133	2.
XXXII. О кметахъ (Бѣльскаго повѣта).	134	7.
XXXIII. Воспрещеніе свободнаго перехода крестьянъ съ господарскихъ (в.-княжескихъ) земель на частныя и наоборотъ.	136	3, 5^1, 5^2.
XXXIV. Постановленіе о слугахъ и закладняхъ, живущихъ въ городахъ (дозволеніе вотчинникамъ селить ихъ на своихъ дворахъ и городскихъ усадьбахъ и опредѣленіе отношеній между ними и вотчинниками).	137	2.
XXXV. Запрещеніе селить на поляхъ и фольваркахъ за городомъ людей торговыхъ и ремесленныхъ.	138	2.
XXXVI. Обязанность владѣльч. крестьянъ, поселенныхъ въ городѣ, участвовать вмѣстѣ съ мѣщанами въ уплатѣ государствен. налоговъ и въ отбываніи натуральныхъ повинностей.	138	2, 3, 5^2.
XXXVII. Освобожденіе владѣльч. крестьянъ, поселенныхъ въ городѣ, отъ войтовской (мѣщанской) юрисдикціи.	140	5^2.
XXXVIII. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ отъ городскихъ сборовъ и налоговъ.	140	2, 5^2, 6.

Е. Постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управленія.

XXXIX. Воспрещеніе воеводѣ и его слугамъ производить судъ внѣ центральнаго города земли (въ видахъ предоставленія суда въ волостяхъ выборнымъ тіунамъ).	141	2.
XL. О городскомъ тіунствѣ.	141	2.
XLI. Замѣна должности дѣтскаго должностью вознаго (въ Бѣльск. повѣтѣ).	142	7.
XLII. Приказаніе намѣстнику избирать въ подвойскіе людей надежныхъ и съ согласія городскихъ жителей.	142	7.
XLIII. Постановленіе относительно выбора низшихъ должностныхъ лицъ (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).	142	7.

Ж. Мѣры обезпеченія населенія отъ самоуправства, притѣсненій и всякаго рода злоупотребленій со стороны органовъ мѣстнаго управленія.

XLIV. Мѣра, ограждающая жизнь, свободу и имущество жителей земли отъ произвола воеводъ.	143	1, 2.
XLV. Запрещеніе воеводѣ и проч. органамъ мѣстнаго управленія разъѣздовъ по волости, съ цѣлью охранить населеніе отъ поборовъ.	143	1, 2.

XLVI. Особыя постановленія (Кіевск. устав. грамоты), охраняющія землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ отъ всякихъ поборовъ, самоуправства и притѣсненій со стороны воеводы и его слугъ.	143	5^2.
XLVII. Опредѣленіе размѣровъ нѣкоторыхъ пошлинъ (кромѣ судебныхъ), взимаемыхъ органами мѣстнаго управленія, въ видахъ охраненія населенія отъ произвольнаго ихъ возвышенія.	145	2, 3, 5^1, 5^2
XLVIII. Запрещеніе органамъ мѣстнаго управленія брать незаконныя пошлины.	146	2, 4, 6, 7.
XLIX. Отмѣна, по жалобѣ населенія, всякаго рода нововведеній и притѣсненій, вызванныхъ корыстолюбіемъ и самовластіемъ органовъ мѣстнаго управленія.	147	3, 5^1, 5^2.
L. Право и способъ обжалованія неправильныхъ по суду дѣйствій органовъ мѣстнаго управленія (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).	150	7.
3. Постановленія относительно государственныхъ податей, пошлинъ и натуральныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различныхъ господарскихъ даней и службъ.		
LI. Подымщина (подать съ дымовъ или жилищъ); освобожденіе отъ нея владѣльческихъ крестьянъ.	150	5^1, 5^2.
LII. Куничная дань или промысловая подать.	151	4.
LIII. Освобожденіе владѣльческихъ людей (въ Волынск. землѣ) отъ платежа воловщины.	151	6.
LIV. Освобожденіе жителей (Полоцкой области) отъ уплаты постоянной серебщизны.	151	2.
LV. Случаи освобожденія жителей отъ платежа провозныхъ пошлинъ (на пространствѣ всего государства).	152	1, 2.
LVI. Постановленіе о тамгѣ.	152	3.
LVII. Отмѣна нѣкоторыхъ налоговъ, существовавшихъ лишь въ Смоленскѣ.	152	3.
LVIII. Тяглыя работы (полевыя, луговыя, дворцовыя, ѣздовыя и пр.) и случаи освобожденія отъ нихъ.	152	1, 2, 4—6.
LIX. Оправа замковая и городовая (устройство и исправленіе королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій); случаи освобожденія отъ этой повинности.	154	4—5^2.
LX. Сторожовщина (поставка сторожей въ замки, городовыя укрѣпленія и пр.) и станичная служба въ пограничныхъ мѣстахъ; случаи освобожденія отъ этой повинности.	155	3, 5^1, 5^2, 7.
LXI. Подводная повинность и случаи освобожденія жителей отъ этой повинности.	155	1—3, 5^1, 5^2
LXII. Общая земская ратная служба (посполитое рушенье).	156	1, 2, 7.
И. Постановленія, относящіяся къ торговлѣ и промысламъ.		
LXIII. Опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ дозволяется одной области взимать таможенныя пошлины съ жителей другой области.	156	3.

LXIV. Предоставленіе городу Смоленску права взимать съ пріѣзжихъ купцовъ торговый мытъ (вѣсчее) съ меду, соли и пр.	156	3
LXV. Запрещеніе воеводамъ и землевладѣльцамъ установлять и взимать новыя (кромѣ уже издавна существующихъ) торговыя и провозныя пошлины.	157	5^1—6.
LXVI. Запрещеніе жителямъ Смоленска держать корчмы.	157	3.
LXVII. Постановленія о великокняжескихъ правахъ охоты и о правахъ охоты на звѣроловство и рыболовство населенія земель.	158	2, 4—5^2.
LXVIII. Пожалованіе жителямъ г. Витебска трехъ урочищъ для застройки и для городскихъ выгоновъ.	158	1.
I. Постановленія, относящіяся къ гражданскому праву.		
LXIX. О завладѣніи пчелами.	159	7.
LXX. О находкѣ.	159	7.
LXXI. О купленныхъ и родовыхъ вотчинахъ (Неприкосновенность частной собственности).	160	1, 2, 4—5^2, 7.
LXXII. О выслуженныхъ вотчинахъ (Неотъемлемость имѣній, выслуженныхъ у прежнихъ вел. князей).	161	1, 2, 4—5^2, 7.
LXXIII. О правахъ распоряженія имуществами и въ частности отчинами и выслугами.	162	1, 2, 5^1, 5^2, 7.
LXXIV. Права угодій въ чужихъ имуществахъ: 1) о правѣ въѣзда въ лѣса.	165	2, 3, 5^2.
LXXV. Права угодій въ чужихъ имуществахъ: 2) о правѣ на бортныя ухожья въ чужомъ лѣсу.	166	7.
LXXVI. О наслѣдованіи по завѣщанію (Ненарушимость воли завѣщателя).	167	1, 3, 5^1, 5^2.
LXXVII. О наслѣдованіи жены послѣ умершаго мужа и о вторичныхъ бракахъ вдовъ; о приданомъ и вѣнѣ (посагѣ); о наслѣдованіи по закону нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ (дѣтей и племени).	168	1—5^2, 7.
LXXVIII. О безадщинахъ и отмерщинахъ.	172	1—3.
K. Постановленія, относящіяся къ уголовному праву.		
LXXIX. Объ индивидуальной виновности и наказуемости (Устраненіе отъ отвѣтственности невинной семьи преступника).	173	2, 5^1, 5^2.
LXXX. Здрада или верховная и земская измѣна.	174	5^1, 5^2.
LXXXI. Преступленія противъ великокняжескаго регальнаго права.	174	1, 2.
LXXXII. Ложный доносъ и ложное обвиненіе (ябедничество).	175	3, 5^1, 5^2.
LXXXIII. Самоуправство по отношенію къ вору, захваченному съ поличнымъ (самосудъ).	176	6.
LXXXIV. Убійство шляхтича и головщина, уплачиваемая виновнымъ въ убійствѣ шляхтичемъ.	176	4.
LXXXV. Убійство и головщина съ владѣльческихъ людей, виновныхъ въ убійствѣ.	177	6.

LXXXVI. Татьба (Постановленіе о поличномъ; опредѣленіе наказанія за татьбу; отвѣтственность жены и дѣтей вора).	177	1—3, 5¹—6.
LXXXVII. Порча полевыхъ межъ и незаконное пользованіе чужимъ имуществомъ.	179	7.
LXXXVIII. Истребленіе бортнаго дерева.	180	7.
Л. Постановленія, относящіяся къ процессу.		
LXXXIX. О судѣ воеводъ, намѣстниковъ и старостъ и участіи въ немъ представителей земства.	181	1—3, 5¹—6.
XC. Подсудность высшихъ уголовныхъ дѣлъ суду воеводъ, старостъ и намѣстниковъ.	182	6, 7.
XCI. Особыя опредѣленія относительно подсудности земянъ и русиновъ (въ Бѣльскомъ повѣтѣ).	183	7.
XCII. Случаи замѣны низшей инстанціи высшею.	184	5¹—6.
XCIII. О вотчинномъ (частновладѣльческомъ) судѣ.	185	2, 3, 5¹—6.
XCIV. О смѣстномъ судѣ (изъ органовъ великокняжескаго и частнаго) на ярмаркахъ.	186	6.
XCV. Порядокъ призыва къ суду и послѣдствія неявки отвѣтчика на судъ.	187	5¹—7.
XCVI. Освобожденіе вдовы отъ явки къ суду въ теченіе траурнаго года (по Бѣльск. грамотѣ).	188	7.
XCVII. Запрещеніе заключать въ оковы и тюрьму подсудимаго могущаго представить по себѣ поручителей.	188	1—3, 5¹, 5².
XCVIII. Выдачка (договоръ о явкѣ къ суду, скрѣпленный закладомъ).	189	1—5².
XCIX О сокахъ (доносчикахъ и обвинителяхъ) и свидѣтеляхъ; запрещеніе холопамъ быть соками и свидѣтелями.	190	1, 2, 5¹—6.
C. О новыхъ показаніяхъ, данныхъ обвиняемымъ послѣ пытки.	190	2.
CI. Опредѣленіе продолжительности судебныхъ засѣданій и постановленіе о выдачѣ копій судебныхъ рѣшеній (по Бѣльской устав. грамотѣ).	191	7.
CII. Окончаніе дѣла миромъ до судебнаго разбирательства и по наступленіи его (еднанье или мирщина) и мировая пошлина съ тяжущихся.	191	1, 2, 7.
CIII. Приведеніе судебнаго приговора въ исполненіе (*урядовый грабежъ*).	192	5¹, 5², 7.
CIV. Опредѣленіе размѣровъ „закладной куницы“.	193	1, 2.
CV. Судебная пошлина съ оправданнаго отвѣтчика.	194	7.
CVI. Пошлина присяжная (съ роты или присяги).	194	7.
CVII. Судебная пошлина, взимаемая при гражданскихъ искахъ („*пересудъ*“).	194	4.
CVIII. Пошлина межевая (за возобновленіе межъ).	194	7.
CIX. Пошлина, взимаемая дѣтскими и др. исполнительными чиновниками въ свою пользу.	195	1—3.

CX. „*Повежное*"—пошлина, взимаемая съ заключеннаго въ тюрьму.	195	7.
M. Заключительныя статьи.		
CXI. Указанія на великокняжескія (королевскія) печати, привѣшенныя къ уставнымъ грамотамъ для доказательства обязательной силы и достовѣрности ихъ.	196	1—7.
CXII. Перечень радныхъ пановъ, присутствовавшихъ при пожалованіи или подтвержденіи устав. грамоты.	196	1—5², 7.
CXIII. Мѣсто и время выдачи грамоты.	199	1—5², 7.
CXIV. Подписи государей и другихъ лицъ.	200	1, 5², 7.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ:

СТРАН.	СТРОКА	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	10 сн.	называема	называемая
„	7 „	вначалѣ	въ началѣ
2	3 св.	свои порядки и обычаи	своихъ порядковъ и обычаевъ.
4	7 св.	*бы*	*бо*
6	10 „	судить	видѣть
7	7 сн.	судебника	Судебника
9	9 св.	характера,	характера
15	3 сн.	содержаніемъ	содержаніемъ,
16	18 „	Кромѣ того	Кромѣ того,
22	1 сн.	одно тѣло	одного тѣла
23	1 св.	государственное сословіе	государственнаго сословія
28	4 сн.	Кромѣ того	Кромѣ того,
34	14 св.	нисшихъ	низшихъ
43	прим. 2	Первыя четыре строки этого прим. слѣдуетъ выкинуть.	
44	15 св.	напр.	напр.,
44	16 „	присоедипенія	присоединенія
55	16 „	въ держаніе	въ управленіе
57	12 „	Западной	Западною
59	11 „	нисшихъ	низшихъ
70	14 сн.	—ской	—скою
76	12 св.	представлялось	предоставлялось
77	8 сн.	Снстем.	Систем.
81	6 „	разсмотренной	разсмотрѣнной
84	9 св. и 13 сн.	Смолнянъ	Смольнянъ
89	11 сн.	ст. III—52	ст. III—5[2]
96	2 „	235 строкъ	255 строкъ
98	4 „	редакціи	редакціи—

106	8	сн.	просило	просило,
107	19	св.	Смоленскъ	Смоленескъ
107	4	сн.	Смолнянами	Смольнянами
117	15	„	усмотренія	усмотрѣнія
120	15	сн.	II, № 159 III, № 19);	II, № 159; III, № 19)
121	4	св.	238—242	238—243
125	6	„	*тоже*	*то же*
129	17	„	„	„
131	1	св.	*представл.*	*предоставл.*
138	9	„	*учавствовать*	*участвовать*
143	10	сн.	лицъ	лицъ,
151	7	св.	*Освобожденія*	*Освобожденіе*
153	18	„	5^1.	5^1. *a*)
156	14	„	48—39	48—49
163	7	„	Тоже	То же
179	14	сн.	изъ нихъ	изъ нихъ,
„	„		причинамъ	причинамъ,
179	6	сн.	чиновники	чиновникъ
185	16	„	устав	устав.
190	15	св.	землѣ,	землѣ
191	7	сн.	ст. XLVII, *b* (грам. № 3).	ст. XLVII, 3, *b*.
194	9	„	грамоты.	грамоты,

ТАБЛИЦА

ДЛЯ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ТЕКСТА

каждой уставной земской грамоты.

№ 1.		№ 2.		№ 3.		№ 4.		№ 5[1].		№ 6.		№ 7.	
I	1—7	I	1—14	I	1—11	I	1—5	I	1-8	I	1—8	I	1—14
II	7—10	II	14-16	II	11—15	II	5—10	II	8—9	II	8—12	II	14—18
III	10—17	III	16—27	III, *a*	15-38	IV	10—15	III	10—15	III	12—16	III	18—27
IV	17—21	IV	27—:8	IV, *a*	38-42	VII	16-19	IV	15—19	IV	16—20	IV	27—33
XXI	21—25	XXI	38—43	XIX	42—45	V, *a*	20—23	XXI	19—22	XCV	20—29	XLI	34—37
LXXI, *a*	25—27	XVI	43—51	XXI	45—46	LXVII, *a*	24—27	XVI	22—32	LXXXV	29-43	XXVI	37—46
LXXVIII	27—29	LXXIX	51—60	LXXVIII	46—47	CVII	28—29	LXXX	32—35	XXIX	43 51	LX	47—51
LXXVII	29	LXXII	61—67	LXXVII	47-49	LVIII, *a*	30—32	LXIX	35—43	XCIII	52—64	LXXIII	52—61
LXXVI	30—32	LXXIII, *a*	67—70	LXXVI	49—50	LIX, *a*	33—35	LXXII	43-52	XC	64-68	LXXVII	62—82
LXI	32—34	LXXI	70—71	LXXXVI	50—53	LXXII	36—39	LXXVII	52—62	XCIII	69—71	CVI	83—84
XCIX	34	LXXVIII	71—73	LVI	53—55	XIII	40—41	LXXIII	62—66	LXXXVI, *a*	71—73	CVIII	84—90
XVI, *a*	34-35	LXXVII	73—84	LXVI	55—56	XI	42—43	LXXVI	66-69	LXXXIII	73—77	XLVIII	91—94
XIV, *a*	35-36	XCIII	84—93	XCVIII	56—59	LXXVII	44—52	XCIII	69—76	XLVIII	77—81	XCI, *a*	95—101
XVI, *b*	36- 38	LXXXIX, *a*	93—95	CIX, *a*	58 60	XXV	53—66	XXIX	76—79	XCIV	81—94	XC	102—112
XIV, *b*	38—39	XCVII	95—96	LXIV	60—62	XXVII	67—70	LI	79—81	XCIX	94—95	L	113—117
XVI, *c*	39—40	C	96	LVII	62—66	LVIII, *b*	70—74	XXVIII	81—91	LXXXVI, *b*	95—100	CII, *a*	118—123
XVII	40—41	XCIX	96—97	XXXIII	66—68	LXXXIV	75-79	XCIX, *a*	91—92	LXV	100—113	CII, *b*	123—128
XCVII	41—43	LXI	97—99	LXI	68—73	V, *b*	79—82	LXXXII	92—95	LXVIII	113—119	LXXXVII	129—133
LXXI, *b*	43—45	LVIII	99—102	IX	73—77	LXXI	83—91	XCIX, *b*	95—99	XXXVIII	119—123	LXIX	134—136
XVI, *d*	45—47	XIV	102—103	VIII	77—85	XVI	92—96	XXV, *a*	99—101	XCII	123—130	LXXV	137—159
XII, *a*	47—48	XII	103—107	LXIII	85—92	XI, *b*	97—101	IX	101—104	LXXXIX	130—134	LXXXVIII	159—169
LXII	48—49	LXII	107—108	XXV	92—95	XXX	102—105	XXV, *b*	104—108	V	134—141	XCI, *b*	169—173
XLV	49—52	XLV, *a*	108—111	IV, *b*	95—98	LIX, *b*	106—110	LXI	108—110	LIII	141—155	LXX	174—179
LXXXVI	52—60	LXXXVI	111—114	XLIX, *a*	98—121	LXVII, *b*	111—113	XCVIII	111-114	XXV	155—161	CIII	180—189
LVIII	60—62	LXVII	114	CIX, *b*	122—128	LVIII, *c*	114—115	LXXXVI	114—122	CXI	161—163.	CX	190—194
XV	62—70	XXXI	115—128	XCVII	128—141	LII	116-118	LVIII, *a*	122-131			XCVI	195—198
LXXI, *c*	70—72	XXXIV, *a*	128—144	XLIX, *b*	142—153	XLVIII	119—123	LIX	131-132			XXXII	199-219
LXXXI	72—74	XXXVI, *a*	144—147	XLIX, *c*	153-161	VI	124—126	LXVII	132-138			XLIII	220—221
X	74—75	XXXV	147—153	LXXXIX	162—169	V, *c*	127—135	LX	138-143			CI	222—225
LV	75—76	XXXIV, *b*	153—164	XLIX, *d*	169-180	CXI	135—136	XXXIII	144 147			XCV	226—228
LXVIII	76—79	XXXVI, *b*	164—169	III, *b*	180—185	CXIII	137—139	LVIII, *b*	147—149			CV	229—232
CII	79—82	XXXVIII	169—173	LXXXII	185—198	CXII.	139—151.	XXX	149—154			CXI	233—235

№ 1.		№ 2.		№ 3.		№ 4.		№ 5[1].		№ 6.		№ 7.	
XCVIII	82—85	LXXIV	173—186	XLVII, *a*	198—203			XLIX	154—166			CXIII	235—238
CIV	85—86	XV	186—191	LXXIV	203—209			XLVII	166—174			CXII	238—253
CIX	86—90	LXXXI	191—193	XLVII, *b*	209—214			CIII	174—184			CXIV.	253—255.
XXIII	90—91	X, *a*	193—194	XLVII, *c*	214—216			XCII	184—195				
XI	91-95	LV	194—195	XXVI, *a*	216—220			LXV	195—203				
XLIV	95—99	LIV, *a*	195—196	XCIII	220—224			V	203—206				
XVIII	99—108	CII	196—199	XXXVI, *b*	224—244			CXII	206—214				
LXXIII	108—110	XCVIII	199—202	XLII	244—250			CXI	214—216				
XIII	110—116	CIV	202—203	III, *c*	250—253			CXIII.	216—218.				
LXXXIX	116—119	CIX	203—207	IV, *c*	253—260								
LXXII	119—123	XL, *a*	207—208	VI	260—271								
XII, *b*	123—125	XLV, *b*	208—210	CXII	271—284								
XX	125—129	XL, *b*	210—211	CXI	284—287								
CXI	129—132	XXXIX	211—216	CXIII.	287—288.								
CXIII	132—133	XXIII	216—218										
CXII	133—138	XXII	218—221										
CXIV.	138.	XXIV	221—222										
		XI	222—226										
		XLIV	226—230										
		X, *b*	230										
		XVIII	230—235										
		LXXIII, *b*	235—238										
		XIII	238—243										
		LXXXIX, *b*	244—246										
		XLVIII	246—248										
		XVII	248—249										
		XLVII	249—251										
		CXIII	251—255										
		CXII	255—268										
		CXI.	268—271										

Примѣчаніе 1. Въ каждомъ вертикальномъ столбцѣ таблицы, во главѣ котораго поставленъ номеръ той или др. грамоты, римскія цифры обозначаютъ нумерацію статей по сведенному тексту, а стоящія рядомъ съ ними арабскія цифры—строки, занимаемыя этими статьями въ печатныхъ изданіяхъ грамотъ. Чтобы возстановить первоначальный текстъ извѣстной грамоты, слѣдуетъ только прочесть всѣ статьи ея въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ приведены въ соотвѣтствующемъ этой грамотѣ вертикальномъ столбцѣ таблицы.

Примѣчаніе 2. При составленіи этой таблицы не принята во вниманіе лишь грамота № 5[2], такъ какъ въ настоящій сводъ вошли только нѣкоторыя статьи этой послѣдней. См. пунктъ 5-й объяснительной замѣтки, помѣщенной на стр. 99—100.

2007237654